

БОЛГАРСКИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК
ПРЕДВОЗРОЖДЕНЧЕСКОГО ПЕРИОДА

Москва
1992

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И БАЛКАНИСТИКИ
МЕЖРЕСПУБЛИКАНСКАЯ НАУЧНАЯ АССОЦИАЦИЯ БОЛГАРИСТОВ
НАУЧНЫЙ ЦЕНТР ОБЩЕСЛАВЯНСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
(ЦЕСЛАВ)

БОЛГАРСКИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК
ПРЕДВОЗРОЖДЕНЧЕСКОГО ПЕРИОДА

Сборник статей

МОСКВА
1992

Предисловие

Настоящий сборник является препринтом части исследований, подготовленных для коллективного труда российских и болгарских авторов "Из истории болгарского литературного языка периода Предвозрождения", находящегося в Издательстве Болгарской академии наук в Софии. Вынужденная задержка с публикацией этого труда делает целесообразным введение в научный обиход хотя бы части содержащихся в нем данных.

Сборник посвящен важнейшему для процесса исторического развития болгарского литературного языка периоду – периоду Болгарского предвозрождения (XVII – вторая треть XVIII вв.) с характерной для него тенденцией к демократизации культуры, литературного языка и письменности. Основное внимание в вошедших в сборник исследованиях привлекает письменность новоболгарских дамаскинов, язык которой широко отразил живую народную речь этого времени с ее продвинутым аналитическим строем, значительным числом балканализмов и обновленным словарем и тем самым явился переломным моментом в развитии болгарского литературного языка, традиционно сохранявшего синтетический грамматический строй и характерную лексику.

Уже результаты вошедших в данный препринт исследований – а за его рамками остался ряд статей коллективного труда, посвященных характеристике болгарского литературного языка XVI–XVIII вв., софийской школе письменности (Р. Цойнска, А. Даскалова), языку печатных книг XVI в. (Д. Иванова-Мирчева), лингво-текстологическим особенностям отдельных дамаскинов (Е. Мирчева, В. Василев, А. Манолова), проблематике членных форм, прилагательных, наречий, акцентных парадигм глагола в языке новоболгарских дамаскинов (Е. Кочева, Л. Селимски, В. Вътов, В. А. Дыбо и др.) – позволяют судить о важных особенностях грамматического строя и лексического состава живого болгарского языка XVII в., впервые с такой полнотой отраженных в письменности, и вместе с тем о связи книжного болгарского языка XVII в. на народной основе с письменной традицией. Они на конкретном материале подтверждают содержащиеся во вступ-

ISBN 5-201-00746-5

© Институт славяноведения и балканистики
РАН, 1992

пительной статье к сборнику выводы теоретического характера о целесообразности самого выделения периода Болгарского Предвозрождения; об особенностях преломления характерной для него тенденции к демократизации культуры и письменности в состоянии литературного языка и языковой ситуации; о возможности рассматривать этот сдвиг как начало особого периода в истории болгарского литературного языка в свете ее периодизации; о статусе функционировавшего в это время наряду с другими книжно-литературными идиомами книжного болгарского языка на народной основе как особого исторического типа литературного языка, сочтавшего в себе элементы традиции и народной речи и в силу этого обеспечивавшего континуитет литературно-языкового развития.

Е. И. Демина

ПРЕДВОЗРОЖДЕНЧЕСКИЙ ПЕРИОД
В ИСТОРИИ БОЛГАРСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

Е. И. Демина

Исследование процесса исторического развития болгарского литературного языка в эпоху Возрождения, приведшего к становлению единого литературного языка нации, широко осуществляющее в последние десятилетия в трудах болгарских ученых и ученых других стран, обостряет интерес к письменности предшествующей, преднациональной эпохи (XVII – вторая треть XVIII столетий). Все яснее становится, что корни многих дискуссионных проблем развития литературного языка в эпоху Возрождения уходят в преднациональный период, а сами эти проблемы могут быть правильно поставлены и решены лишь при внимательном исследовании и учете историко-культурной и языковой ситуации предвозрожденческого времени. Речь идет о том этапе развития болгарского общества, для которого характерно появление ряда новых социально-экономических и культурных тенденций развития, подготовивших собой болгарское Возрождение и, прежде всего, такую его важнейшую сторону, как формирование национального литературного языка.

В разное время мы уже высказывали мысль о том, что по исторической сущности процессов, протекавших в болгарских землях на протяжении XVII – второй трети XVIII столетий в области культуры, литературного языка и письменности, этот период может быть определен как Болгарское Предвозрождение. В настоящей статье, предваряющей сборник исследований, посвященных данному периоду в истории болгарского литературного языка, хотелось бы подробнее обосновать эту идею, а также привлечь более пристальное внимание к некоторым проблемам функционирования болгарского литературного языка как категории исторической, как "целого" на данном этапе его развития.

1. Термин "Предвозрождение" по отношению к переходному к новой литературе и к национальному литературному языку в Болгарии периоду (XVII – вторая треть XVIII в.) впервые был использован нами в 1976 г. в докладе на Междуна-

родном симпозиуме в Велико Тырново "Тырновская школа письменности" и подробнее раскрыт и обоснован в последующих работах¹, хотя сам этот период мы выделяли уже в самых ранних своих публикациях. Значительное место определению этого понятия отведено в работах Э. Георгиева². По его мнению, Болгарское предвозрождение – это тот период "развития болгарского народа, болгарской культуры и болгарской книжности, который ограничен, с одной стороны, развитием барокко в Средней, Восточной и Западной Европе, с другой – появлением в 1762 г. "Истории славяноболгарской" Паисия Хилендарского, поставившей границу между средневековьем и новым временем в нашей отечественной истории и положившей начало Болгарскому возрождению³. Добавим к этому определению, что появление новых тенденций историко-культурного и общественного развития имело место в самой Болгарии этого времени – это, собственно, и позволяет поставить вопрос о феномене именно болгарского предвозрождения.

Важнейшей из этих тенденций была тенденция к демократизации культуры⁴. Особенно ярко она проявилась в демократизации литературы и литературного языка, и специально – в появлении в XVII в. письменности новоболгарских дамаскинов, широко отразившей живую народную речь аналитического грамматического строя и обновленного словаря и тем самым явившейся переломным моментом в поступательном развитии традиционного болгарского литературного языка, основанного на синтетическом грамматическом строе и традиционно-книжном словаре и стиле.

Генетически связанное с творчеством греческого писателя XVI в. Дамаскина Студита (язык произведений которого, в частности сборника "Сокровище", отражал многие черты живой новогреческой народной речи), появление этой письменности было в значительной мере обусловлено особенностями социальной и историко-культурной ситуации в самих болгарских землях – экономическим подъемом городов, развитием ремесел и торговли, укреплением ремесленническо-торгового сословия, которое взяло на себя функцию финансовой и иной поддержки культурных начинаний демократического характера, – нарастающей тенденцией к превращению в условиях иноземного ига культуры и письменности на род-

ном языке в средство сплочения, консолидации народности⁵. Как известно, эту роль литературный язык на основе живой народной речи играл и в период Возрождения, особенно раннего.

Целесообразность выделения предвозрожденческого периода в истории болгарского литературного языка особенно отчетливо проявляется при подходе к языковой ситуации в болгарских землях в это время в более широком сравнительно-типологическом аспекте⁶, в частности, в аспекте балканистическом. Речь идет о типологических сходствах многих историко-культурных и общественных процессов и тенденций развития в порабощенных балканских странах в конце XVI – первой половине XVII столетий, обусловленных сходством исторических и экономических условий их жизни. Как мы пытались показать в ряде своих работ⁷, этот период занимает особое место в истории словесности всех балканских народов и истории их литературных языков. В частности, у всех них он характеризуется существенными изменениями в языковой ситуации, коренными переменами в литературном языке как историко-культурном явлении, обусловленными соответствующими экономическими, идеологическими и социальными сдвигами. Важнейшей типологической тенденцией в структуре этого процесса у всех балканских народов в этот период был отход от используемого как инструмент культурного общения непонятного (или уже мало понятного) простому народу традиционного ЛЯ различных редакций (древнеболгарского языка среднеболгарского типа в Болгарии, Валахии, Трансильвании, Молдавии и, отчасти, Албании, классического языка византийской эпохи – в Греции, латинского, арабского – в Албании) и возникновение новых книжных языков на основе живой народной речи (обычно – на основе народно-разговорного кийне городского населения) с целью создания письменности, понятной простому народу. Последнее было связано с общей демократизацией письменности и шире – демократизацией культуры в этот преднациональный период. В условиях упадка в конце XVI – начале XVII вв. Османской империи в результате военных поражений, разложения военно-феодальной системы, усиления политики эксплуатации, религиозной дискриминации и насилиственной ассимиляции балканских народов (известным исключением в

этом отношении была Греция), с одной стороны, роста городов, развития ремесла и торговли, с другой, создание письменности на доступном народу языке явилось, как можно полагать, формой борьбы определенных социальных группировок против языковой и религиозной ассимиляции, формой консолидации народности, укрепления и подъема ее этнического самосознания. Рассмотренный в более широком контексте, этот процесс явился вместе с тем отражением прокатившейся по Европе волны Реформации и Контрреформации, ускорившей процесс формирования ряда европейских литературных языков на народной основе.

Как это имело место и в Болгарии, отсутствие единого политического, экономического и культурного центра, и, соответственно, направленной языковой политики государства, исповедание у некоторых балканских народов (особенно в Албании) различных религий при конфессиональном в целом содержании литературы, сильная диалектная раздробленность языкового континуума, упадок образования и ряд более частных причин способствовали у всех этих народов экстенсивному развитию литературного языка, появлению все новых и новых книжно-литературных идиомов на пути демократизации языка письменности. Каждый из этих идиомов обладал своими системой и нормой (с учетом исторического статуса последней) и отличался от других, главным образом, выбором диалектной основы и отношением к литературно-языковой традиции (при наличии таковой). Сфера применения подобных книжно-литературных идиомов была ограниченной, нередко замыкалась в рамках деятельности конкретного книжника. И хотя между ними имело место определенное взаимодействие и существовала известная преемственная взаимосвязь, все это вело в конечном счете к дивергентному развитию литературного языка, к возникновению в нем центробежных тенденций. При этом новые книжно-литературные идиомы как реальные коммуникативные единицы конкурировали с отчасти еще сохранявшим свои позиции традиционным литературным языком. Поэтому, как и в Болгарии, у всех балканских народов языковая ситуация преднационального периода характеризовалась тенденцией к литературно-языковому двуязычию и многоязычию гомогенного и гетерогенного характера.

Наличие общих тенденций развития литературных языков балканских народов в конце XVI – начале XVIII вв. подтверждает целесообразность выделения предвозрожденческого периода в развитии литературного языка в Болгарии, который в качестве такового должен стать объектом специальных историко-лингвистических и типологических исследований.

Характерно в этом отношении изменение языковой ситуации в болгарских землях в это время. Как известно, к моменту появления письменности новоболгарских дамаскинов в рамках болгарского языка как диасистемы синхронно существовали и функционировали два морфологических и синтаксических строя речи: синтетический в традиционном литературном языке с его развитой системой падежей и аналитический – в народно-разговорной речи (городских койне и говорах). Официальным административным языком был турецкий, в сфере официальной церкви и образования болгарские языковые идиомы были вынуждены соперничать с греческим языком.

Начиная с XVII в. вместе с распространением печатных книг каноническо-литургического содержания, проникавших в Болгарию из России, как один из письменно-литературных идиомов постепенно стал осознаваться церковнославянско-русский язык поздней послениконовской редакции⁸. Кодифицированный в грамматике Мелетия Смотрицкого (в изданиях 1619, 1629, 1648 и 1721 гг.), которая в списках распространялась в Болгарии со второй половины XVII в., этот язык, хотя сам по себе и не использовался активно в литературном творчестве⁹, оказывал влияние на языковые особенности отдельных книжников и практику килийного обучения, присутствовал в языковом сознании образованных людей того времени. Со временем он стал постепенно вытесняться из письменности отдельные нормы традиционного литературного языка, с которым исторически был связан.

Создание книжного языка на народной основе изменило эту ситуацию, включив в систему синхронно функционирующих идиомов болгарского языка письменно-литературный идиом, основанный на живой народной речи. Отныне "простой" болгарский язык в качестве книжно-литературного идиома стал конкурировать с традиционным литературным языком периода позднего средневековья, вытеснив послед-

ний, а также и церковнославянско-русский язык из сферы живой церковной проповеди, обращенной к простому народу, из проповеднической, агиографической и апокрифической письменности популярного характера, исполнявшей функции светского чтения.

Появление дамаскинов повлекло за собой расширение социального состава тех, кому адресована письменность, демократизацию этого состава. А это – важное явление. Как верно отметил Б. Гацов, "дамаскины передают возрожденцам читательскую публику, у которой они воспитали элементарный эстетический вкус, культивировали любовь к книге и привычку читать"¹⁰. Тем самым расширялась и социальная база потенциальных носителей литературного языка. С другой стороны, проникновение народно-разговорного в своей основе книжного языка в сферу достаточно высокой культуры означало расширение коммуникативной сферы народной речи. Все это, в свою очередь, свидетельствует о своеобразии функционирования болгарского литературного языка в данный период, его демократизации и позволяет говорить о появлении письменности новоболгарских дамаскинов как об этапном явлении в его истории.

2. Письменность новоболгарских дамаскинов XVII – XVIII вв., ее народный в своей основе, отражающий живую разговорную речь того времени язык, умело спаянный с некоторыми особенностями традиционной книжной нормы, давно привлекает к себе внимание исследователей чертами нового, переходного к этапу Возрождения состояния. Б. Цонев еще в 1898 г. проницательно заметил: "Если мы сегодня гордимся знаменитыми мужами, чьи имена каждый считает основными столпами болгарского Возрождения, то не следует забывать, что эти первые сподвижники наши первую свою пищу приняли из рук старших, скромных деятелей, которые открыто не прославили своего имени, но заслуги которых нам очевидны. Это те одухотворенные болгарские священники и вообще церковники, которые первыми стали переводить на "простой болгарский язык" разные слова, жития и проповеди"¹¹. "Кто первым пришел к этой прекрасной мысли – ввести на амвон простой народный говор, – вторит ему Д. Маринов, – мы не знаем, но этот инок заслуживает, чтобы его назвали отцом нашего возрождения"¹². Важную мысль высказал Б. Пенев,

подчеркнув, что дело Паисия Хилендарского явилось не только началом новой эпохи, но и завершением эпохи предшествующей. Паисию удалось осмыслить и ясно выразить содержание духовной жизни, брожения и предчувствия, намеченные в письменности дамаскинов, проповедях некоторых духовников и учителей, народном творчестве и связать это с идеей борьбы за национальное достояние в области языка, быта, истории и права¹³. (Именно эту "предшествующую эпоху" мы и связываем с болгарским Предвозрождением).

Поддерживая оценку письменности дамаскинов XVII – XVIII вв., данную Б. Цоневым, П. А. Лавров заметил: "Справедливо автор статьи "Новоболгарская письменность до Паисия" утверждает, что литературное возрождение болгарского языка восходит именно к этим сборникам и предупреждает политическое Возрождение болгар, вызванное историей славяно-болгарской Паисия"¹⁴. Ясно, что для Лаврова язык болгарских дамаскинов – новое, этапное явление в истории болгарского литературного языка, причем явление, связанное по своему существу с тенденциями, предваряющими феномен Возрождения.

В то же время, несмотря на ряд новейших исследований в этой области, роль новоболгарской письменности до Паисия как переломного момента в истории болгарской литературы и болгарского литературного языка, открывающего собой новый, предвозрожденческий этап в их развитии, и в наши дни часто недооценивается. Это находит свое эксплицитное выражение прежде всего в периодизациях истории болгарского литературного языка. Письменность новоболгарских дамаскинов и отраженный в ней новый исторический тип литературного языка – книжный язык на народной основе – в значительном числе таких опытов на основании разных критериев включается в рамки общего периода с более ранними памятниками письменности на традиционном болгарском литературном языке поздних редакций.

Ряд ученых при решении этого вопроса апеллирует к исторической грамматике болгарского языка. Поскольку начиная с XV в. можно считать установленным в своих основных чертах новоболгарский, аналитический строй живой разговорной речи, что позволяет выделить новоболгарский этап в развитии болгарского языка, аналогичный этап эти ученые

устанавливают и в письменно-литературном языке. Так, например, в одной из работ говорится о "литературном языке новоболгарской эпохи (после XV в.)", включая сюда как язык новоболгарских дамаскинов, так и "додамаскинские" произведения на традиционном литературном языке среднеболгарского типа. Этот язык предлагается терминологически отличать от "новоболгарского литературного языка (от Паисия Хилендарского до наших дней)"¹⁵. Другие авторы говорят о "первичном современном болгарском языке (XV, XVI, XVII вв.)"¹⁶, также не проводя черты между состоянием литературного языка до и после появления новоболгарских дамаскинов. В новоболгарский период (XV–XVIII вв.)¹⁷ или в "промежуточный период (середина XV – середина XVIII вв.)"¹⁸ истории литературного болгарского языка включают язык новоболгарских дамаскинов и те исследователи, которые, признавая необходимость самостоятельной периодизации истории народного языка, с одной стороны, письменно-литературного языка – с другой, в своей периодизации последнего исходят из критерия соотношения между разговорным и литературным языком на разных этапах исторического развития или стремятся дать единую периодизацию истории этих двух форм языка¹⁹. Отнесение языка новоболгарской письменности до Паисия в общую рубрику с языком памятников на традиционном литературном языке поздних редакций, подход к нему как к "традиционному национальному пласту", к которому принадлежит и церковнославянско-русский язык²⁰, характерно для работ, в которых "новоболгарским литературным языком" называются²¹ или вообще к литературному языку причисляются²² только литературные идиомы эпохи национального Возрождения.

Таким образом во всех упомянутых случаях революционный в своей сущности акт появления в XVII в. письменности на народном в своей основе книжном языке аналитического грамматического строя фактически не принимается в расчет как возможный критерий основной периодизации литературного языка. Естественно, при этом не возникает и оснований говорить о предвозрожденческом характере этого феномена.

Этапное значение письменности новоболгарских дамаскинов XVII в. в истории болгарского литературного языка, что должно учитываться при ее периодизации, было отмечено в

двух вышедших в 1966 г. независимо друг от друга публикациях – в статье Б. Велчевой "Норма и традиция в истории болгарского литературного языка XVI–XVIII в."²³ и нашей статье "Место дамаскинов в истории болгарского литературного языка"²⁴. Правда, автор первой из указанных работ, вслед за Б. Цоневым²⁵, объединяет язык новоболгарских дамаскинов XVII в. и современный болгарский литературный язык в рамках общего периода истории литературного языка и общего термина "новоболгарский литературный язык" (с XVII в. до наших дней). И хотя в рамках этого понятия разграничиваются дополнительно этап "раннего новоболгарского ЛЯ" (сформировавшегося в XVII в. в восточной Болгарии и характеризующегося революционным и систематическим внесением новоболгарских языковых особенностей, стремлением к последовательности и правильности в употреблении выбранных средств языка и правописания) и этап современного болгарского литературного языка с национально-объединяющей литературно-языковой нормой, начало которого в силу преемственности нормы трудно определить²⁶, подобное объединение затушевывает принципиальное различие между книжным языком на народной основе, сформировавшимся в дамаскинах XVII в., и современным литературным языком, которые, на наш взгляд, принадлежат к различным историческим типам литературного языка²⁷. При этом невольно стирается острота вопроса о сложном и непрямолинейном процессе развития на пути формирования единого литературного языка болгарской нации. Не случайно, Хр. Пърцев, также называя "новоболгарским ЛЯ" этап с начала XVII в. до наших дней, разграничивает в нем "предвозрожденческое, возрожденческое и послевозрожденческое время" каждое со своими характерными проблемами, явлениями, направлениями и процессами, не отрицая, впрочем, и возможности говорить о донациональном и национальном новоболгарском литературном языке, имея в виду формирование болгарской нации и, как ориентир, деятельность Паисия Хилендарского²⁸.

Раскрывая в названной выше работе значение письменности новоболгарских дамаскинов XVII в. в истории болгарского литературного языка и истории общественной жизни в Болгарии как первого сознательного опыта создания аналитического по своему грамматическому строю письменного

языка на народной основе, употреблявшегося в Болгарии на протяжении двух веков и сыгравшего важную роль в процессе постепенного формирования современного болгарского литературного языка, как выдающегося акта в деле формирования и укрепления национального самосознания, мы предложили с нее начинать предысторию современного болгарского литературного языка (СБЛЯ). По нашему мнению, период предыстории СБЛЯ охватывает собой функционирование литературного болгарского языка как историко-культурного феномена, как "целого" в эпоху Предвозрождения и эпоху Возрождения, завершаясь в последней четверти XIX в. созданием такого нового исторического типа литературного языка как современный национальный болгарский литературный язык. При этом учитывается, что в рамках предыстории современного болгарского литературного языка имели место два разнонаправленных процесса развития, что позволяет выделить здесь в свою очередь два этапа, не совпадающих с границами предвозрожденческого и возрожденческого периодов. Это, во-первых, этап экстенсивного, дивергентного развития, связанный с общей тенденцией к демократизации письменности, к возвышению роли живого народного языка как основы этой письменности. Этот этап "перехлестывает" за рамки предвозрожденческого периода, охватывая собой и раннее Возрождение (до 30-х годов XIX в.). В это время в болгарских землях в функции литературного языка выступают различные виды книжного языка на народной основе, которые в памятниках письменности этого времени сосуществуют между собой и с поздними редакциями традиционного литературного языка, а также с пришедшим из Руси вместе с печатными книгами конфессионального содержания церковнославянско-русским языком. Во-вторых, это этап конвергентного развития, интенсивного формирования единого литературного языка нации, которое начинается с 30-х годов XIX в. и в основном завершается где-то к Освобождению Болгарии от османского ига. И только с этого времени (с последней четверти XIX в.) можно говорить об истории развития самого сформировавшегося в своих основных характеристиках единого, относительно нормированного полифункционального и поливалентного литературного языка болгарской нации как особого исторического типа литературного языка²⁹.

В сущности, предложенная нами периодизация, исходя из факторов внутриструктурного и социолингвистического характера, отражает этапы смены и возможного сосуществования в непрерывной истории болгарского литературного языка, рассматриваемого как "целое", литературно-языковых идиомов, как форм конкретной манифестации этого "целого", представляющих различные исторические типы этого языка. Действительно, согласно ей выделяются: (1) развитие в рамках функционирования такого исторического типа литературного языка, как традиционный болгарский литературный язык (IX–X–XVI вв.); (2) появление нового исторического типа болгарского литературного языка, представленного разными видами книжного языка на народной (новоболгарской) основе, которые на протяжении довольно длительного времени сосуществуют с идиомами, представляющими другие исторические типы ЛЯ (с традиционным болгарским литературным языком среднеболгарского типа, с церковнославянско-русским языком); отсюда – децентрализация литературного языка, его экстенсивное, дивергентное развитие, проявляющееся в возникновении и функционировании в качестве потенциально-литературного языка все новых и новых книжно-литературных идиомов, по-разному решавших проблему соотношения в них традиции и народной основы, а также выбора конкретной диалектной базы (XVII – первая треть XIX в.), а затем – конвергентное развитие, связанное с мощной тенденцией создания единого литературного языка нации (с 30-х годов XIX в. до Освобождения); (3) развитие в рамках функционирования такого нового исторического типа литературного языка, как современный болгарский литературный язык (с последней четверти XIX в.)³⁰. Естественно, при этом учитывается возможность дополнительной периодизации в рамках того или иного периода.

Именно параллельное функционирование, взаимовлияние и конкуренция в XVII–XVIII столетиях письменных идиомов, принадлежащих к разным историческим типам литературного языка, нормы которых сосуществовали (а тем самым – пусть невольно – взаимодействовали) в сознании образованных книжников того времени, идиомов, основанных и на синтетическом и на аналитическом грамматическом строе, составляет важную особенность литературного языка этого

времени, переходя отчасти за рамки возрожденческого этапа. Другой такой особенностью является широкое врьирование в рамках самого книжного языка на народной основе, как особо-исторического типа литературного языка, связанное с поиском все новых и новых путей демократизации письменности и ее соотношения с традицией. Возникновение значительного числа книжно-литературных идиомов, различающихся между собой, в частности, и выбором конкретной диалектной базы, приводило к отсутствию достаточно стабильного книжно-литературного узуса, а следовательно, и к невозможности широкого распространения и закрепления нормы, сложившейся в письменном языке книжников XVII в. – создателей первооригиналов дамаскинов старших новоболгарских типов, ее поступательного в итоге обратной связи с узусом развития.

В то же время, именно в дамаскинах XVII в., в языке которых был осуществлен сознательный синтез языковых средств народной болгарской речи и традиционного литературного языка, причем в структурном и лексико-семантическом отношении победила живая народная речь аналитического строя³¹, впервые был намечен путь, по которому в конечном счете направилось формирование современного болгарского литературного языка. Тем самым письменность дамаскинов не только как проявление закономерного этапа в истории литературного языка, связанного с подтягиванием традиционной письменности к нормам претерпевшей существенное развитие живой народной речи, но и как своеобразная книжная практика заполняет собой кажущийся перерыв между традиционным литературным языком и языком эпохи Возрождения, являясь обьюдонаправленным связующим звеном между ними, тем пробным камнем, на котором впервые оттачивалась идея создания литературного языка на народной основе³².

Историки неоднократно обращали внимание на то, что вопрос о национально-освободительном движении у западных и южных славян в период национального Возрождения тесным образом был сопряжен с целым комплексом культурных вопросов. "Национальное Возрождение не появилось на пустом месте, а подготавливалось довольно длительное время и всегда было связано с самыми широкими слоями народа..."

Традиции продолжали жить, несмотря на многолетний гнет. Традиции проявлялись главным образом в том, что народ никогда не мирился с иностранным господством, что он издавна подымался на национально-освободительную борьбу ... культурное возрождение было бы невозможным без участия народа, ибо именно он сохранил и по-прежнему использовал в своей жизни самое ценное – родной язык"³³. Введение в письменность XVII–XVIII вв. живой народной речи, ее ориентация на широкие демократические слои общества в контексте общей ситуации эпохи со всей очевидностью свидетельствуют о предвозрожденческом характере этого явления, его роли в активизации национального самосознания.

3. Связывая начало предвозрожденческого этапа с письменностью новоболгарских дамаскинов XVII в., явившейся качественным сдвигом в развитии литературного болгарского языка как категории исторической, следует, однако, сказать и о том, что отдельные "предвозрожденческие" проявления имели место еще в XVI в. Так, публикация в 1566-м и 1572-м гг. в Венеции Яковом Крайковым³⁴ двух сборников житийной, поучительной и апокрифической литературы, хотя и осуществлена на традиционном литературном языке среднеболгарского типа, позволяет уже говорить о появлении "той линии на демократизацию литературы, которая вскоре создаст литературу дамаскинов и тематически продолжится в первых новоболгарских печатных книгах ("Недельнике" Софрония Брачанского, сочинениях Иоакима Кырчевского и Кирилла Пейчиновича")³⁵. Оживление болгарской агиографии в XVI в., проявившееся в создании житий мучеников, погибших от рук османских завоевателей за отказ принять ислам (жития Георгия Нового Софийского книжника попа Лейо, жития Николы Софийского Маттея Грамматика), было связано с демократизацией болгарской литературы³⁶, с обращенностью ее к новому, более широкому адресату – угнетенным народным массам³⁷. Об этом же свидетельствует широкое распространение в XVI в. рукописных сборников, включающих в свой состав целый круг светских по своей функциональной направленности произведений неклерикального характера³⁸. Нельзя забывать и о той важной роли, которую сыграли первые переводы конца XVI в. из "Сокровища" Дамаскина Студита на традиционный литературный язык, оживленный "внесе-

нием в него живой народной струи³⁹, особенно "среднегорский" перевод, на базе которого и была создана письменность на народном в своей основе языке⁴⁰.

В русле предвозрожденческих проявлений в XVII–XVIII столетиях следует, в свою очередь, рассматривать деятельность болгарского католического духовенства и специально первую печатную новоболгарскую книгу "Абагар" Филиппа Станиславова (1651), отразившую черты живого разговорного языка⁴¹. По мнению Б. Пенева, "Абагар имеет то же историко-культурное значение, какое имеют и дамаскины – он показывает нам каким образом в старое содержание включаются здесь-там незначительные сначала новые элементы, которые отражают еще неоформившееся национальное чувство"⁴². Появление этой книги, как и деятельность католической пропаганды среди болгарского народа в XVII в. М. Г. Попруженко связывал с историей (мы бы сказали – предысторией) болгарского Возрождения⁴³. В этом свете следует упомянуть многих других католических деятелей XVII–XVIII вв., работавших за пределами Болгарии и писавших главным образом на латыни: Петра Парчевича, Якова Пеячевича, Крыстьо Пейкича, Франциска Ксавера Пеячевича и др.⁴⁴. Важно назвать здесь исторические работы на итальянском языке и латыни уроженца с. Чипровцы софийского архиепископа Петра Богдана Бакшева – главы болгарских католиков, выдающегося религиозного, политического и культурного деятеля XVII в.⁴⁵. Упомянем, в частности, такие его произведения, как фрагмент "Истории Болгарии", "Историю моравской миссии Кирилла и Мефодия", "Описание царства Болгарии" и др. Глубокий интерес к прошлому своего народа – одна из характерных черт общественной мысли в эпоху Возрождения и формирования нации. Поэтому появление в XVII в. исторических трудов хотя и не на родном языке, безусловно, может рассматриваться как один из факторов болгарского Предвозрождения.

Книжная деятельность болгарских католиков, естественно, стоит в стороне от истории связанного с функционированием в сфере православной письменности болгарского литературного языка. Нам здесь важно было лишь кратко отметить ее предвозрожденческий характер, во многом связанный с влиянием европейского ренессанса и барокко⁴⁶.

4. Письменность дамаскинов занимает особое место не

только в развитии болгарского литературного языка, но и в истории болгарской литературы⁴⁷. Ряд историко-культурных признаков, как справедливо отмечает П. Динеков, включает ее в средневековый период, но вместе с тем многие черты связывают ее с начальными моментами возрожденческой литературы⁴⁸.

Уже само по себе введение в традиционную литературу конфессионального содержания разных видов книжного языка на народной основе было связано с резкой ломкой социолингвистической нормы, принятых в обществе правил употребления разных форм существования диасистемы в ранге болгарский язык в определенной коммуникативной ситуации. Использование "простого", народного в своей основе языка как стилистически нейтральной нормы в сфере достаточно высокой культуры было связано с решительными изменениями в организации литературного текста, в семантической системе которого нашло отражение то восприятие и оценка действительности, которые свойственны демократическим слоям общества⁴⁹. Шло приспособление текста к местным особенностям, его актуализация путем введения современных книжнику понятий, связанных с окружающей его конкретной действительностью⁵⁰.

Все это потребовало принципиальных сдвигов в представлении о "социальнокорректном высказывании"⁵¹, а тем самым и в традиционном "литературном этикете" средневековья. Как известно, по определению Д. С. Лихачева этот этикет складывался "1) из представлений о том, как должен был совершаться тот или иной ход событий; 2) из представлений о том, как должно было вести себя действующее лицо сообразно своему положению; и 3) из представлений о том, какими словами должен описывать писатель совершающееся. Перед нами, следовательно, – заключает Лихачев, – этикет миропорядка, этикет поведения и этикет словесный"⁵². Осуществленное в письменности дамаскинов XVII в. изменение "словесного этикета", введение в литературу новых, народных средств выражения старого по своей сути конфессионального содержания⁵³, при сохранении двух первых составляющих рассматриваемого феномена, привело фактически к появлению новой модели литературного этикета, в которой уже нет третьего составляющего при относительной устойчивости

первых двух. Использование в старой по своему содержанию литературе⁵⁴ разных видов книжного языка, основывающихся на живой народной речи, в том числе на языке фольклора, которые иногда значительно различались между собой, широкий диапазон колебаний в словесном оформлении содержания при сохранении в целом воплощаемых с помощью этих литературных идиомов представлений о миропорядке и поведении действующего лица в определенной ситуации, надолго закрепились в болгарской письменности. Именно на уровне модели литературного этикета, а не на уровне самих по себе принятых безвестными книжниками-дамаскинарями конкретных решений о включении в письменный язык тех или иных народных и традиционных выразительных средств, можно, на наш взгляд, со всей определенностью говорить о созданной ими новой традиции.

В духе этой традиции в новоболгарской письменности до Паисия создавались новые переводы с греческих оригиналов, переосмысливались, перелагались на более доступный лад, сокращались произведения болгарских и славянских писателей более раннего времени⁵⁵. И основным орудием этого переосмысления, этой демократизации были доступный широким массам книжный язык на народной основе, присущий фольклору свободный, сказовый стиль повествования. Особого внимания в этом аспекте заслуживает деятельность выдающегося дамаскинаря Иосифа Брадатого, которого П. Динеков назвал "предвестником болгарского Возрождения"⁵⁶. Сборники смешанного состава на народном в своей основе языке появлялись даже в первых десятилетиях XIX в. Ср., например, недавно открытый сборник (первая часть его, судя по припискам, составлена в г. Ломе в 1836 г., вторая – где-то между 1839–1861 гг.), который "представляет собой позднее, но интересное проявление нашей литературы дамаскинов и прибавляет к множеству имен создателей подобных сборников еще два имени учителей-книжников – даскала Крыстю Софиялии и даскала Николая Комоштицкого"⁵⁷. При этом для всех рукописных сборников, примыкающих к дамаскинам, было характерно в общем более или менее последовательное сохранение первых двух условно-нормативных требований средневекового литературного этикета, связанных с определенными представлениями о долженствующем иметь

место ходе событий религиозной истории и поведении в них действующего лица⁵⁸ и в то же время отказ от ранее принятого в этих случаях набора языковых и стилистических средств изложения традиционного содержания, демократизация этого уровня текста, использование разных видов такого исторического типа литературного языка, как книжный язык на народной основе.

О влиянии языка и содеражания дамаскинов еще и на писателей раннего Возрождения, таких, например, как Кирилл Пейчинович и Йоаким Кырчевский писал Б. Пенев: "Нужно еще раз подчеркнуть, что деятельность этих писателей зависит не только от произведений Софония, но и от дамаскинов (разрядка автора. – Е. Д.), как и само начало деятельности Софония в большой степени определяется дамаскинами"⁵⁹. Еще более определенно сказал об этом А. М. Селищев: "Писания Кирилла Пейчиновича, как и книги хаджи Йоакима даскала Кырчевского, представляют не малый интерес и для историка болгарского литературного языка. Эти беззаботные труженики в просвещении простого народа идут тем путем, в отношении языка своих писаний, какой уже был намечен дамаскинами. Их книги и по характеру содержания и по языку – дамаскины XIX в."⁶⁰.

Только Паисий Хилендарский на заре формирования болгарской нации в своей знаменитой "Истории славяноболгарской" (1762) полностью, по всем трем составляющим, разрушил средневековую модель литературного этикета⁶¹, а тем самым и сложившуюся в письменности дамаскинов традицию. В этом огромное значение его труда для истории болгарской литературы и болгарского литературного языка. Новое содержание произведений словесности, освобожденное от пут сковывавшего развитие этикета, предоставило более широкие возможности и для развития литературного языка, его словарного состава, синтаксических и стилистических средств. Уже Софоний Врачанский обращается к ряду новых для болгарской культуры литературных жанров (ср. например, его автобиографию "Житие грешного Софония", перевод басен Эзопа, его публицистические выступления). Справедливо, в частности, и поэтому начало болгарского Возрождения связывают с именем Паисия. Именно рамками новоболгарской письменности до Паисия и ограничивается предвозрожденческий период в истории болгарского литературного языка.

Не следует все же забывать, что первую – и весьма су-

щественную-брешь в модели книжно-литературного этикета средневековья пробила письменность новоболгарских дамаскинов на народном в своей основе языке. Вхождение в нее живого разговорного языка П. Динеков расценивает как "настоящую революцию", как "исключительно важный факт в истории болгарской литературы и культуры"⁶². Не случайно и сам язык сочинения Паисия в основных своих особенностях примыкает к одной из более поздних разновидностей книжного языка на народной основе, а именно, к языку Йосифа Брататого, на что обратил внимание еще Б. Цонев⁶³. Развивая это мнение, автор одной из современных работ подчеркивает: Паисий в своей письменной практике исходил не из церковнославянской нормы, как это иногда считают, а из книжного языка на народной основе в его разновидности II половины XVIII в. Эта письменная норма реализуется рядом книжников указанного времени в компилированных ими сборниках смешанного содержания, а в начале XIX в. ту же по типу практику широкого варьирования письменной нормы путем сочетания книжных и народных элементов все еще находим – при том в той же по характеру литературе – у Софрония Врачанского, Иоакима Кырчевского, Кирилла Пейчиновича и др. Именно письменная форма, представленная в Болгарии во второй половине XVIII в., осуществляет, по мнению автора, преемственность между ранними переводами дамаскинов XVII в. на народном новоболгарском языке и последующим усвоением книжных среднеболгарских и церковнославянских элементов в нормативной системе СБЛЯ⁶⁴.

5. Пытаясь определить предвозрожденческую сущность новоболгарской письменности XVII–XVIII вв., следует обратить внимание еще на один момент. Если исходить из определения, которое Д. С. Лихачев дает понятию "система литературы", в частности, из той его составляющей, где говорится: "В конечном счете система литературы определяется ее отношением к исторической действительности, соотношение с которой составляет самую существенную часть системы"⁶⁵, следует признать, что с появлением новоболгарских дамаскинов определенные изменения претерпевает и система болгарской литературы. Это – не изменение содержания включавшихся в дамаскины текстов (оно, как уже говорилось, остается в основном в рамках традиционных тем и сюже-

тов)⁶⁶, но, прежде всего, изменение отношения литературы к исторической действительности: поучительная литература на "простом" болгарском языке предназначается для широких народных масс; в условиях религиозной дискриминации и политики насилиственной ассимиляции болгарского народа она должна сыграть важную роль в борьбе за сохранение и укрепление народности и родного языка; в ее распространении широкое участие принимают не только духовные лица, учителя ("даскалы"), "грамматики", но и ремесленники, жители отдельных сел, которые вскладчину покупают для храмов рукописи дамаскинов, бережно их хранят и читают, о чем свидетельствуют многочисленные записи в этих рукописях⁶⁷. В свое время А. А. Веселовский поставил перед историками литературы "совершенно новую задачу – проследить, каким образом новое содержание жизни, этот элемент свободы, прививающий с каждым новым поколением, проникает старые образцы, эти формы необходимости, в которые неизбежно отливалось всякое предыдущее развитие"⁶⁸. "Новое содержание жизни" в конце XVI – начале XVII в. – развитие товарного ремесленного производства, рост городов, пробуждение народностного самосознания, подъем освободительной борьбы, усиление гайдуцкого движения, которое можно рассматривать как одно из наиболее ярких проявлений народного духа в период османского ига⁶⁹, (а вместе с ним и широкое распространение юнацких, гайдуцких и исторических песен, которое "вводит новый мир в сознание народных масс, мир современности, актуальных политических и исторических событий, общих и индивидуальных переживаний в трагическую эпоху иноземного ига")⁷⁰) – отразилось в словесности этого времени прежде всего через новое отношение к языку письменности, его демократизацию.

Вместе с народным в своей основе языком в новоболгарскую письменность до Паисия врывается свежая струя фольклорных выразительных средств и элементов устно-поэтической речи, этих важных форм культуры того времени. Стремление писать доступным широким народным массам "простым" языком – один из тех факторов, которые, на наш взгляд, необходимо иметь в виду, оценивая предвозрожденческий характер этой письменности. Вспомним, что одной из важнейших особенностей "Истории славяноболгарской" Паисия

также является ее адресованность простому народу, так ярко отразившаяся в программном заявлении: "... простым болгарам просто и написал".

Трудно поэтому согласиться с мнением о том, что "эволюция болгарской литературы конца XVI – начала XVIII в. едва ли можно считать ... предвзрождением", что применять данный термин к характеристике болгарской литературы, приводя в качестве аргумента лишь изменения в литературном языке, вряд ли правомерно⁷¹. Как нам представляется, описанное выше изменение модели "литературного этикета", с одной стороны, сдвиг в системе литературы в ее отношении к исторической действительности, с другой, хотя и были связаны главным образом с демократизацией языка письменности, с изменениями в семантической структуре текста, тем не менее существенно оказались и на характере литературного процесса. Они способствовали тому "качественному рывку, к которому каждая литература как бы готовится в свой переходный период"⁷². Термин "предвзрождение" отнюдь не "выводится исследователями формально-логическим путем: если середина XVIII в. в Болгарии есть Возрождение, то должно существовать и предвзрождение"⁷³. Он основан на тех реальных изменениях в исторической, социально-экономической, историко-культурной и языковой ситуации, на тех новых тенденциях развития, которые имели место в процессе консолидации болгарской народности в преднациональный период и которые, как и позднее, на начальном этапе Возрождения, проявились прежде всего и полнее всего в "языковом вопросе", в осознании и возвышении роли родного, понятного широким народным массам "простого" языка литературы. Предвзрожденческий период в истории болгарского литературного языка по своей глубинной сути является этапом преднациональным, что необходимо иметь в виду, пытаясь исследовать и оценить книжно-литературные идиомы этого времени.

Курс на демократизацию, новые элементы в письменности – а таковым прежде всего относится живой в своей основе язык, впитавший в себя средства народной поэтики, – художественная и гражданская осознанность создания доступной народу литературы на родном языке "нацеливают наше внимание вперед, к эпохе Возрождения, как перспектива и предзнаменование изменений, которые совершаются в облике и структуре литературы"⁷⁴.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Дъомина Е. Към проблемата за Евтимиевото литературно наследство в новобългарската писменост. – ЕЛ, 1976, № 6, с. 36. Различные аспекты вопроса о предвзрожденческих явлениях в истории болгарской культуры XVII–XVIII вв. и их преломление в характере литературного языка рассматриваются, в частности, в следующих наших работах, которые могут дополнить содержание данной статьи: Место письменности на народном языке в историко-культурном процессе эпохи Предвзрождения // Славянские культуры и мировой культурный процесс. Минск, 1982, с. 68–70; Основные проблемы истории болгарского литературного языка в эпоху Предвзрождения // Първи международни конгрес по българистика. София, 23 май – 3 юни 1981. Доклади. Исторически развой на българския език, т. I, С., 1983, с. 225–239; Тихонравовски дамаскин. Болгарский памятник XVII в. ч. III. Тихонравовский дамаскин как памятник книжного болгарского языка XVII в. на народной основе. С., 1985, с. 17–52; О предвзрожденческих явлениях в болгарской культуре XVI – первой половины XVIII вв. // Болгарская культура в веках. М., 1992, с. 31–34.

2. Георгиев Е. Основи на славистиката и българистиката. С., 1979, с. 195–197, 271–272; Он же. Люлка на старата и новата българска писменост. С., 1980, с. 95–104; Он же. Българската литература в общоевропейски контекст. С., 1984, с. 138–153.

3. Георгиев Е. Българската литература в общоевропейски контекст, с. 138.

4. Динеков П. Българската култура през XV–XVII век. Обща характеристика // Търновска книжовна школа. 2. Ученици и последователи на Евтимий Търновски. С., 1980, с. 30–32.

5. Ср.: Демина Е. И. О характере влияния "Сокровища" Дамаскина Студита на болгарскую письменность XVI–XVII вв. // Исследования по славянскому языкоznанию. М., 1971, с. 54–62; Она же. Тихонравовский дамаскин... ч. III, с. 24–29.

6. Опыт сравнительно-типологического анализа языковой ситуации у славянских народов в XVI – начале XVIII вв. (с учетом и болгарской ситуации) предпринят нами в докладе к XI Международному съезду славистов в Братиславе "Традиция и новые тенденции в развитии славянских литературных языков в преднациональный период" (Славянское языкоzнание, в печати). Здесь и библиография вопроса.

7. См. об этом: Демина Е. И. Типологическая характеристика раннего этапа формирования балканских литературных языков. М., 1974. (ср. сокращенный текст в кн.: Балканские исследования. Проблемы истории и культуры. М., 1976, с. 285–290); Она же. Тихонравовский дамаскин..., ч. III, с. 17–24. Здесь и библиография.

8. Ср. его характеристику в статье: Минчева А. Езиковата ситуация в българските земи през XVIII в. и Паисиевата "История славеноболгарская" // Старобългаристика, VI, 1982, кн. 4, с. 38–39.

9. См. подробнее об этом: Иванова-Мирчева Д. Задачи на изучаването на църковнославянския език // Български език, год. XXVII, 1977, кн. 6, с. 450–451.

10. Гацов Б. Дамаскинари от Рилската школа // "Духовна култура", кн. 51–52, С., 1933, с. 245.

11. Цонев Б. Новобългарската писменост преди Паисия // Български преглед, год. I, 1894, кн. 8, с. 81.
12. Маринов Д. Йеромонах Йосиф Брадати. (Принос към историята на българска литература) // Сборник за народни умотворения, наука и книжнина, XVIII. С., 1901, с. 99–100.
13. Пенев Б. Паисий Хилендарски. Историко-литературна студия // Периодическо списание на Българското книжовно дружество, год XXII, кн. LXXI, св. 9–10. С., 1910–1911.
14. Лавров П. А. Дамаскин Студит и сборники его имени "дамаскины" в югославянской письменности. Одесса, 1899, с. 3.
15. Босилков К. Значение на термина новобългарски книжовен език // Език и литература, 1982, № 2, с. 102–103.
16. Фьойе Ж. Зараждане на съвременния български книжовен език // Език и литература, 1985, № 4, с. 7–8. Согласно этой периодизации, выделяется также "ранний новоболгарский" язык, охватывающий XVIII и первую половину XIX в. (там же, с. 8).
17. Иванова-Мирчева Д. Из истории на българския книжовен език до Възраждането // Първа младежка школа по езикознание. С., 1981, с. 7.
18. Гъльбов И. Старобългарски език с увод в славянско езикознание. Част първа. Увод и фонетика. С., 1980, с. 20.
19. Цойнска Р. Към периодизацията на историята на езика (върху материал от български и други славянски езици) // Славянска филология, т. 17. С., 1983, с. 139–143.
20. Лилов М. Езиковата ситуация в България по време на Възраждането // Български език, год. XXX, 1980, кн. 4, с. 32.
21. История на новобългарския книжовен език. С., 1989, с. 40–48.
22. Ср., например: Бернштейн С. Б. Мисли за началния период от историята на българския литературен език // Изследования из истории на българския книжовен език от миналия век. С., 1979, с. 31–32; Жерев Ст. За традицията в историията на българския книжовен език // Български език, год. XXIX, 1979, кн. 4, с. 278.
23. Велчева Б. Норма и традиция в българския книжовен език от XVI–XVIII в. // Български език, год. XVI, 1966, кн. 2, с. 118–121.
24. Демина Е. И. Место дамаскинов в истории болгарского литературного языка // Советское славяноведение, 1966, № 4, с. 31–33. Ср. также: Она же. "Начало" современного болгарского литературного языка в свете общей периодизации истории литературного языка в Болгарии // Вопросы языкоznания, 1969, № 6, с. 86–93.
25. Цонев Б. Хиляда години български език // Летопис на Българското книжовно дружество в София, 1909, с. 129.
26. Велчева Б. Указ. соч., с. 120. Сходной точки зрения придерживаются: Szymański J. Uwagi o roli damaskinów w historii języka bułgarskiego // Sprawozdania z Posiedzeń komisji naukowych Oddz. PAN w Krakowie, XIV/2, 1970, s. 547; Ожеховска Х. Тенденции за балканализиране в развой на системата от форми за степенуване на българския книжовен език // Изследования из истории на българския книжовен език от миналия век, с. 81; Василев В. Езикът на буквата на Петър Берон от XIX в. в сравнение с ръкописи от началото на XVII и XVIII в. // Старобългаристика, 1984, кн. 2, с. 111, 118. Язык дамаскинов В. Василев называет "новоболгарский письменный язык", относя его к первому этапу "новоболгарского литературного языка", а именно к "раннему новобългарскому литературному языку" XVII и XVIII в. (с. 118).
27. О понятии "исторический тип литературного языка" см.: Демина Е. И. К теории сравнительно-типологического изучения славянских литературных языков // Славянское языкоzнание. VIII Международный съезд славистов. М., 1978, с. 134–144.
28. Пъррев Хр. Хилядолетен книжовен език // Българският език – език на 13-вековна държава. С., 1981, с. 135. Ср. также: Георгиева Е. Някои терминологични уточнявания във връзка с историята на съвременния (новобългарски) книжовен език // Български език, год. XXXIII, 1983, кн. 2, с. 95.
29. См. об этом подробнее: Демина Е. И. Проблема предыстории современного болгарского литературного языка // Kształtowanie się nowobułgarskiego języka literackiego. Wrocław, 1990, s. 37–51.
30. Демина Е. И. "Начало" современного болгарского языка в свете общей периодизации истории литературного языка в Болгарии, с. 89–93.
31. См. подробно об этом: Демина Е. И. Проблема нормы в формировании книжного болгарского языка XVII в. на народной основе // Славянское языкоzнание. VII Международный съезд славистов. М., 1973, с. 118–141.
32. Проблема континуитета в истории БЛЯ и роль новоболгарской письменности XVII–XVIII вв. в этом процессе рассмотрена нами в работах: Демина Е. И. Основные проблемы истории болгарского литературного языка в эпоху Предвозрождения, с. 225–239; Она же. Тихонравовский дамаскин..., ч. III, с. 30–51.
33. Базылев Л. Общественные традиции национально-освободительного движения западных и южных славян // Славянские культуры в эпоху формирования и развития славянских наций XVIII–XIX вв. М., 1978, с. 25.
34. Атанасов П. Яков Крайков. Книжовник. Издател. График. XVI в. С., 1980.
35. Минчева А. Езиковата ситуация в българските земи през XVIII в. и паисиевата "История славеноболгарская", с. 38.
36. Динеков П. Софийски книжовници през XVI век. С., 1939, с. 114; Он же. Българската култура през XV–XVII в. Обща характеристика // Търновска книжовна школа. Т. 2. Ученици и последователи на Евтимий Търновски. С., 1980, с. 30–32.
37. Калиганов И. И. Традиции старой письменности и возникновение новой болгарской литературы // Литература эпохи формирования наций в Центральной и Юго-Восточной Европе. Просвещение. Национальное Возрождение. М., 1982, с. 179.
38. Лекова Т. Сборниците със смесено съдържание от XV–XVII в. като отражение на българския светоглед от първите столетия на османското робство // Старобългаристика, XI, 1987, кн. 4, с. 73–83.
39. Лавров П. А. Дамаскин Студит и сборники его имени "дамаскины" в югославянской письменности, с. 40.
40. Как показал сравнительно-текстологический анализ, новоболгарский текст произведений Дамаскина Студита и других авторов представляет собой перевод или переложение архаичной редакции дамаскинов "среднегорского" типа. См. конкретный материал сравнения в кн.: Демина Е. И. Тихонравовский дамаскин. Болгарский памятник XVII в. Ч. 1. Филологическое введение в изучение болгарских дамаскинов. С., 1968, гл. II и III.
41. См. о нем: Петровский М. Абагар. Первый печатный памятник новоболгарской литературы // Славянский сборник, 1877, т. II; Кузьмин-

ский К. С. О сборнике молитв, известном под названием "Абагар" (Библиографическая заметка и текст) // Древности. Труды славянской комиссии Императорского Московского археологического общества, т. IV, вып. 1. М., 1907; Попруженко М. Г. Абагар. Из истории возрождения болгарского народа // Известия отделения русского языка и словесности Императорской академии наук. Т. X, кн. 4, Спб., 1905, с. 229–258; Селищев А. М. Абагар // Slavia, VIII, вып. 2; Пундев В. Сборникът Абагар от епископ Филип Станиславов // Годишник на Народната библиотека в Пловдив, 1924. С., 1926; Пенев Б. История на новата българска литература, т. I. С., 1976, с. 216–232, 625–627; Георгиев Е. Основи на славистиката и българистиката, с. 178, 195–197, 271–272; Райков Б. Към въпроса за мястото на "Абагара" в старата българска литература // Известия на Института за литература, кн. XVIII–XIX. С., 1966, с. 279–286.

42. Пенев Б. История на новата българска литература, т. I, с. 231.
43. Попруженко М. Г. Указ. соч., с. 229.

44. Милетич Л. Из история на българската католишката пропаганда // Български преглед, 1894, кн. X–XII; Милев Н. Католишката пропаганда в България през XVII в. С., 1914; Георгиев Е. Люлка на старата и новата българска писменост, с. 99; Он же. Българска литература в общоевропейски контекст, с. 138–153.

45. См. о нем: Димитров Б. Петр Богдан Бакшев, болгарский политик и историк XVII века. С., 1985.

46. Георгиев Е. Основи на славистиката..., с. 271–272; Он же. Люлката на старата и новата българска писменост, с. 99.

47. О месте дамаскинов в развитии болгарской литературы см.: Петканова-Тотева Д. Дамаскините в българската литература. С., 1965, с. 231–236.

48. Динеков П. Дамаскините и езикът на българската възрожденска литература // Български език, год. XXI, 1971, кн. 2–3, с. 206–207.

49. Ср. в этом отношении проведенное нами сравнительное исследование организации одного из характерных текстов на традиционном болгарском языке, отличающегося возвышенным стилем "плетения словес", и его новоболгарской версии: Демина Е. И. Житие Петки Евфимиya Търновского в новоболгарской письменности // Търновска книжовна школа. 2. Ученици и последователи на Евтимий Търновски. С., 1980, с. 183–192. О проблеме демократизации в истории литературного языка, которая "смыкается с проблемой национального духа, национального стиля литературного языка" применительно к ситуации на Руси см.: Горшков А. И. Теория и история русского литературного языка. М., 1984, с. 152.

50. Петканова-Тотева Д. Дамаскините в българската литература, с. 110–113.

51. Никольский Л. Б. О предмете социолингвистики // Вопросы языкоznания, № 1, 1974, с. 37.

52. Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. Л., 1971, с. 108; Он же. Литературный этикет древней Руси // Труды Отделения русского языка и литературы, кн. XVII, М.-Л., 1961, с. 11.

53. О сохранении при этом отдельных элементов традиционного "словесного этикета", о взаимодополнении и синтезе в книжном языке XVII в. традиционно-литературной и народно-разговорной норм см.: Демина Е. И. Проблема норм..., с. 122–141; Использование устоявшихся книжных словосочетаний (штампов), связанных с тремя семантическими группами религиозных

названий, само обращение к которым вызывает употребление готовой формулы в дамаскинах XVIII в., рассмотрено в работе: Кочева Е. За превърщане на грамматичните архаизми в езикови формули в дамаскините от XVIII в. // Известия на Института за български език, кн. XVI, 1968, с. 417–423.

54. Некоторые сдвиги в содержании включавшихся в новоболгарские дамаскины произведений по сравнению с исходной греческой или славянской версией, особенно в сборниках второй половины XVIII в., безусловно, имеют место. Это добавление в исходный текст отдельных предложений и небольших рассказов, переложение, сокращение, упрощение содержания с целью большей доступности широким народным массам. См. об этом: Петканова-Тотева Д. Дамаскините като етап в развитието на българската литература // Език и литература, 1958, № 3, с. 187–194; Демина Е. И. Классификация болгарских дамаскинов по редакциям "Чуда о ковре" // Ученые записки Института славяноведения АН СССР, т. XXIII, М., 1962, с. 212–246. Однако существа средневекового этикета миропорядка и этикета поведения, о которых говорит Д. С. Лихачев, они фактически не затрагиваются.

55. Петканова-Тотева Д. Дамаскините в българската литература, с. 42–213; Ангелов Б. Съвременници на Паисий. Ч. I. С., 1963, ч. II, С., 1964.

56. Динеков П. Първи възрожденци. С., 1942, с. 54.

57. Данчев Г. Неизвестен сборник със смесено съдържание от първата половина на XIX в. // Старобългарска литература, кн. 6, С., 1980, с. 81–89. Цит. с. 89.

58. О некоторых новых темах и идеях в содержании входивших в дамаскины и примыкавшие к ним сборники произведений см.: Петканова-Тотева Д. Дамаскините в българската литература, с. 233–234. Однако, само раскрытие этих тем и идей осуществлялось в духе старых традиций.

59. Пенев Б. История на новата българска литература, т. III. С., 1933, с. 348.

60. Селищев А. Кирил Пейчинович // Сборник в честь на Васил Н. Златарски. С., 1925, с. 403.

61. О том, что "История славеноболгарская" Паисия обладает и некоторыми особенностями других жанров: анналов, мемуаров, биографии и автобиографии и даже ораторской прозы см.: Копецки М. Бележки към паисиевата "История славеноболгарская" // Език и литература, 1984, кн. 5, с. 89.

Говоря о "симптоме" изменений в типе художественного мышления, И. Г. Неупокоева отмечает, что его можно иногда уловить и в появлении сочинений не собственно художественного, "синкретического" характера. Это относится не только к начальным этапам всемирной литературы..., но в определенных условиях и к более поздним этапам мирового литературного развития. В этой связи она называет "Историю славеноболгарскую" Паисия, открывшую эпоху новой болгарской литературы. Ср.: Неупокоева И. Г. История всемирной литературы. Проблемы системного и сравнительного анализа. М., 1976, с. 344.

62. Динеков П. Българската култура през XV–XVII в. Обща характеристика, с. 32.

63. Цонев Б. От коя книжовна школа е излязъл Паисий Хилендарски // Славянски глас, год X, 1912, кн. 5–6, с. 172.

64. Минчева А. Езиковата ситуация в българските земи през XVIII в. с. 43.

65. Лихачев Д. С. Древнеславянские литературы как система // Славян-

ские литературы. VI Международный съезд славистов. М., 1968, с. 5.

66. Вместе с тем, нельзя отрицать, что "проповеди Дамаскина Студита и их болгарские редакции довольно часто затрагивают проблемы повседневной жизни народа и благодаря некоторым своим моментам, все еще довольно ограниченным, приближаются к непосредственному отношению возрожденческой литературы к жизни" (Динеков П. Старата българска литература и националната историческа съдба // Старобългарска литература. Исследования и материалы. Кн. първа. С., 1971, с. 29).

67. Так, например, в записи Протопопинского дамаскина XVII в. (с. 343) отмечается, что рукобийце вскладчину покупало все село: один *дърв* вола, двое других – по бычку, третий – полмеры ладана, четвертый – рулон полотна; многие дали деньги. Всего в записи названо более 60 имен участников покупки.

68. Веселовский А. Н. Историческая поэтика. Л., 1940, с. 52.

69. Ср.: Христов Хр. Болгария 1300 лет. С., 1980, с. 69–74; Ангелов Д. Турското завоевание и борбата на балканските народи против нашествениците // Исторически преглед, IX, 1953, кн. 4; Цветкова Б. Хайдутството в български земи през XV–XVIII в. С., 1971; Она же. Опазване на българската народност и изяви на народностно съзнание през XV–XVIII в. // Първи конгрес на Българското историческо дружество, I. С., 1972, с. 481–546.

70. Динеков П. Българската култура през XV–XVII в., с. 30–31.

71. Калиганов И. И. Традиции старой письменности и возникновение новой болгарской литературы, с. 186.

72. Там же, с. 172.

73. Там же, с. 186.

74. Динеков П. Старата българска литература и националната историческа съдба, с. 29.

СПОСОБЫ ОБРАЗОВАНИЯ ОБЩЕЙ ПАДЕЖНОЙ ФОРМЫ

МН. ЧИСЛА СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ МУЖСКОГО РОДА

В ТЕКСТЕ ТИХОНРАВОВСКОГО ДАМАСКИНА XVII ВЕКА

Т. В. Попова

Памятники новоболгарской письменности эпохи болгарского Предвозрождения – дамаскины отражают один из этапов истории болгарского языка. Поэтому всестороннее исследование языковой системы, реализованной в текстах дамаскинов, является важной задачей болгароведов, занимающихся вопросами истории языка и диалектологии.

В статье предлагается описание способов образования общей падежной формы мн. числа (ОПФмн) существительных мужского рода, зафиксированных в тексте Тихонравовского дамаскина (ТД) – памятника новоболгарской письменности XVII в. Выбор именно этого памятника обусловлен тем, что, по определению его издателя Е. И. Деминой, "текст рукописи Тихонравовского дамаскина ... в наиболее адекватном и полном виде доносит до нас особенности первых переводов на народный в своей основе книжный язык произведений Дамаскина Студита и других церковных авторов"¹.

Объектом исследования являются формальные особенности тех существительных мужского рода, которые представлены в ТД словоформами Им. пад. ед. ч. и Им. пад. мн. ч., выполняющими роль общих падежных форм в единственном и множественном числах (ОПФед и ОПФмн).

Основное содержание метода исследования, применяемого в настоящей статье, сводится к следующему:

1. Анализируются прежде всего графические средства, выражающие на уровне письменного текста искомую для нас грамматическую информацию; произносительные особенности языка, отраженные в тексте памятника, затрагиваются нами лишь в самых необходимых случаях.

Такое решение обусловлено тем, что без тщательно проведенного специального исследования отраженной в тексте дамаскина звуковой системы было бы рискованно давать фонетическую интерпретацию употребления тех или иных

графических знаков и их сочетаний, реализующих исходы субстантивных основ и флексивных морфем в тексте памятника. В ряде случаев содержащиеся в ТД факты поддаются как будто бы правильной фонетической интерпретации и без предварительного звукового анализа (например, смешение букв *и* и *ы* в случаях *сынь*, *синь*, *кнези*, *кнезы* и мн. др. говорит о том, что на месте букв *и* и *ы* произносился уже один только звук – [и]; или, например, редкое в памятнике употребление буквы *ѣ* вместо ожидаемой буквы *е* в кратких формах Вин. пад. личных местоимений 1 и 2-го л. ед. ч. *ме*, *те* и в возвратной частице *се* – зашо *мѣ* е срамъ 48; *тѣ* видѣ 316, 323 об; *сѣ* 318 – может быть доказательством того, что в данном случае буква *ѣ* отождествлялась писцом с буквой *е*; ср. рассмотрение Е. И. Деминой в одном ряду словоформ с флексией -*e* и флексией -*ѣ* – *мраморѣ*, *колѣнѣ* и *колѣне*, *монастыре*, *гарѣвane*, а также употребление в качестве членной морфемы мн. ч. сочетаний букв *тѣ* и *тѣ* – *колѣнѣтѣ*, *роговете*, *идолытѣ* и *колѣнѣтѣ*, *слѣгутѣ*, *зѣбитѣ*, *ѡрачѣтѣ*²). Другие содержащиеся в тексте ТД факты значительно сложнее и требуют более серьезного анализа. Так, например, невозможно без предварительного изучения материала безошибочно определить функцию буквы *ї* в памятнике в таких словоформах как *братїа*, *братіе*, *сънїе*, *каменїе*, *людїе*, *листїе*, *мъжїе*, *горїе*, *планинїе*, *зѣбрїе*, *царїе* (при наличии *царе*, *цара*, *цароу*), *вразїи* (при наличии *врази*), *зѣби* (при наличии *зѣбы*), *вльци* (при наличии *вльци*), *ѹчителїе* (при наличии *ѹчителe*, *ѹчитулꙗ*, *ѹчителю*) и т. п. и ответить на вопрос, представляет ли буква *ї* в данных написаниях самостоятельный гласный звук, указывает ли она на мягкость предшествующего согласного или же имеет просто графическое значение, не отражая никакого специального произношения. При формальном описании, ориентированном на письменную форму текста дамаскина, наличие буквы *ї* во всех подобных случаях будет всегда зафиксировано и соответствующим образом интерпретировано.

2. Решение поставленной задачи (а именно – описания способов образования ОПФМН существительных мужского рода) начинается с определения принципов морфологического членения анализируемых словоформ. Как известно, в зависимости от целей исследования существует принципиальная допустимость производить различное морфологическое

членение словоформ в синхронном плане, т. е. по-разному определять место морфемной границы между двумя морфологическими элементами – основой и флексией, составляющими структуру этих словоформ. При морфологической сегментации словоформ мужского рода ед. и мн. числа нами принимается такое допущение, что флексия может быть выражена лишь единичным графическим знаком – буквой, паерком или пробелом (например, *конь*, *мъжїе*, *образ*, *грѣх*), а два варианта субстантивной основы одного существительного, реализованные в общих падежных формах ед. и мн. числа, которые вычленяются из соответствующих словоформ после отсечения флексии, могут иметь либо одинаковое количество графических знаков³ (например, ОПФед *юнакъ*, *врагъ*, *прѣстъ* ~ ОПФМН *юнац-и*, *врас-и*, *прѣст-е*), либо разное количество (например, ОПФед *попъ*, *гражданинъ* ~ ОПФМН *попов-е*, *граждан-е*) – и тогда нами вводятся понятия морфонологического наращения варианта субстантивной основы в ОПФМН (ср., например, распространение основы сегментом *ов* в ОПФМН *поповъ-е* при *попъ* в ОПФед) или морфонологического усечения варианта субстантивной основы в ОПФМН (ср., например, сокращение основы на сегмент *чи* в ОПФМН *гражданъ-и*-е при ОПФед *гражданчи*-ь). Такой подход к описанию в ряде случаев может показаться непривычным и даже искусственным с точки зрения традиционных представлений о грамматической системе болгарского языка. Однако он признается нами допустимым, так как в синхронном аспекте, как указывалось выше, возможны различные решения проблемы морфологической членности словоформ, а данный подход к материалу позволит учесть все графические особенности, характерные для орографической системы памятника.

3. Выводы в работе делаются на основе анализа полного корпуса существительных мужского рода, зафиксированных в тексте ТД в двух словоформах – ОПФед и ОПФМН.

В ТД аналитическая система субстантивного словоизменения представлена в развернутом виде. В подавляющем

большинстве случаев синтаксические связи между словами выражаются при помощи предлогов и общей падежной формы существительных в ед. и мн. числе. Однако в тексте дамаскина употребляются и падежные формы существительных, среди которых наибольшей последовательностью характеризуется употребление форм Р. ед., Д. ед. и В. ед. Это свидетельствует о том, что "для социолингвистической ситуации периода, когда создавалась письменность дамаскинов, было характерно то, что в рамках одного и того же языка синхронно сосуществовали два морфологических строя речи: синтетический в литературном языке с его развитой системой падежей и аналитический – в народно-разговорном языке, городских койне и говорах"⁴. В настоящей статье исследуется один из фрагментов морфологии аналитического строя речи, отраженного в тексте ТД.

В системе субстантивного словоизменения, представленной в рассматриваемом памятнике, при помощи собственно морфологических и морфонологических средств выражается основное противопоставление по числу, а именно грамматическая оппозиция 'ед. число' – 'мн. число', реализуемая ОПФед. и ОПФМН.

В тексте дамаскина морфологическим признаком существительных мужского рода в ОПФед. является флексия, которая выражена графически, как правило, буквой ь или же – реже – паерком⁵, пробелом и буквой ъ (например, домъ, корабникъ, грѣхъ, бой, лъвъ). При образовании ОПФМН. употребляются флексии, обозначаемые буквами е (реже ё и ъ), и (реже ѿ) и а.

В качестве морфонологических признаков сущ. м. р., реализуемых в письменном тексте в двух общих падежных формах – ед. и мн. числа, выступают: а) консонантные чередования, обозначаемые буквами <к ~ ц>, <х ~ с>, <г ~ с>; б) чередования гласного с нулем <V ~ #> с обозначением вокалической ступени буквами е, ь, ъ и паерком, а нулевой ступени – буквой ь, паерком или отсутствием какого-либо знака; в) чередования с наращением основы в ОПФМН., где морфонологический сегмент, которым распространяется субстантивная основа, может быть выражен буквой ё или сочетанием букв ов, ѿв, оов, ѿв, ѿв, ѿш; г) чередования с усечением в основе ОПФМН. морфонологического сегмента, обозначаемого сочетанием букв ин.

Каждое существительное характеризуется определенным соотношением перечисленных морфологических и морфо-

нологических признаков, т. е. особым типом словоизменительной модели.

При определении типа словоизменительной модели существительных основным классификационным признаком является такой морфонологический признак как количественный слоговой состав основы в ОПФед., по которому все существительные распределяются в две группы: а) существительные с односложными основами и б) существительные с многосложными основами. Деление основ на односложные и многосложные является очень важным, так как именно эта характеристика субстантивных основ обуславливает наличие разных закономерностей в образовании ОПФМН. существительных м. р. Внутри выделенных групп производится распределение существительных в подгруппы также по морфонологическому признаку, а именно – по строению исхода основы, в результате чего выделяются основы на губные (буквы п, б, в, м), основы на взрывные, фрикативные и аффрикативные зубные (буквы т, ѡ, д, с, ц, з, л, р, н), основы на фрикативные и аффрикативные передненебные (буквы ѹ, ч, ж, ѿ), основы на взрывные и фрикативные задненебные (буквы к, г, х).

Материал ТД дает полное представление о различных морфолого-морфонологических типах словоизменения существительных м. р., так как содержит достаточное количество лексем с зафиксированными в тексте двумя основными формами одного и того же существительного – ОПФед и ОПФМН (например, корабник – корабница, побратим – побратиме). Важное значение для подкрепления выводов имеют и те лексемы, которые представлены в ТД лишь словоформами мн. числа, так как в большинстве случаев по внешнему облику ОПФМН можно с уверенностью восстановить отсутствующую в тексте исходную словоформу ед. числа (например, мн. стльбы – ед. [стльь], мн. кметове – ед. [кметь], мн. пѣнесе – ед. [пѣнесъ]), за исключением, пожалуй, существительных, обозначающих названия людей по их профессии, национальности, вероисповеданию и т. п. (например, по ОПФМН хайдуте можно предположить ОПФед как [хайдутинъ], так и [хайдуть]). В то же время следует подчеркнуть, что мы не включаем в корпус описываемого материала те лексемы, которые зафиксированы в тексте памятника только в словоформе ед. ч., поскольку характеристики для письменной системы ТД способы образования слово-

форм мн. числа в целом ряде случаев не определяются ни морфологическими признаками исходной словоформы (т. е. буквенными различиями в обозначении флексии ед. числа), ни ее морфонологическими признаками (т. е. составом букв в исходе основы), ср., например, ед. царь и царь, но мн. – царє и царове; ср. также вариативность словоизменительной модели одних и тех же сущ-х: ед. аггль – мн. агглы и аггле, ед. пть – мн. птьи, птьюве, птьища и др. Иными словами, лексемы, представленные в памятнике только ОПФед, как правило, не дают однозначной информации о типе словоизменительной модели существительного и потому не являются предметом настоящего анализа.

При описании материала незафиксированные в тексте словоформы ед. числа даются нами в квадратных скобках []. По каждомуциальному слову приводятся все выписанные нами из текста орфографические варианты в ОПФМН (например, сынове, сыншве, сншве); членные формы приводятся лишь в том случае, если соответствующая нечленная форма нами не зафиксирована (например, зе́броеве, зе́бршве, зе́бровете). Ударение ставится только при конкретном цитировании (например, поло́вый 275); в остальных случаях ударение не отмечается, так как в тексте памятника одна и та же словоформа может употребляться с различными ударениями или совсем без ударения (например, гра́ждене, гра́ждёне, гра́жденé, гра́ждене).

Односложные существительные мужского рода

В тексте ТД словоформами ед. и мн. числа представлены сущ-е м. р. с основами на буквы п, б, в, м, т, д, с, л, р, н, ѹ, ч, ж, к, г, х. Только словоформами мн. числа представлены те сущ-е м. р., основы которых в ОПФМН оканчиваются на буквы с, ц, ш.

В этой группе сущ-х ОПФМН образуется при помощи флексий е(ю), и(ы), а.

Самой распространенной для односложных существительных является флексия мн. ч. -е, которая присоединяется либо непосредственно к неизменной субстантивной основе (например, робь – робе, прысть – прысте), либо к морфонологическим сегментам, ов, ѿв, оов, ѿв, ѿв и і, расширяющим субстантивную основу при образовании ОПФМН (например, сръп – сръп-е, кѹм – кѹм-е, попь – поп-е, ключ – ключ-е, пть – пть<юв>-е, мъж – мъж<і>-е)⁵.

Наиболее продуктивным типом словоизменения односложных сущ-х м. р. является флексия мн. числа -е и наращение основы в ОПФМН морфонологическими сегментами ов, ѿв, оов, ѿв (тип <Vv>). Сегменты ов, ѿв, оов находятся между собой в отношении свободного варьирования; сегмент ѿв распространяет только основы на ѹ, ч, ж, употребляясь наряду с сегментами ов, ѿв, оов.

Способы образования ОПФМН при помощи флексии -е как без морфонологических изменений основы (типа робь – робе), так и с наращением основы сегментами і и ѿв (типа мъж – мъж<і>е, пть – пть<юв>е) – непродуктивны: они характерны для очень ограниченного круга односложных основ и, как правило, употребляются наряду с другими способами образования ОПФМН, что обуславливает наличие вариативных парадигм у отдельных существительных (например, це́беть – це́бто́вее/це́бтіе).

Рассмотрим словоизменительные типы односложных сущ-х м. р.:

I. Флексия ОПФМН е(ю):

1) + наращение основы в ОПФМН морфонологическими сегментами типа <Vv>:
п – попь ~ попове, попоове; сръп, сръпь ~ сръпове; стъпъ, стъпь ~ стъпове; б – хлѣбъ ~ хлѣбове; в – лъвъ, лъвъ, лъвъ – лъвове, лъвшве, лъвшве; м – дымъ, дымъ – дымове; домъ, дшмъ домшвете; кѹмъ – кѹмшве; Ѹмъ, оумъ – Ѹмове; т – [кметъ] ~ кметове; крѣсть ~ крѣстовете; [скотъ] ~ скотшве; д – бродъ ~ бродшве; гадъ ~ гадове, гадшве; гладъ ~ гладшве; градъ ~ градшве, градове, градоове; сидъ ~ сидовете; ршдъ ~ ршдове; съдъ 'сосуд' ~ съдшве; с – бѣсь ~ бѣсоове, бѣсшве, бѣсове; чась ~ часове, часоове; л – дѣль ~ дѣлшве; столь ~ столове, столшве; р – вѣтъ, вѣтъ ~ вѣтрове, вѣтрове; дворъ ~ дворове, дворшве; моръ ~ морове; царь ~ царове 13 об; н – сынь, синь, снъ ~ сынове, сыншве, сншве; чинъ ~ чинове, чиншве; ѹй – бой, бои ~ боишве, бошве, боеве; ч – врачъ ~ врачшве, врачиове, врачеве; ключъ ~ ключове, ключеве; [бычъ] ~ бычшве 302; ж – лъжъ ~ лъжове 196; ножъ ~ ноожевете; ш – [гроши] ~ грошшве, грошове, грошоове; к – ликъ ~ ликоове, ликшве; смокъ ~ смокшве; г – брѣгъ, брегъ ~ брѣгове; лъгъ ~ лѣгове; рогъ, ршгъ ~ рогшве, роговете; х – дѣхъ, дхъ ~ дѣхово-ве, дѣхшве; мъхъ ~ мъхове.

2) + наращение основы в ОПФМН морфонологическим сегментом *<ї>*:
т – гость ~ гостіе; листь ~ листіе; н – [трънь] ~ тръніе; ж – мжъ, моужъ, мъжъ, мъжъ ~ мжіе, мъжіе, мъжіе.

3) отсутствие морфонологических изменений в субстантивной основе:
н – конь ~ коніе, коне 90 об; ц – [жръць] ~ жръце.

II Флексия ОПФМН *и(ы)*:

1) отсутствие морфонологических изменений в субстантивной основе:

б – [стльбъ, стльбъ] ~ стльбы 72 об, стльбы 96; в – [вльхвъ, вльхвъ] ~ вльхвы, вльхвы; [вльсвъ, вльсвъ] ~ вльсвы, вльсвы; т – [скѣтъ] ~ скѣтъ; с – [влась] ~ власы; [перѣсь] ~ перѣсы;

2) + чередование типа *<V ~ #>* (*<e ~ #>*):

н – день, днъ ~ дни, дны.

3) + наращение основы в ОПФМН морфонологическим сегментом *<ов>*:

п – поповій 275 (флексию -и, видимо, в данной словоформе следует считать ошибкой).

III Флексия ОПФМН *а*:

+ наращение основы в ОПФМН морфонологическим сегментом *<ї>*:

т – братъ ~ братія.

Многие существ. р. с односложными основами характеризуются вариативным способом образования ОПФМН, что может быть обусловлено либо вариативностью морфонологической структуры при устойчивости морфологической характеристики, либо морфологической вариативностью при тождественности морфонологической структуры основы, либо сочетанием морфологической и морфонологической вариативности.

I Вариативность в морфонологической структуре:

1) Флексия ОПФМН *е*:

а) + наращение основы в ОПФМН морфонологическими сегментами *<Vb>* // *<ї>*:

т – цвѣть ~ цвѣтоове, цвѣтове//цвѣтіе; р – звѣрь ~ звѣрьше, звѣроове, звѣровете//звѣріе; г – богъ, бѣгъ ~ богове, бѣгове, бооговете, богоове, бѣгове, бѣгове, боогшве//множ. божіе 239 об (с нетипичным чередованием *<г ~ ж>* в исходе субстантивной основы).

б) + наращение основы в ОПФМН морфонологическими сегментами *<ї>* // *<ов>* и отсутствие морфонологических изменений в основе:
р – царь ~ царіе, царіе//царе 332//царове 323.

в) + наращение основы в ОПФМН морфонологическим сегментом *<ї>* // отсутствие морфонологических изменений в основе:

б – робъ ~ робіе//робе.

2) Флексия ОПФМН *и(ы)*:

а) + чередование *<к ~ ц>* // чередование *<к ~ ц>* и наращение основы в ОПФМН морфонологическим сегментом *<ї>*:

к – влькъ, влькъ ~ вльци//влъци.

б) + наращение основы в ОПФМН морфонологическим сегментом *<ї>* // отсутствие морфонологических изменений в основе:

б – зѣбъ ~ зѣбы, зѣбы//зѣби.

II. Вариативность в морфологической структуре:

Флексия ОПФМН *е*//флексия ОПФМН *и(ы)* – при отсутствии морфонологических изменений в основе:

б – рабъ ~ рабы//рабе; т – пость ~ пости, посты//посте 198 об.

III. Морфологическая и морфонологическая вариативность:

1) Флексия ОПФМН *е*//флексия ОПФМН *и(ы)*:

а) + наращение основы морфонологическим сегментом типа *<Vb>* (при флексии *е*) // отсутствие морфонологических изменений в основе (при флексии *и*):

б – гробы ~ грѣшвѣ, грѣбовете, грѣбовете//грѣбы 261 об; с – кнесь ~ кнѣсоове, кнесьшвѣ, кнѣсове//кнези, кнезы; л – воль ~ волове, волшвѣ//волы мои 209 об; р – дарь ~ даршвѣ, даровѣ//дары 329; х – грѣхъ ~ грѣхове, грѣхове, грѣхшвѣ//грѣхи 338 об, грѣсы 212 (+ чередование в исходе основы *<x ~ c>*).

б) + наращение основы в ОПФМН морфонологическим сегментом типа *<Vv>* (при флексии *е*)/чередование в основе *<г ~ с>* (при флексии *и*)/чередование в основе *<г ~ с>* и наращение основы в ОПФМН морфонологическим сегментом *<ї>* (при флексии *и*):

г – врагъ ~ врагшвѣ, врагове, врагове//врачи наши 163//врасі и 333 об; дрѣгъ ~ дрѣгшвѣ 31//дроузы мои 329//дрѣсі и 108.

в) + наращение основы в ОПФМН морфонологическим сегментом <ов> (при флексии е)/отсутствие морфонологических изменений в основе (при флексиях и и):
т – пръстъ 'палец' ~ пръстове//пръсте//пръстите.

2) Флексия ОПФМН е//флексия ОПФМН а:

+ наращение основы в ОПФМН морфонологическим сегментом <ї> (при флексии е)/наращение основы в ОПФМН морфонологическим сегментом <ищ> (при флексии а):
н – сънь, сънь~съніє 147//сънища 147.

3) + наращение основы в ОПФМН морфонологическим сегментом <юв> (при флексии е)//наращение основы в ОПФМН морфонологическим сегментом <ищ> (при флексии а)/отсутствие морфонологических изменений в основе (при флексии и):

т – пъть, пъть 'путь, раз' ~ пътюве 178 об, 219 об//пътища, пътища//пъти, пъти.

Таким образом, весь приведенный выше материал, характеризующий способы образования ОПФМН сущ-х м. р. с односложными основами, свидетельствует о том, что для языковой системы, получившей отражение в тексте ТД, наиболее продуктивным типом словоизменения является флексия мн. числа е и наращение субстантивной основы в ОПФМН морфонологическим сегментом типа <Vb>.

Существительные мужского рода с многосложными основами

Среди существительных мужского рода с многосложными основами при образовании ОПФМН употребляются те же самые флексии, которые были рассмотрены при образовании ОПФМН от сущ-х м. р. с односложными основами, а именно – флексии е (‐е, ‐ѣ), и (ы) и а. Но наиболее употребительными для многосложных основ являются не только флексия е (‐е, ‐ѣ), но и флексия и (ы). Флексия а, как и в односложных основах, почти не употребляется: она зафиксирована только в одном существительном огънь – огнища.

В некоторых случаях такой морфонологический признак как строение исхода основы оказывается признаком, выби-

рающим определенную флексию (ср., например, основы на к и ц, которые образуют ОПФМН с флексией и/ы: ловец – ловци, войник – войницы). В других случаях определяющим в выборе флексии мн. числа может быть семантический признак (так, например, слова, называющие лиц мужского пола по их профессии, занятиям и вероисповеданию, а иногда и по месту жительства и национальности, как правило, образуют ОПФМН с флексией е: болѧринь – болѧре, стражарь – стражаре, евреинь – евреи, но и: таифали, сракїны).

Среди сущ-х м. р. с многосложными основами, аналогично сущ-м с односложными основами, в тексте дамаскина содержится значительное количество слов, образующих ОПФМН с двумя (и более) флексиями и имеющих, следовательно, вариативные словоизменительные парадигмы.

I. Флексия ОПФМН е(‐е, ‐ѣ):

1) Отсутствие морфонологических изменений в основе:

в – доби́ве ~ доби́ве 4 об; м – побрати́мъ ~ побрати́ме; т – [митрополи́тъ] ~ митрополи́т 59; с – поа́сь ~ поа́се 229, поа́сть 320; с – [пънесь] ~ пънese; л – [даска́ль] ~ даска́ле 183 об; службите́ль 333 ~ идолслужбите́ль 333; мочите́ль ~ мочите́ле; [гоните́ль] ~ гоните́ль; [съмотрите́ль] ~ съмотрите́ль; р – [варвар] (ср. Р. ед. штварвара)//варвари́н ~ варвáре; [визи́р] ~ визи́ре; господарь, гсподарь ~ господаре, гсподарь (и господаре); дрѓарь ~ дрѓаре; дўварь ~ дўваре; єми́ре; [сигварь] ~ сигваре; калѓгеръ, калоерь ~ калѓгере, калоे́ре; монасти́р ~ монасти́ре, монасты́ре; майсторъ ~ маисторе; мраморь ~ мраморе, мраморь; стражарь ~ стражарете; съборь, съборь ~ съборе; хилїадарь ~ хилїадаре 143; н – [гарвáнъ] ~ гарвáне 210 об; корбáнъ ~ корбáнене; [пиронъ] ~ пирионе; раслань ~ раслане; [тыпаны] ~ тыпане; ч – [керпичъ] ~ керпиче 227; орач ~ ораче, шраче; ш – [ботьшь] ~ ботьше 301 об.

2) + усечение морфонологического сегмента <ин> в основе ОПФМН:

н – болѧринь, болѣринь ~ болѧре, болѣре, болере; [барин] ~ баре 319 об; [блъгари́нъ] ~ блъгаре; варвари́н//[варваръ] (ср. штварвара) ~ варвáре; властелинъ ~ (трїте) влáстелю 145, 145 об; гражданинъ ~ граждане, царограждане, граждене; евреинь, євеинь ~ евреи, єврее. Следует отметить, что нами отмечен еще целый ряд лексем, зафиксированных в тексте

памятника только в ОПФМН с флексией е, таких, как: агаръне, воден⁵чърете//воденчарете, вратаре, воискаре//вшишкаре, глобаре, гүрит⁶чене, дюл⁷гере, жътваре, юдеете/юудеете, ма⁸ре, мидъне, миріане, парө⁹не, римліане, сад¹⁰кеете, самараңанье, солынанье//солынане, татаре, фыщаре, фарисеете, хайдуте, хиләдаре. Мы не можем с уверенностью утверждать, что в ОПФед эти лексемы имели основу с морфонологическим сегментом <ин>, который в ОПФМН усекается (т. е. [вратаринь], [ма⁸ринь], [фарисеинь] и т. п.). Тем более, что из текста ТД следует, что некоторые лексемы данной лексико-семантической группы могут образовывать вариативные парадигмы – с усекаемым сегментом <ин> в основе и вообще без него (ср., например, варваринь и ~таварвара; последняя форма дает право восстановить ОПФед [варварь]). Кстати, и в некоторых современных восточноболгарских говорах сосуществуют указанные словообразовательные варианты, например, гагаўс//гагаўз'ан, гүйдár//гүйдár'ан, фч'ер//фч'ер'ен, д'ул'г'ер//д'ул'г'ер'ен (говор с. Кортен, Новозагорско).

3) + наращение морфонологического сегмента *ї* в основе ОПФМН:

б – голоубъ~ голоубіе, голубіе; л – [поустиножитель]~ поустиножителіе; р – [рыбарь, рыбаринь?]~ рыбаріе; н – камень~ (мншгоцънны) каменіе 25 об.⁷; т – гость~ гостіе. Данный тип образования ОПФМН требует определенных замечаний. Как правило, словоформы с морфонологическим сегментом <ї> и флексией мн. ч. е (и реже – только с одной флексией е) имеют собирательное значение (ср., например, следующие словоформы, отмеченные в ТД: нивіе, лозіе, водіе, горіе, стѣніе, планиніе, людіе, звѣріе, мъжіе, чръвіе, болѣре, калѣгере и др.). Такие словоформы реализуют собой либо грамматическое значение мн. числа присемантическим значением собирательности, или коллективности (например, пастыріете 32 об, дръвіете 189, нивіе хѣбави 204 об, тіа нашите съніе 147, дойдѣха гостіе 34 об, моя людіе 107, нехар'ните людіе 197, людіете 183, 186 об, людіетѣ 183 об, 185 об, тіе мъжіе 197, мъжіете 180, съдіете 115 об, стражіете 117, пастыріете 32 об, болѣрете 95, 116, калѣрете 100, калѣрете 165 и мн. др.), либо грамматическое значение единичности при сохранении собирательной семантики, обозначающей совокуп-

ность одинаковых (или аналогичных) предметов, людей, существ (например, мншгоцънно каменіе 194, лозіе хѣбаво 204 об, мъжіето 180, людіето 136 об, 183, 186 об, робіето 180, царіето 183 об, спадаріето 180, звѣріето 32 об, горіето 180, стѣніето 180, съчко гбріе и планиніе и полье 203, калѣрето 10 об, болѣрето 52 об, 53 и др.). В ряде случаев наблюдается несоответствие грамматических и синтаксических показателей, характеризующих данную лексико-грамматическую группу существительных (например, чръвіето огънны 206, гвоздіето, що бѣха ... 25). Приведенные факты свидетельствуют о том, что грамматическое оформление собирательных существительных в языковой системе, отраженной в тексте ТД, находилось в тот период еще в стадии становления.

4) + наращение основы в ОПФМН морфонологическим сегментом <ов>:

л – помысьль твой~ помислове 207 об; г – [инорогъ]~ инорогове 210 об.

5) Три существительных зафиксированы только в ОПФМН (нок¹¹те//нок¹¹те, лак¹²те//лакате 227 об//лах¹³те 196 и хлѣбовце). Восстанавливать здесь ОПФед рискованно.

6) Вариативность морфонологической характеристики субстантивной основы, а именно:

наращение основы в ОПФМН морфонологическим сегментом <ї>// отсутствие морфонологических изменений в основе –

л – ОПФМН родителіе//родителіе (1 раз); р – господарь, спадарь~ господаре, спадарь//господаріе (1 раз); пастирь, пастырь~ пастырете (1 раз)//пастыріе.

Как показал материал, образование ОПФМН с флексией е(ѣ, ю) характерно для существительных с исходом основы в ОПФед на буквы б, м, т, ц, с, л, р, н, ч, ш, г. Основы на б, в, м, т, с, ц, с, ш, г представлены в дамаскине единичными примерами. Некоторым многосложным субстантивным основам при образовании ОПФМН с флексией е присущи морфонологические изменения: наращения основы морфонологическими сегментами <ї> и <ов> (очень редко) и усечение сегмента <ин>.

II. Флексия ОПФМН и(ы):

1) морфонологические изменения в основе отсутствуют:

в – [штровъ]~ штрови 244; съставъ~ съставы; [хорѹгвъ]~

хор⁸гви; т (редко -ф) – [аромать] ~ аромати, ароматы, арома-фи; [д⁸кать] ~ д⁸кати; [керасть] ~ керасты 210; [плин-фь]~ плин-фы 114; печать ~ печати; [савромать] ~ савроматы; д – [братчедь] ~ братчеды; [със⁸ды] ~ със⁸ды; л – [дикель] ~ дикелы 103; [таифаль] ~ таифали; р – [асирь]~ асири 217 об; [к⁸миры] ~ к⁸миры; [с⁸линарь] ~ с⁸линары; [са-мары] ~ самарите; н – [кощонь] ~ кощоны 225; [мадіань]~ мадіаните 87 об; [сежань] ~ сежаны 253; [сракінь, саракінь]~ сракіни, саракіни; [с-флавинь] ~ с-флавины 72 об. В данной подгруппе имеется значительное количество существительных, называющих лиц мужского пола по их национальности и образующих ОПФМН. с флексией *и(ы)*, например, таифали. Выше также были рассмотрены существительные, относящиеся к этой же лексико-семантической группе, но образующие ОПФМН. с флексией *е* и усечением основы в ОПФМН на морфонологический сегмент <ин> (например, евреинь~евреи). Можно предположить, что в языковой системе, получившей отражение в тексте ТД, данную лексико-семантическую группу составляли существующие подгруппы существительных, имеющих разную словообразовательную, морфологическую и морфонологическую структуру, а именно: а) существительные с исходом основы на сегмент <ин> в ОПФед, которые при образовании ОПФМН выбирали флексию *е* и усекали морфонологический сегмент <ин> (например, [римљанинъ]~римла-не, [бльгаринъ] ~ бльгаре), и б) существительные, не имеющие в структуре основы сегмента <ин> и выбирающие флексию мн. числа *и(ы)* (например, [савромать] ~ савроматы, [с-флавинь] ~ с-флавины). В то же время можно допустить, что флексия ОПФМН *е* или *и* не указывает на морфонологическую структуру субстантивной основы (т. е. на наличие/отсутствие сегмента <ин> в ОПФед), так как в тексте памятника зафиксирована одна лексема с вариативным образованием ОПФМН – с флексиями *е* и *и*: авар//авары. К сожалению, данные существительные употреблены в ТД, как правило, только в одной словоформе – ОПФМН, и поэтому мы можем лишь высказывать те или иные соображения относительно строения конкретных ОПФед.

2) + морфонологическое чередование типа <V~#> в субстантивной основе⁸:

Модель словоизменения с флексией мн. числа *и(ы)* и чередо-

ванием типа <V~#> характеризует сущ-е м. р. с многосложными основами с исходом на сегмент *ец* в ОПФед (например, ло⁸вець, юнечь). Вокалическую ступень чередования *е* находим в ОПФед, где она реализуется буквой *е*. Однако в тексте дамаскина в ряде случаев на месте буквы *е* в ОПФед употребляется паерок. О том, что паерок в этих словоформах может иметь значение буквы *е*, свидетельствуют такие параллельные написания, как, например, вѣн'ць//вѣнецть, кладен'ць//кладенець, стар'ць//старець //старецть и др. На этом основании ОПФед с данной структурой исхода основы (т. е. *ъц*, например, єллин'ць) мы интерпретируем как основы с исходом на **ец* и, следовательно, с вокалической ступенью чередования <*е*>. Что касается ОПФМН, то перед буквой *ц* мы находим либо паерок (в большинстве случаев) – вѣн'ци, прозор'ци, либо отсутствие какого-либо специального знака – старците, кладенцї, либо (лишь в одном словоупотреблении) букву *ь* – хытрыцы. Эти знаки в ОПФМН мы интерпретируем в качестве реализации нулевой ступени чередования <#>.

Однако мы должны отдавать себе отчет в том, что отождествление паерка с буквой *е* в ОПФед – лишь одно из возможных решений. Вполне допустимо предположить, что диалектная система, получившая отражение в тексте ТД, имела вариативное произношение тех словоформ ед. числа, в которых стб. суффикс **ьць* был в заударной позиции, а именно – с наличием гласного в конечном заударном слоге (т. е. старець) и с его отсутствием (т. е. стар'ць), что и обозначалось писцом, с одной стороны, буквой *е*, а с другой, – паерком. Возможность этого второго предположения подтверждается и тем, что в некоторых современных восточноболгарских говорах, имеющих сильное экспираторное ударение, гласные в безударной позиции могут редуцироваться вплоть до исчезновения, например, пручта (вм. прочета), дунса (вм. донеса) с'елту (вм. селото), с'инуфт'и (вм. синовете), ста⁸рт'и ора (вм. старите хора) и т. д. В таком случае мы должны признать, что в тексте ТД реализована вариативная морфонологическая характеристика сущ-х м. р. с основами на *ец//ц* и с ударением на корне, называющих, как правило, лиц мужского пола по их профессии, занятиям, национальности, социальному положению и т. п. и – реже – предметы (венец, месец, прозорец и т. п.), – с чередованием в основе типа 'гласный ~ нуль звука'

$\langle V \sim \# \rangle$ (старець ~ старїци) и без чередования (стáрць – стáрци).

В связи со сказанным мы принимаем два допустимых решения в отношении словоизменения сущ-х м. р. на ец// ц, а именно:

а) Все указанные сущ-е имеют в ОПФед суффикс ец, который передается в тексте ТД либо в виде буквенного сочетания ец, либо в виде ъц. Их парадигмы характеризуются чередованием в основе типа 'гласный нуль звука' $\langle V \sim \# \rangle$ (т. е. ОПФед старець или старїци ~ ОПФМН старїци). Такая интерпретация рассматривается нами как основная.

б) Сущ-е, имеющие ударение в ОПФед на суффиксе ец, характеризуются морфонологическим чередованием 'гласный нуль звука' $\langle V \sim \# \rangle$ (ловéць ~ ловїци). Сущ-е же, имеющие ударение на корневой части основы, отличаются вариативной морфонологической характеристикой: чередованием типа $\langle V \sim \# \rangle$ (т. е. старець ~ стáрци) и его отсутствием (т. е. стáрць ~ старїци).

В тексте ТД отмечены следующие сущ-е указанной структуры (либо в двух словоформах – в ОПФед и ОПФМН, либо только в одной – в ОПФМН): вбнїць, вбнєцть ~ вбнїци, вбнїцы; ловець ~ ловїци; прозорець ~ прозорїци; старець; старецть, старїць ~ старїците (и однократное старїце 86); чюждинець ~ чюждинїци, чюждинїците; юнець ~ юнїци. А также только ОПФМН: бврїци, бблїци, вдовїци, даронжїци, замодавїци, кръвопїци, кръвопїци, пловїци, плшвїци, присмъхлїци, сребролубїци, телїци, творїци, френїци, фоглавїци.

Особо следует отметить три слова со скоплением согласных букв в основе, которые, как и в современном болгарском литературном языке, разбиваются гласной буквой в ОПФМН (элизия гласной буквы происходит по типу СС₁еС₂ ~ СъС₁С₂): мрътвець, мрътвець ~ мрътвїци; прѣснець ~ прѣсънїци; пришълїци ~ пришълїци.

В словах с сокращенным написанием в ОПФед (мцсъть, млднци, штци) зафиксированы ОПФМН мцсъи, младенїци, шци, штци, которые не имеют формальных указаний (кроме словоформы младенїци) на возможные морфонологические изменения в основе.

Для одного сущ. с основой на м (космъм) также можно предположить морфонологическое преобразование основы по типу чередования $\langle V \sim \# \rangle$: космъм ~ космы, космите. В данных

примерах на вокалическую ступень чередования указывает в словоформе кос мъ паерок , на нулевую – отсутствие какого-либо знака.

Для двух сущ-х с основой на л (орель и [коzель]) и двух сущ-х с основой на н (овень и [глезень]) также отмечается чередование типа $\langle V \sim \# \rangle$ (конкретно $\langle e \sim \# \rangle$): [коzель] ~ коzлы; орель ~ орѣли, орѣлыте, орѣлите; [глезень] ~ глезныте 267 об; овень, швень ~ швѣны.

3) + чередование типа $\langle K \sim C \rangle$ в субстантивной основе:

Эта модель характеризует существительные с основой на к (в сочетаниях ик, и реже ок, ак, бк//ек), х и г. Зафиксированы следующие слова:

Основы на к – великомЧникъ ~ мнЧниците; войникъ ~ войници; грѣшникъ ~ грѣшници; зломисльникъ ~ зломысльници; завистникъ ~ завистници; исповѣдникъ ~ исповѣдниците; источникъ ~ источники; инокъ ~ иноци, иноци, иноци; корабникъ ~ корабници; магесникъ ~ магесници; ненавистникъ ~ ненавистници; насилиникъ ~ насилиници; облакъ, шблакъ ~ шблаци; оброкъ ~ оброци; отрокъ ~ штроци; причестникъ ~ причестници; постникъ ~ постници; проповѣдникъ ~ проповѣдници; праведникъ ~ праведники; послѹшникъ ~ прислѹшници; пѣтникъ, пѣтникъ ~ пѣтници, пѣтници; просїакъ 321 ~ простѣци, просеци; разбоинникъ ~ разбоинници; сщеннникъ ~ свещенници; сѹдникъ ~ сѹдници; ѹченникъ ~ ѹченицы, ѹченицы, оченици; финикъ ~ финици. Целый ряд слов данной структуры зафиксирован в тексте дамаскина только в ОПФМН: безсребреници, врѣстници, досадници, дховници, дльжници, жъзльници, завидници, книжовници, езичнїци, кнїжници//книжници, клеветници, лакомници, неправедници, отровници, осоужденници, прѣст8пници, посланници, сънници, сребреници, томрѹци 296 об, чардаци. Вполне вероятно, что некоторые из приведенных словоформ мн. числа восходят к сущ-м женского рода (например, ОПФМН клеветници может восходить к ОПФед м. р. [клеветникъ] и к ОПФМН ж. р. [клеветница]).

В некоторых случаях ожидаемое чередование типа $\langle K \sim C \rangle$ не реализуется и основы оказываются морфонологически немаркированными, например: дъстьвникъ – дъстьвники 119; [еретикъ] (в рукописи еретигъ 164) – еретики 115 об (наряду с обычным употреблением ОПФМН еретици, еретыци);

языкъ, єзыкъ – языки 254 (наряду с обычным употреблением єзыци); [клирикъ] – клирикъ 138 (наряду с клирици); начелнікъ – три тысъщо начелнікы (наряду с обычным употреблением начелніци); пръвопрѣстолнікъ 113 об – пръвопрѣстолнікы 114 (наряду с прѣстолніци); празднікъ – празднікы 4 об (наряду с праздніци, праздніцы, праздній); чловѣкъ 166, члкъ – члкы 328 об (наряду с чловѣци, члци, чловѣціи 208 об, члціи).

Основы на х – патріархъ ~ патріар си; сиромахъ, сыромахъ ~ сиромасы, сыромасы, сыромасите.

Основы на г – в сущ-х м. р. с многосложными основами на г в тексте дамаскина дважды употреблена ОПФмн сапогы 87 об, 120 об (от незафиксированной ОПФед [сапогъ]) с отсутствием морфонологических изменений в основе. Остальные сущ-е м. р. с многосложными основами на г отмечены только в ОПФед (например, бѣльгъ). На основании ранее рассмотренных односложных основ, образующих ОПФмн с флексией и(ы) и чередованием $\langle g \sim s \rangle$ (например, врагъ ~ враси, дрѹгъ ~ дроусы), можно констатировать, что в тексте дамаскина в сущ. м. р. с многосложными основами на г ожидаемое чередование $\langle g \sim s \rangle$ не реализовано, поскольку ОПФмн данных сущ-х не были употреблены писцами⁹.

4) Ряд сущ-х, образующих ОПФмн с флексией и(ы), имеют сложную морфонологическую характеристику основы:

а) чередование в основе типа $\langle V \sim # \rangle$ и наращение основы в ОПФмн морфонологическим сегментом $\langle i \rangle$:

и – стецъ ~ стціи; [слѣпецъ] ~ слѣпціи; [свирецъ] ~ свирціи; [трыговецъ] трыговціи

б) чередование в основе $\langle \text{ц} \sim ч \rangle$ и усечение основы в ОПФмн на морфонологический сегмент $\langle \text{ин} \rangle$:

и – тѣрчинъ 313 ~ тѣрци 313.

5) Некоторые существительные при образовании ОПФмн имеют вариативную морфонологическую характеристику основ:

а) чередование в основе типа $\langle V \sim # \rangle$ // чередование в основе типа $\langle V \sim # \rangle$ и наращение основы при образовании ОПФмн морфонологическим сегментом $\langle i \rangle$:

и – єллинцъ ~ єллинціи//єллинците; кладенецъ, кладенцъ ~ кладенціи//кладенці; хытрецъ, хитрецъ ~ хытрьціи//хытрьцы. б) чередование в основе $\langle k \sim ц \rangle$ //чередование в основе $\langle k \sim ц \rangle$ и наращение основы при образовании ОПФмн морфонологическим сегментом $\langle i \rangle$:

и – прркъ ~ прроци, пррцы//пррціи; празднікъ ~ праздніци, праздніцы//праздніціи (и однократное употребление ОПФмн празднікы 4 об); чловѣкъ, чилбъкъ, члкъ ~ чловѣци, члци//чловѣціи, члціи (и однократное употребление ОПФмн члкы 328 об); юнакъ ~ юнаціи//юнації.

в) чередование в основе $\langle k \sim ц \rangle$ и $\langle V \sim # \rangle$ //чередование в основе $\langle k \sim ц \rangle$ и $\langle V \sim # \rangle$ и наращение основы при образовании ОПФмн морфонологическим сегментом $\langle i \rangle$:

и – момъкъ, момъкъ ~ момъціи, момъціи//момъції.

г) отсутствие морфонологических изменений в основе//наращение основы в ОПФмн морфонологическим сегментом $\langle i \rangle$:

и – єллинъ ~ єлліны//еллинїи. Зафиксирована также ОПФед єллининъ 198 об и ОПФмн с морфонологическим сегментом $\langle i \rangle$, но без флексии: еллінї.

III. Флексия ОПФмна:

+ чередование в основе типа $\langle V \sim # \rangle$ и наращение основы в ОПФмн морфонологическим сегментом $\langle \text{ищ} \rangle$:

и – оғнъ, ѡғнъ, оғнАть, оғнѧть ~ ѡғнꙗща 278.

Таким образом, при помощи флексии и(ы) ОПФмн образуют существительные мужского рода с многосложными основами на в, м, т, ѳ, д, л, р, н, ц, к, չ, ҳ. Сущ. с основами на в, т, ѳ, д, л, р, н характеризуются отсутствием морфонологических изменений в основе. Сущ-м с основами на ц, к, չ, ҳ, м, л, н свойственные морфонологические преобразования основ, такие, как чередования типа $\langle V \sim # \rangle$, чередования типа $\langle K \sim C \rangle$ и наращение основы в ОПФмн морфонологическим сегментом $\langle i \rangle$. Среди основ на т, л, р, н выделяется лексико-семантическая группа сущ-х, обозначающих лиц мужского пола по их национальности и месту жительства (например, савроматы, асирі). Эти сущ-е находятся как бы в отношении дополнительного распределения с аналогичными сущ-ми, которые образу-

ют ОПФМН с флексией *e* (например, *самарапъне*, *варваре*, см. об этом выше).

Целый ряд сущ-х мужского рода с многосложными основами образуют ОПФМН как с флексией *e(е, ё)*, так и с флексией *u(ы)*. В тексте дамаскина имеются следующие лексемы с морфологически вариативными парадигмами, от которых употреблены как ОПФед, так и ОПФМН:

1) морфонологические изменения в основе отсутствуют:

п – еп^Скъ~еп^Скъы, еп^Скъы//еп^Скъе, еп^Скъе (вариант с *e* встречается реже); *б* – корабь ~ корабе//корабыте (1 раз); *м* – хер^Ввімь ~ хер^Ввімы, хер^Ввіміи//хер^Ввіме (1 раз, 300 об); *л* – аггль, ан^Ггль ~ ан^Ггелы, агглы, агглы 293//аггле (вариант с *e* встречается реже); [арх^Ггль] ~ арх^Гглы//арх^Ггле (редко); ап^Сль ~ ап^Сле, апостолъте 274//ап^Слы, ап^Сли (варианты равноправны); діаволь ~ діаволе//діаволы, діаволите (варианты равноправны); идоль ~ идоле, идолюте//идолы (вариант с *y* употреблен реже); прѣстоль ~ прѣстоле//прѣстолы (вариант с *y* встречается реже); Учитель, учитель ~Учител е, Учител іе, Учител іе 329//Учителы 328 об (1 раз, арх.); *р* – [аварь, аваринъ?] ~аваре, авары (вариант с *y* встречается реже); *н* – воинъ, войнъ ~ воине, войне, вшине//воины, войны, вшини (вариант с *и/ы* употреблен реже); діаконъ ~ діаконы//діаконе (вариант с *e* встречается реже); поклонъ ~ поклоны//поклоне 228 об (1 раз); *ц* – старець ~ старци//стар'це 86.

2) + усечение морфонологического сегмента *<ин>* в основе ОПФМН:

н – д^Вш^Манинь, д^Вш^Манинь ~ д^Вш^Мане//д^Вш^Маните (вариант с *i* употребляется редко); [Р.-В. ед. самараница 118 об] ~ самараңе 128//самараныте 128 об; съсъдинъ ~ съсъде (2 раза)//съсъди (1 раз); хр^Стіанинь ~ хр^Стіане//хр^Стіаны (вариант с *y* встречается редко).

3) + усечение сегмента *<и>*: арх^Гереи ~ар^Гх^Гере, ар^Гх^Гереи//арх^Гереи – 141 об.

Среди существительных с многосложными основами морфологические варианты с флексиями мн. числа *e(е, ё)* и *u(ы)* характеризуют основы на *п*, *б*, *м*, *л*, *ц*, *й*, *р*, *н*. Все основы являются морфонологически немаркированными и только основы на *н*, представленные четырьмя лексемами с суффиксом *ин*, характеризуются усечением сегмента *<ин>* в ОПФМН.

В заключение отметим, что наиболее распространенной словоизменительной моделью для сущ-х м. р. с односложными основами является способ образования ОПФМН с флексией *e(е, ё)* и наращением основы в ОПФМН морфонологическими сегментами типа *<Vb>* (ов, шв, оов, ев). Данная словоизменительная модель охватывает круг односложных основ на *п*, *б*, *в*, *м*, *т*, *д*, *с*, *л*, *р*, *н*, *й*, *ч*, *ж*, *ш*, *к*, *г*, *х*.

Способ образования от сущ-х м. р. с односложными основами ОПФМН с флексией *u(ы)* используется ограниченно: это основы на *б*, *в*, *т*, *с*, *н*, *г*, *х*, причем некоторые из них представлены единичными лексемами. ОПФМН с флексией *a* образуется лишь от одного существительного брат.

Характерной особенностью словоизменительной модели существительных мужского рода с односложными основами являются морфонологические изменения в основе. Так, подавляющее большинство рассмотренных существительных образуют ОПФМН с наращением основы морфонологическими сегментами типа *<Vb>* и реже – сегментом *<i>* (ср. срълове, дымове, гадове, бъсове, сынове, ключеве; гостіе, мъжіе). Присоединение флексии ОПФМН непосредственно к субстантивной основе встречается в памятнике сравнительно редко (например, коне//коне, жъре, робе, рабе//рабы, стъбы, въльхъви, пер^Сси, врази, въльци, пъти, зъбы и др.).

Говоря о словоизменении сущ-х м. р. с односложными основами, нельзя не отметить и наличие широко распространенной вариативности в способах образования ОПФМН, что свойственно многим существительным. Наличие такой вариативности объясняет тенденции в развитии данного фрагмента словоизменительной системы болгарского языка XVII в., так как в тексте дамаскина четко прослеживаются сосуществующие продуктивные и непродуктивные способы образования ОПФМН в сущ-х м. р. с односложными основами. Так, например, словоизменительная модель с флексией ОПФМН и наращением основы морфонологическим сегментом типа *<Vb>* в сущ-х с вариативными парадигмами отличается высокой продуктивностью (ср. гробовете, волове, дарове, грѣхове, цѣтвове, зѣровете, врагове и др.), тогда как две другие модели, а именно – с флексией *e* и наращением основы сегментом *(i)* (например, цѣтіе, зѣріе), а также с флексией *u(ы)* и без наращения основы (например, грѣбы, волы, дары,

грѣсы//грѣхы, враси) – непродуктивны и часто являются архаизмами.

Существительные мужского рода с многосложными основами образуют ОПФМН как с флексией е (ю, ё), так и с флексией и(ы). В тексте ТД флексию ОПФМН е принимают основы на б, п, в, м, т, с, ц, с, л, р, н, ч, ш, г, причем все основы, кроме основ на л, р, н, ч, представлены единичными примерами. Среди сущ-х, характеризующихся ОПФМН с флексией е (ю, ё), выделяется довольно обширная группа слов, называющих лиц мужского пола по их профессии, занятиям, национальности, месту жительства, вероисповеданию (например, дюлгере, жътваре, бльгаре, татаре, ѹдее и т. п.).

Флексия и(ы) употребляется в данном памятнике письменности несколько шире, чем флексия е, а именно – в существительных м. р. с основами на б, п, в, м, д, т, ѡ, ц, л, р, н, к, г, х. Единичными лексемами представлены основы на б, п, м, ѡ. Остальные основы, особенно с исходом на ц, л, р, н, к, х, охватывают широкий круг существительных. Слова, обозначающие лиц мужского пола по их занятиям, национальности, месту жительства и вероисповеданию, также могут принимать в ОПФМН флексию и(ы) (например, єллины, таифали, асири, патрїарси, присловници и др.), хотя значительно реже, чем сущ-е из этой же лексико-семантической группы, которые принимают флексию е (ю, ё).

Приведенная характеристика многосложных основ показывает, что только флексию е (ю, ё) выбирают основы на с, с, ч, ш; основы же на в, д, о, ц, к, х выбирают только флексию и(ы). Существительные с основами на б, п, м, т, л, р, н, г могут образовывать ОПФМН как с флексией е (ю, ё), так и с флексией и(ы), создавая морфологические варианты. При этом необходимо иметь в виду, что указанные варианты по своему внутреннему содержанию неоднородны. Одни из них представляют собой варианты не только на уровне словоизменительной модели, но и на лексическом уровне, когда каждый из морфологических вариантов характеризует разные лексемы (например, в основах на т фиксируются ОПФМН печати и митрополите); другие же являются вариантами только на уровне словоизменительной модели, представляя собой вариативные словоформы в рамках словоизменения одной лексемы (например, идолы//идоле, єпскпъ//єпскле). Вариатив-

ные парадигмы типа идолъ~идоле//идолы имеют сущ. м. р. с многосложными основами на б, п, м, л, р, н, представленные нередко единичными, но характеризующимися высокой частотностью в тексте, лексемами. Так, например, широко употребляющиеся в тексте существительные апСль и дїаволь используют обе флексии ОПФМН одинаково. В существительных єпскпъ//єпскль, херѧвімъ, аггль, [архггль], дїаконъ, поклонъ при образовании ОПФМН реже встречается флексия е (ю, ё), в существительных же корабль, идолъ, прБстоль, ѹчитель, [аварь, аваринъ?], воинъ, – напротив, при образовании ОПФМН реже употребляется флексия и(ы), которая в ряде случаев фиксируется в архаических статьях дамаскина¹⁰.

Понятие словоизменительной модели сущ. м. р. с многосложными основами охватывает и морфонологические изменения в основе. Так, при образовании ОПФМН с флексией е (ю, ё) большинство основ, завершающихся на сегмент 〈ин〉, утрачивают его, в результате чего парадигмы данных существительных характеризуются чередованием 〈ин~Ø〉: гражданинъ~граждане, евреинъ~евреи. Ряд сущ-х с основами на б, л, р, н образуют ОПФМН с наращением основы сегментом і и характеризуются чередованием 〈Ø~ї〉: ластырь~ластырє. Распространенный в словоизменении сущ-х м. р. с односложными основами способ образования ОПФМН с флексией е и наращением основы сегментом типа 〈Vb〉, отмечен лишь в двух словах с многосложными основами: помислове и ино-рогове.

Многосложные основы тех сущ-х, которые выбирают флексию ОПФМН и(ы), также подвергаются морфонологическим преобразованиям, почти неизвестным сущ-м с односложными основами: это чередования типа 〈К~С〉 (например, иночь иноци, сиромахъ сиромаси) и типа 〈V~#〉 (например, ловецъ~ловѣцъ, косѣмъ~космы, швень~шѣны). Нереализованность чередования типа 〈К~С〉 в ряде случаев (например, езыкъ – езыки, [салогъ] – салогы) могут служить свидетельством того, что утверждение словоформы И. мн. в качестве ОПФМН, ставшей нормой для той языковой системы, которая нашла отражение в тексте ТД, произошло не сразу: можно предположить, что был известный период, когда име-

лись две возможности при выборе ОПФмн – либо словоформа И. мн. (со ступенью *⟨С⟩*, т. е. клирици), либо словоформа В. мн. (со ступенью *⟨К⟩*, т. е. клирики).

Ряд существительных мужского рода с многосложными основами, образующих ОПФмн как с флексией *е* (это основы на *м, в, т, с, 5, л, р, н, ч, ш*), так и с флексией *и* (это основы на *в, т, ѿ, 6, л, р, н*), имеют морфонологически немаркованные парадигмы.

Представленный в статье материал убедительно показывает, насколько разные тенденции характеризуют способы образования ОПФмн существительных мужского рода с односложными основами, с одной стороны, и с многосложными, с другой. Это свидетельствует о том, что в наборе признаков, определяющих тип словоизменительной модели существительных мужского рода, первым по классификационной значимости морфонологическим признаком следует считать количественную характеристику слогового строения основы: ее односложность или многосложность. Другие морфонологические признаки – такие, как строение исхода основы и акцентная характеристика слова, – являются менее значимыми в выборе словоизменительной модели. В ряде случаев необходимо учитывать и семантику существительного. Весь перечисленный набор классификационных признаков представляет собой вполне упорядоченную иерархическую систему средств для образования ОПФмн сущ-х м. р.

Из рассмотренного материала следует, что писцы ТД свободно владели существующим корпусом морфологических и морфонологических средств для различения и противопоставления двух основных словоформ в системе субстантивного словоизменения – ОПФед и ОПФмн сущ-х м. р. Анализ этих средств и способа их письменного выражения в ТД, а также привлечение современного диалектного материала из северо-восточных болгарских говоров района Ловеча-Тетевена, подтверждают важный вывод, сделанный Е. И. Деминой, что текст ТД содержит два основных пласта: 1) традиционный, реализованный графическими средствами и продолжающий традиционную книжную норму, и 2) нетрадиционный, представленный в грамматической системе и отражающий узус живой народной речи¹¹.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Демина Е. И. Тихонравовский дамаскин. Болгарский памятник XVII в. Ч. III. Тихонравовский дамаскин как памятник книжного болгарского языка XVII в. на народной основе. С., 1985, с. 12.
2. См.: Демина Е. И. Указ. соч., с. 166, 170, 248, 249, 245, 247.
3. В тексте ТД основа существительных м. р. может иметь от двух буквенных знаков (например, ъмъ) до семнадцати (например, кандиловъжегателъ).
4. См.: Демина Е. И. Указ. соч., с. 35.
5. См. о возможности применения такого морфологического членения в статье: Попова Т. В. Към въпроса за синхронното морфологично разчленяване//Български език, год. XXXVI, кн. 4, 1986, с. 315–320.
6. В формах бошве и боеве на уровне графики имеет место усечение конечной буквы и(й) в субстантивной основе СПФмн.
7. В связи с тем, что в тексте ТД в ед. ч. употребляются лексические дублеты камикъ и камень, а во мн. ч. – только лексема камень//[каманъ] (ОПФмн камене//каманie), мы не можем согласиться с мнением, что "словоформа камене рассматривается ... как форма множественного числа слова камикъ" (Демина Е. И. Указ. соч., с. 199): из указанных лексических дублетов один, а именно камень, имеет как ОПФед, так и ОПФмн, в то время как второй дублет – камикъ – имеет только ОПФед. Однако отметим, что в современном болгарском литературном языке употребляются обе указанные лексемы, но они имеют ущербные парадигмы, а именно: в ед. ч. только камъкъ, а во мн. ч. только камъни. Ю. С. Маслов считает, что от существительного камъкъ "неправильно" образуется общая форма мн. ч. камъни (см.: Маслов Ю. С. Грамматика болгарского языка. М., 1981, с. 137).
8. Текст памятника не имеет знака #, и обозначение чередования гласной с нулем как *⟨V~#⟩* (конкретно *⟨е~#⟩*) является известным допущением и отступлением от преимущественно графической ориентации работы.
9. Специального внимания заслуживает факт наличия в тексте дамаскина вариативного способа образования ОПФмн от многосложных основ на к и г с чередованиями типа *⟨К~вС⟩* и с их отсутствием (например, еретики//ере-тици, сапоги и др.). Такая вариативность в реализации ОПФмн существительных м. р. с основами на задненебные может служить как бы доказательством того, что в языке, легшем в основу текста ТД, был определенный период, когда при установлении ОПФмн существительных м. р., происходил выбор между формой И. мн. (со ступенью *⟨С⟩*) и формой В. мн. (со ступенью *⟨К⟩*), который решился в пользу формы И. мн., в результате чего закономерной моделью образования ОПФмн этих существительных стала модель с флексией мн. ч. и(ы) и чередованием типа *⟨К~в С⟩*.
10. Относительно образования ОПФмн от существительных м. р. с многосложными основами – названий лиц, животных и предметов – Е. И. Демина

указывает на преимущественное использование флексии е и замечает, что "в единичных случаях (разр. наша, - Т. П.) отмечены и формы с окончанием -и, присущим традиционному литературному языку, а также ряду живых говоров - у Ловеча, Трояна" (см.: Демина Е. И. Указ. соch., с. 245), что не вполне совпадает с нашими выводами относительно употребления в тексте ТД флексий ОПФМН е и и в существительных м. р. с многосложными основами. Необходимо при этом подчеркнуть, что сосуществование флексий мн. ч. е и и, видимо, было свойственно системе народно-разговорного койне, которое, как это устанавливает Е. И. Демина, в XVII в. функционировало в районе Тетевена-Атрополе-Луковита (бывшей Ловечской епархии) и нашло отражение в новоболгарском тексте ТД в качестве народной основы книжного болгарского языка XVII в. (см. там же).

¹¹ См.: Лемина Е. И. Указ. соч., с. 60.

ВЫРАЖЕНИЕ СИНТАКСИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ
ИМЕНИ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО
В НОВОБОЛГАРСКИХ ДАМАСКИНАХ XVII В.
(На материале "Слова об апостоле Фоме")

И. В. Платонова

В период Предвозрождения в Болгарии наряду с традиционным литературным языком поздних редакций (ЛЯ) функционировали различные типы книжного языка на народной основе (КЯНО).

В Тихонравовском дамаскине и ряде других новоболгарских дамаскинов XVII в., написанных на КЯНО, среди правил на уровнях правописания, грамматического строя и словаря можно указать на выбор аналитических средств выражения синтаксических отношений имени вместо падежных форм, хотя последние также нередко встречаются в текстах¹.

Изучая Тихонравовский дамаскин, сопоставляя его с другими дамаскинами XVII–XVIII вв., Е. И. Демина установила в них наличие некоторых падежных форм: так называемую родительно-винительную форму мужского рода единственного числа (род.-вин. м. р. ед. ч.), форму дательного (дат.) падежа м. р. ед. ч., особенно в притяжательной функции, форму вин. падежа ед. ч. существительных женского рода (ж. р.), а также отдельные случаи употребления других падежных форм. Вслед за Л. Милетичем Е. И. Демина предполагает, что эти формы являлись живой особенностью болгарского народного языка XVII в.². Однако специальных исследований в этом плане не проводилось.

Рассмотрение способа выражения синтаксических отношений имени существительного в ряде дамаскинов XVII в., написанных на КЯНО, в сопоставлении с рукописным текстом на традиционном ЛЯ Костенецкого дамаскина № 503 (XVII в.) – одного из старших дамаскинов среднегорского (по Б. Цоневу) типа, с которых переведены дамаскины I новоболгарского типа³ – предлагается в данной работе.

Для исследования берутся не дамаскины полностью, а

только одна статья этих сборников – Житие апостола Фомы. В основном рассматриваются параллельные места из Костенецкого дамаскина и дамаскинов новоболгарского типа (ДНБТ). Для полноты материала иногда добавлены идентичные конструкции из непараллельных мест. Конструкции, встречающиеся в Костенецком дамаскине, но не имеющие соответствий в ДНБТ, не исследуются.

Текст "Слова об апостоле Фоме" прослеживается по семи новоболгарским дамаскинам, в основном относимым Е. И. Деминой к новоболгарскому типу:

1. Тихонравовский дамаскин (Тих.) – Демина Е. Тихонравовский дамаскин. Болгарский памятник XVII в. Ч. II. С., 1971, с. 89–93.

2. Копривщенский дамаскин (Копр.) – Милетич Л. Копривщенски дамаскин, новобългарски паметник от XVII в. // Български старини, кн. II. С., 1908, с. 1–6.

3. Троянский дамаскин (Троян.) – Иванова А. Троянски дамаскин, български паметник от XVII век. С., 1967, с. 69–76.

4. Протопопинский дамаскин № 708, XVII в. (№ 708) – Рукописный отдел НБКМ, София, с. 83–944.

5. Сливенский дамаскин № 709, XVII в. (№ 709) – Рукописный отдел НБКМ, София, л. 20–305. Е. И. Демина относит этот дамаскин к смешанному типу⁶.

6. Тетевенский дамаскин XVIII века. – № 225 по Инвентарной книге Церковного музея, София. л. 106–1137. Этот дамаскин Е. И. Демина не указывает в своей классификации.

7. Дамаскин № 1073 XVIII века (№ 1073). – Рукописный отдел НБКМ, София, л. 43а–49б⁸. Е. И. Демина справедливо сомневается в этой датировке, считая дамаскин памятником XVII в.⁹.

"Слово о святом апостоле Фоме" включено в Костенецкий дамаскин в дополнение к устойчивому составу статей дамаскинов среднегорского типа и в других дамаскинах этого типа не встречается¹⁰. Но оно входит в устойчивый состав статей дамаскинов I новоболгарского типа, отсутствуя во II, III и IV типах.

Создатель новоболгарского текста "Слова об апостоле Фоме" в дамаскинах I новоболгарского типа неизвестен, однако он, как предполагает Е. И. Демина¹¹, перевел или отредактировал еще и шесть других представленных в Тихо-

нравовском дамаскине статей: преставление Иоанна Богослова, слово о Козьме и Дамиане, житие Иоанна Златоуста, слова о введении Марии во храм, об апостоле Филиппе и об апостоле Матфеи. Текст, отраженный в Костенецком дамаскине, при этом значительно переработан, опущены многие детали, подчеркивающие святость Фомы, повествование ведется более четко и динамично. Эти 7 статей Тихонравовского дамаскина отличаются от других, в частности, тем, что они снабжены особыми "распространенными" заголовками, свойственными миеням.

Текстологический анализ "Слова об апостоле Фоме"¹² говорит и о единстве этой статьи со списком Сливенского дамаскина № 709, относимого Е. И. Деминой к смешанному типу, и Тетевенского дамаскина № 225, Е. И. Деминой не рассматриваемого.

Во всех указанных выше рукописях почти полностью совпадает написание всех букв и изображение надстрочных знаков. Поэтому скорее всего они написаны относительно в одно и то же время, т. е. дамаскины № 225 и № 1073 можно датировать XVII веком. Среди названных списков несколько выделяется лишь Троянский дамаскин. Е. И. Демина отмечает "сознательный и творческий подход его создателя к своему непосредственному оригиналу. В дамаскине представлена орфографическая, грамматическая и стилистическая правка текста"¹³. И хотя в нем употребляются *А* и *Х*, много элемен-тов, появившихся в других дамаскинах под влиянием традиционного языка, в Троянском отсутствуют, заменяясь народными выражениями.

Как уже указывалось, текст "Слова" во всех новоболгарских рукописях почти полностью совпадает. Лишь в том месте, где речь идет о времени строительства царского дворца, есть разнотечения.

Синтаксические отношения имени в дамаскинах, написанных на КЯНО, выражаются в основном аналитически. Те немногие существительные, которые сохраняют падежные формы, объединяются в типы склонения по родовому признаку. Флексии существительных м. р. восходят к флексиям старого типа склонения *О-основ, а ж. р. – к флексиям старого типа склонения *А-основ. Существительное *Фома*, обозначающее собственное имя лица мужского пола, употребляясь в

дат. падеже, получает флексию *О-основ. Большинство флексий имен существительных утрачивается, в падежных значениях выступает общая форма имен существительных (с предлогом или без предлога).

У существительных ж. р. ед. ч. общая форма на месте косвенных падежей, в отличие от формы бывшего имен. падежа субъекта, может оканчиваться не только на -а, -я, но и на -и́ и -и́, восходящих, вероятно, к флексии вин. падежа (за исключением имен существительных в Сливенском дамаскине № 709). Эти окончания представлены у существительных мома, жена и душа: съсь ѿнъзи мόмъ Тих., 90; Копр., 2; № 708, 86; № 225, 108; № 1073, 44б (момъ Троян., 71; мома № 709, 23); при женъта си Тих., 90; № 708, 86; № 225, 109; № 1073, 45а (женъть си Троян., 71; жената си Копр., 2; № 709, 23); съсь женъта м8 Тих., 90; № 708, 86; № 225, 108; № 1073, 44б; Троян., 71 (женъта Копр., 2; жената № 709, 23); занéсоха бшъта м8 Тих., 93; № 708, 93; № 225, 112; № 1073, 49а (ð(оу)шъта м8 Троян., 75; бша Копр., 5; бшата № 709, 28).

В значениях вин. падежа направления с предлогом въ и прямого объекта встретились также флексии в и ю: въ ѹндїю Тих., 89; Копр., 1; № 708, 83; № 709, 20; № 225, 106; № 1073, 43а (въ ѹндїю Троян., 69); тои є сътвóриль нбо ѵ землю Тих., 92; Копр., 5; № 708, 93; № 225, 112; № 1073, 49а; Троян., 74 (земли № 709, 27); ѹ да остáви ѵ цár'ство ѵ женъ Тих., 90; № 708, 86; № 225, 109; № 1073, 45а (женъ Копр., 3; женъ Троян., 71; жена № 709, 23).

Следует отметить, что случаев таких немного – всего 10 словоупотреблений из общих 80. В Троянском дамаскине их значительно больше – 21, при этом (в том числе) как у существительных, так и у местоимений представлены также окончания -X и -A: съгради ... нержкóтебренX полáтX ... съгради ли ѡнома онъA полáта 73; оузé мѣркX 73; главX'своA ... Ѣ по- ложи 75; да ѹде въ ѹндїю 69; хбди оу еднX'риза 74; ѹт твоA грýжъ оумýрам 75; на моA'ръкX'сичко е 75; да изведѣть ѡтома, на нбкоA планинX'высокX 76.

Однако это употребление проведено непоследовательно, и рядом с существительным с флексией -X или -A то же существительное может стоять с флексией а: със' голбма чашъ 70 – да ѹзме онъзи чаша 70; гледаха онъзи ръкX'70 – ѹзé м8 онъзи ръкA 70.

Остальные имена существительные – ср. р. в ед. и мн. ч., ж. р. во мн. ч., неодушевленные м. р. в ед. и мн. ч., а также и одушевленные существительные м. р. во мн. ч. имеют только одну общую неизменяемую форму, восходящую к имен. или вин. падежу.

В отдельный подкласс выделяются одушевленные имена существительные м. р. ед. ч. У этих существительных сохраняются три падежные (лично-мужские) формы: имен., вин. и дат.

Во мн. ч. многие односложные существительные м. р. имеют общую форму с флексией -ове: дворбве Тих., 89; Копр., 1; № 708, 84; № 709, 21; № 1073, 43б (девшрове № 225, 107; Троян., 70); стльпове Тих., 91; Копр., 3; № 708, 88; № 709, 25а; № 1073, 45б (стльшве Троян., 72). Очень употребительна собирательная форма на -е и -е: людe Тих., 90; Копр., 2; № 708, 85; № 709, 23; № 1073, 44б; № 225, 108; Троян., 70; в Троян. встречается также люде; корабе Тих., 89; Копр., 1; № 708, 84; № 709, 21; № 225, 107; № 1073, 43б; Троян. 70; камене ... дръвe Копр., 4; № 708, 89; № 709, 25; № 225, 109; № 1073, 46а; Троян., 72. В Троян. на с. 70 употреблена также форма камене, а в других рукописях в этом месте стоит камик¹.

Имена существительные в тексте Костенецкого дамаскина сохраняют флексивный строй. Однако старое деление на типы склонения по характеру тематического гласного основы утрачивается, существительные одного грамматического рода объединяются в один тип склонения. Довольно правильно, хотя и с некоторыми отклонениями, употребляются флексии косвенных падежей существительных старого *О (м. р. и ср. р.) и *А (ж. р.) склонений.

Во мн. ч. также очень употребительна собирательная форма на -е: вин. пад. – камене 262, твор. пад. – камениe 260.

При рассмотрении способа выражения синтаксических отношений имени существительного (и некоторых других субстантивированных частей речи) за основу сравнения принимаются значения косвенных падежей, представленные в Костенецком дамаскине (болгаро-сербская правописная редакция среднеболгарского типа традиционного литературного языка)¹⁴. Обращение, выраженное вокативом, а также номинативный субъект, в данной работе не рассматриваются.

Вначале анализируются местн., твор. и род. падежи, а затем дат. и вин.

I. Местный падеж.

1) Тимпоральное значение (без предлога и с предлогом на). Беспределожное употребление в Костенецком дамаскине встречается редко. В этом случае имена существительные или близки к наречиям, или уже перешли в их класс¹⁵.

В ДНБТ употребляются те же самые формы без предлога и с предлогом на как застывшие, наречные выражения. Но в № 709 и Троян. дамаскине существительное лъто в приводимом ниже примере стоит в общей форме: въсако здане лъто сиждёт се а тъ хощеши зымъ съдати № 503, 262 – сички маисторе на лътъ започнёват Тих., 91; № 708, 88; № 225, 110; № 1073, 46а (на лъто № 709, 25; Троян., 73)¹⁶; ты зыме кажешь да започнешь Тих., 91; Копр., 4; № 708, 88 (зимъ № 709, 25; № 1073, 46а; Троян., 73; зими № 225, 110); на оутрѣ № 503, 260 – наутрѣ Тихонр., 89 (на утрѣ Копр., 1; № 708, 84; № 709, 21; № 225, 107; № 1073, 43б; Троян., 69).

2) Значение обстоятельства образа действия (с предлогом въ). В ДНБТ вместо предлога въ с общим падежом употреблен предлог 8 : ѿ ходить въ ѿдіноу, рызѣ № 503, 262 – ходи 8 ѿднъ риза Тих., 92; № 708, 90 (8 еднъ риза Копр., 5; № 709, 27; оу еднъ риза Троян., 74; 8 ѿднъ риза № 1073, 47а).

Есть пример и на употребление конструкции с предлогом на: дето ны се ѹавы на ѹбрáзъ ѿ на прилика .. Тих., 91; Троян., 72.

3) Значение места (с предлогами на и въ). В ДНБТ с предлогами на и въ употребляется общий падеж: на сёмы мѣстѣ хощъ № 503, 262 – на това мѣсто ищем да мы съидашь Копр., 3–4; Тих., 91; № 708, 88; № 709, 24; № 1073, 46а; Троян., 72; бывше аплы въси въ іерлімѣ № 503, 260 – когдато бѣха апслете, въ іерслімъ Тих., 89 (в ерслімъ – Копр., 1; № 225, 106; № 708, 83; № 709, 20).

В связи с тем, что значения места и направления смешиваются, в № 503 вместо местн. падежа может стоять вин.: въ индю създѣ полатѣ царевѣ № 503, 260; ѿ онъ бѣ хождааше въ градъ № 503, 262.

4) Значение изъяснительного объекта (с предлогом о). В ДНБТ употребляется общая форма с предлогом за:

и въпрашаše ... о полатѣ № 503, 262 – ѿ царѣги попита за ѿнъзи полата Тих., 92 (за онъА полата Троян., 73).

В № 503 вместо местн. пад. встретился род.-вин.: и възвѣстїше ємъ ѿ брата єго № 503, 263. Ср.: и скѣза им за хѣ ба Копр., 2; Тихонр., 90; № 708, 86; № 709, 23; № 225, 108; № 1073, 44б; Троян., 71.

В ДНБТ конструкция может быть полностью изменена: беседоваше ѿ създани полати № 503, 262 – попитаха го царь направилъ ли ми си полата Тих., 92; № 708, 91; № 709, 28.

II. Творительный падеж.

1) Инструментальное значение – средство и орудие (без предлога и с предлогом съ); значение образа действия (с предлогом съ). Ср.: аз же єго съ своима рѣкама погублю № 503, 262 – ѿ съсъ бѣдоха го съсъ-кѣпїа Тих., 93; № 225, 113; Троян., 76 (съсь копиѣ Копр., 6). Как видим, в ДНБТ употреблен общий падеж с предлогом съсъ; вѣрова црь съ въсѣмъ ср҃демъ № 503, 263 – вѣрова съсъ-кѣо-сърдце Тих., 91; Копр., 3; № 708, 87; № 709, 24; № 225, 109; № 1073, 45б; Троян., 72.

, Иногда в новоболгарском тексте находим иное чтение: съ выншмъ хбдеши по рѣдѣ № 503, 261 – да піють съсъ-голѣма чаша вѣно Тих., 90; № 708, 85.

Инструментальный объект может быть опущен: роукама се възѣбы по лицѣ № 503, 262 – зѣ да сѣ биѣ по лицѣто Тих., 92; Копр., 5; Троян., 74.

В застывших выражениях твор. падеж без предлога сохраняется: то сълтвами бѣ помлви насъ Тих., 93; Троян., 76 и др.; бѣльгарским езыком Троян., 69.

2) Значение материала (без предлога и с предлогом съ). В ДНБТ стоит общий падеж с предлогом от: съ каменiemъ стѣлы цркви и дѣоры царскы работаютъ № 503, 260; каменiemъ стѣлы црковные дѣоры царскы № 503, 262 – штакаменіе 8мѣю да съдамъ дѣорѣвѣ царскѣ Тих., 91; Копр., 3; Троян., 72.

3) Значение качественной характеристики (без предлога). В ДНБТ конструкция изменена. Существительное стоит в общем падеже: именемъ Фома № 503, 260 – ѿмето мѣ бѣше ѹаванъ Тих., 89; № 708, 83 (име томъ ... № 225, 106).

4) Социативное значение (с предлогом съ). В ДНБТ употребляется предлог съсъ с общим падежом существительных (у существительных м. р. ед. ч., обозначающих лиц, это

форма род.-вин. падежа). Ср.: прийде и́псль въ ѿн'дію съ авва-
ном коп'цем № 503, 262; мншго лѣть поживши съ моужем
№ 503, 261 – какъ дѣма Фома съсъ женѣта мѣ Тих., 90;
семь № 708, 86; № 225, 108; № 1073, 44б; Троян., 71 (съсъ женѣта мѣ
№ 709, 23); и да б'дете об'щи съсъ хѣ ба
Копр., 2; съсъ женѣата мѣ № 709, 23); и да б'дете об'щи съсъ хѣ ба
моего Копр., 6; № 225, 113 (съсъ хѣ ба моего Тих., 93; № 708, 94;
№ 1073, 49; Троян., 76; съсъ хѣ ба моего № 709, 30).

5) Значение субъекта действия в страдательной конструкции (без предлога). В ДНБТ в этом случае, употреблена действительная конструкция: и бузырьмъ роукъ ёго ѿвлчимъ № 503, 261 – и рѣката ... свѣрѣ да ти ю
растрыгнть Тих., 90; Троян., 70.

6) Пространственное значение с предлогом предъ. В ДНБТ конструкция несколько изменена. С глаголом припадам употреблен предлог на: и предъ ногама и́псла поклонів се № 503, 261 – припаде царь на низѣте му Копр., 6; Тих., 93; № 708, 93; № 709, 30; № 225, 113; № 1073, 49а; Троян., 76.

III. Родительный падеж.

1) Значение времени (без предлога). В ДНБТ подобное выражение оставлено без изменения как застывшее, каноническое, т. к. указывает на дату, с которой связано житие апостола Фомы: до скончанію мартира № 503, 262 – и́мса ѿжтом'вріа Тих., 89.

2) Значение начальной точки какого-либо действия или состояния, а также направления (с предлогом от). В значении начального пункта движения (движения изнутри) употребляется предлог из.

В ДНБТ, предлоги от и из употреблены с общим падежом: и́мса житія сего итидѣши № 503, 262; и́мса крщеніе № 503, 263; пришль ... ит индію № 503, 260 (Здесь вместо род. употреблен, вин. падеж) – слѹчи се ит индія нѣкои члкъ копеци дошель, бу и́мса ѿслімъ № 709, 21; Тих., 89; поїдоха нѣкой члци ит ѿнызи мѣста и граѓшве и села Троян., 72; Тих., 92; № 709, 26; изъ тьм'ницъ № 503, 263 (Здесь также вместо род. стоит вин. падеж) – да го испоѣтимъ ис тьм'ницата Тих., 93; № 708, 93; № 709, 30; № 225, 113 (... ис тьм'ницата Копр., 6; ... ис тьм'ницата Троян., 76; ... ис тьм'нина № 1073, 49а; начнѣ ит сеп'евріа № 503, 262 – и́мса фер'варь Тих., 91; Копр., 4; № 708, 88; № 225, 110. В некоторых дамаскинах род. падеж сохранился:

ит и́мса фер'вара № 709, 25; № 1073, 46а; ит м(ѣ)с(ѧ)ца ѿк-
твѣм'вріа Троян., 72.

В значении направления в ДНБТ вместо предлога от употреблен предлог на: прозор'ци же начрѣтавъ ит въстокшмъ № 503, 262 (вместо род. падежа стоит дат.) – и прозор'ци на ѿстокъ да стори № 708, 89; Тих., 91.

3) Значение объекта, от которого что-либо отторгается или утилизируется (с предлогом от). В ДНБТ с предлогом от употребляется общий падеж: ит мира бд сего свободоѣнь бѣдеши № 503, 262 – и дасѣ ит рече ит тоизи свѣтъ Тих., 90; Копр., 3; № 708, 86; № 225, 108; № 1073, 45а (ит тоизи свѣтъ № 709, 23; ит тоа свѣтъ Троян., 71); чистите сѣбе ит въсакои скверные похощи № 503, 262 – пази се ит мншго пытіе Тих., 90; № 708, 85; № 1073, 44а; Троян., 70 (ит много пытіе Копр., 2; № 709, 22; № 225, 107); коплю ит брати моего № 503, 263 – да ѹ копи ит нѣго Тих., 93 и др. (Здесь имя существительное заменено местоимением).

4) Значение целого при существительных и наречиях, обозначающих меру и количество (без предлога). В ДНБТ употребляется общая форма без предлога: воды имбѣ пошибилъ № 503, 262 – и вѣда мншго Тих., 91; № 225, 110 и др.; мншго лѣть № 503, 261; ѿстѣви ємѣ злато мншго № 503, 262 (род. падеж заменен на вин.) – и ѿстѣви мѣ жльтыци мншго № 708, 89; № 225, 110; № 1073, 46а; Тих., 91.

5) Значение цели, мотивированности действия – с послелогом ради; значение причины – с предлогом от. В ДНБТ вместо послелога ради употребляется предлог заради; предлог от сохраняется; существительные стоят в общей форме: твоей печали ради бўмираю № 503, 263. Ср.: заради мои живѣть Тих., 93; Копр., 6; № 708, 93; № 709, 29; № 225, 112; № 1073, 48б (зарад Троян., 75); и слѹчи се та се разбѣлѣ царевъ братъ ит грижа царева Тих., 92; № 708, 92; № 709, 28; № 1073, 48а; Троян., 75. В ДНБТ конструкция может быть изменена: свѣта ради № 503, 262 – защо да свѣти Тих., 91; № 708, 89 и др.

6) Значение конца, предела, конечного пункта действия (с предлогом до). В ДНБТ предлог до употребляется с общим падежом (для нарицательных существительных м. р. ед. ч., обозначающих лиц, это форма род.-вин. падежа): допловше ... до града единого ѹндискаго, нарицаемаго

надрш^х № 503, 260; до пол⁸ цр^ствїа ти прош⁸ № 503, 263. – Ср.: дойд^е рέдь и до ѡбма Тих., 90; Копр., 2; № 708, 85; № 225, 107; № 1073, 44а; № 709, 22; Троян., 70; поидоха ... до цара Тих., 92.

Род. падеж с предлогом до сохраняется в ДНБТ в застывших выражениях: до вѣка Тих., 91; Копр., 3; № 708, 86; № 709, 23; № 225, 111; № 1073, 45а; Троян., 71 (до века № 225, 109); до живо^{та} сво^{его} Тих., 90 и др.; до живо^{та} наш^{его} Тих., 91 и др.

Если выражение было неполностью застывшим, допускавшим замену его составляющих, вместо род. падежа могла быть употреблена общая форма: до м^сца шк^том^вріа Тих., 91; Копр., 4; № 708, 88; № 709, 25; № 225, 110; № 1073, 46а (до м^бс(А)ца ф^рфари Троян., 72).

7) При глаголах с семантикой насыщения, наполнения (без предлога). В ДНБТ стоит общий падеж с предлогом съсъ: йсплѣни се ѡбрости № 503, 262 – ѿ напльни се съсъ ѡдь Тих., 92; № 708, 91; № 1073, 476 (съсъ ѡдь № 709, 27; съсъ ѡдь № 225, 111; съсъ ѡдь Троян., 74).

8) Значение субъекта действия в страдательной конструкции (с предлогом от). В ДНБТ предлог от употребляется с общим падежом: посланъ бысть шт цара гондофора № 503, 260 – ѿ крѣніе прїеха шт ап^сла ѡбма Тих., 91; Копр., 3; № 708, 88; № 709, 24; № 225, 109; № 1073, 45б; Троян., 72.

9) Притяжательное значение. Здесь наряду с род. падежом употребляется и дат. Поэтому мы рассмотрим это значение в рубрике дат. падежа.

IV. Дательный падеж.

1) Значение направления движения или действия без захода в конечный пункт (в основном от существительных одушевленных с предлогом къ). В ДНБТ с существительными одушевленными вместо предлога къ употребляются предлоги до, при, на. В некоторых рукописях, вероятно, под влиянием протографа, встречается форма дат. падежа существительного авванъ и форма вин. падежа существительного индїа; ѿ посла къ царю брату своемъ № 503, 263 – ѿ пѣсти до брата сї цара того № 708, 92; Тих., 92; прїде къ юношамъ № 503, 262 – поиде царь при младыте Тих., 90 и др.; и поиде при шногози к^впца аввана Копр., 1 (... при ѿногози к^впца аввана № 709, 21; ... при оногова к^впца аввана Троян., 69; при ѿногози к^впца авванъ Тих., 89; № 708, 84; № 225, 107;

№ 1073, 436); и поидоха близъ при индїа Копр., 1; Тих., 89; № 708, 84; № 1073, 436 (при индїа № 225, 107; при индїю № 709, 21; ... при индїа Троян., 70); бѣхъ тръгњль да дойдем на ѿра Копр., 4 (на цара Тих., 92; № 708, 89; № 709, 26; № 225, 110; № 1073, 46б; Троян., 73).

2) Значение места, поверхности, где совершается действие (с предлогом по). В ДНБТ с общей формой употребляется как предлог по, так и предлог из: царь роукама се възбы по лицъ № 503, 262 – зе да се би^е по лицето Копр., 5; Тих., 92; № 709, 27; № 225, 111; № 1073, 47б; Троян., 74 (... по лыцето № 708, 91); по тръгъ ходеща № 503, 260 – и хѣб^еше из' градъ Копр., 1; Тих., 89; № 708, 83; № 225, 107; № 1073, 43а; Троян., 69 (... из' градъ № 709, 21).

3) Значение адресата сообщения при глаголах говорения, показа, повеления и др. глаголах общения (без предлога и с предлогом къ, в основном употребляются существительные одушевленные). В ДНБТ существительные м. р. ед. ч., обозначающие лица, стоят в дат. падеже без предлога: гла^{же} к^впъцъ ѡомѣ № 503, 260; и при^дшъ гла къ ѡомѣ № 503, 261 – каза^ха царю ѿндискомъ гън^{да}ф^роръ Тих., 91 (царю ѿндискомъ гън^{да}ф^роръ № 225, 109); мно^{го} д^вмаха царю Тих., 91 и др.; д^вмаше авванъ к^впъцъ Тих., 92 и др.; рѣкль ѡомѣ ѿном^зи мом^къ Тих., 90 и др.; поилъ се ѡомѣ гън^{да} Тих., 89 и др.

Неодушевленное существительное при глаголе показа в № 503 встретилось в вин. падеже с предлогом на; но это не столько адресат, сколько место действия. В ДНБТ соответствия этой фразе нет: да покажеть чудо на роукъ быющъ м^ене № 503, 261.

4) Значение адресата предоставления (без предлога). В ДНБТ существительные м. р. ед. ч., обозначающие лица, а также местоимения имеют форму дат. падежа, все остальные существительные употребляются в общем падеже с предлогом на. Есть и конструкция с предлогом по. Существительное бозъ также встретилось в форме род.-вин. падежа с предлогом на: ѿ въс^е разъдаваше треб^бющи^м № 503, 262 – и раз^даде онова иманѣ на сыромасы и на сыроты Копр., 4 (... на сыроты и на сыромасы Тих., 91; № 1073, 46б; ... на сыроти ѿ на сыромасы № 708, 89; ... на сыроти ѿ на сыромасы № 709, 26; ... на сыроты ѿ на сыромасы № 225, 110; ... на сыршты и на сыр-

маси Троян., 73); и разда́де онова́ сребро и злато́ на сырома́сы и кому́ кол’коть требоваша Копр., 4 (... на сырома́си. и комъ кол’коть требоваше Тих., 92; № 708, 90; на сырома́си и комъ кол’ко требоваше № 709, 26; на сырома́си и комъ кол’котомъ требоваше № 225, 111; ... на сыромаси и комъ кол’кото требоваше № 1073, 47а); тои сичко твое злато ... разда́де по сырома́си и по сыроти-и по дольжници № 709, 27; Тих., 92; даваше ѹ единомъ царскому сыну Тих., 89 (царскомъ сыну Троян., 70); и предаде го шномъзи купицъ аввану Копр., 1; Тих., 89; № 708, 84; № 225, 107 (... копицъ № 709, 21; ... купицъ ... № 1073, 43б; ... ономъза купицъ ащеану Троян., 69); и предаде гы на ба Копр., 2; Тих., 90; № 708, 86; № 709, 23; № 225, 108; № 1073, 44б; Троян., 71.

5) Значение адресата предназначения (без предлога). В ДНБТ существительные м. р. ед. ч., обозначающие лиц, стоят в дат. падеже. Есть также случай употребления общей формы существительного во мн. ч. с предлогом за: и съгради на нбето црвтомъ неръкосътворена полата Копр., 4; Тих., 92; дето гы е бѣ оуготовиль за добры людіе Копр., 5; Тих., 93; № 708, 92; № 225, 112; № 1073, 48а; Троян., 75 (за добрии людіи № 709, 28).

6) Значение субъекта действия или состояния в синтаксических конструкциях дат. с инфинитивом и дат. самостоятельного. В ДНБТ эти конструкции утрачены: повелъ Фомѣ вънити № 503, 262 – и повелъ да възлѣе Фома № 225, 109 (... да възлѣе Фома Тих., 91); бывъш же добръ вѣтрѣ № 503, 260 – и слѹчи се тогази вѣтръ добръ № 708, 84 (... добръ Тих., 89); въ ту же нощь царевъ братъ въ болѣзнь въпадъш № 503, 263 – и слѹчи се та се разъболъ царевъ братъ Тих., 92 и др.

Выражение с существительными Фома и близнецъ в самом начале повествования сохранилось без изменения: паде жрѣбе Фомѣ близънцѣ да идѣть въ индїю № 503, 260 – и падна се жребіе Фомѣ близънцѣ да идѣ въ индїю Копр., 1 (Фомѣ близънцѣ Тих., 89; № 708, 88; Фомѣ близънцѣ № 709, 20; № 1073, 43а; Фомѣ близънцѣ № 225, 116; Фомѣ близънцѣ Троян., 69).

7) Притяжательное значение. В этом значении употреблялись и дат., и род. падежи: прѣдъ ногама ѿпса № 503, 261; въпль радости № 503, 262; до полѣ црствїа ти прошъ № 503, 263; лицѣ же нееѣстѣ № 503, 261.

В ДНБТ употреблена общая форма существительных с

предлогом на: дето ны се ѿавы на ѿбрѣзъ ... на ѿногози пътника Фома Тих., 91 и др.; наслѣдникъ на моє царство ще да бѣде Тих., 90 и др.: гѣлдаръ и съдіа на ѿнова мѣсто Тих., 89 и др.; и ѿпсль Фома ѿуѣ ѿнова злато на ѿнъзи градъ Тих., 92 и др.

В некоторых случаях, в основном в канонических или близких к ним выражениях, встречаются падежные формы: въ ѿмѣ ѿца и сна и стѣо бѣа Тих., 93 и др.; и пусты до брата си царятого Тих., 92 (царятого Троян., 75); и прѣтвори си ѿбрѣзъ като Фома ѿпса Тих., 90 (Форма восходит к *О-склонению).

Но в заголовке даже к форме род. падежа добавлен предлог на. Ср.: слово стѣо апла Фомѣ № 503, 260 – слово на стѣо апса Фомы Тих., 89 и др.

В параллельных местах конструкция может быть изменена: прѣдъ ногама ѿпса поклонив се № 503, 261 – припаде црь на ногѣте мѣ № 709, 30 (... на ньшѣте мѣ Тих., 93).

V. Винительный падеж.

1) Значение направления движения или действия (с предлогами въ и на). Из-за неразличения падежей места и направления вместо вин. падежа может употребляться местн. В ДНБТ с предлогами на, въ, а также и ѿ, употребляется общий падеж: приидоше въ гостилнici № 503, 262 – поидѣ на парѣ Фомѣ и миошьмъ, и пакъ на ѿндїа Тих., 93 и др.; въложи рѣката въ ребрата, хѣ Тих., 89; № 708, 83; № 1073, 43а (... въ ребрата хѣ Копр., 2; ... въ ребрата хѣ № 709, 20; ... въ ребрата № 225, 106); и оулѣзоха ѿ корабъ Тих., 89; Копр., 1; № 708, 84; № 1073, 43б (ѹ корабъ № 709, 21; оу кърабъ № 225, 107; оу глеміа Троян., 69); коупицъ нѣкы бѣ пришиль въ іерсльмѣ № 503, 260 – и поидѣ ... на ѿндїа Тих., 93; Копр., 6; № 708, 94; № 709, 30; № 1073, 49а (... на индїа № 225, 113; ... на индїа Троян., 76).

Существительное индїа в конструкции с предлогом въ сохраняет форму вин. падежа: поусты ме въ ѿндїю № 503, 260 – въ ѿндїю недѣли ме пъща Копр., 2; № 225, 107; № 1073, 43а (въ ѿндїю Тих., 89; № 708, 83; № 709, 21; ... въ индїа Троян., 69).

2) Темпоральное значение (без предлога, с соглашавшим определением). В ДНБТ существительные и определения стоят в общей форме: и прѣбыста въсѧ нощь необустанѣста никакоже № 503, 261 – и сичка нощь прѣбыха на мѣба Копр., 3; № 709, 24; Троян., 71 (... сичка нощь ... Тих., 90; № 708, 87; № 225, 109; № 1073, 45а).

3) Значение объекта восприятия при глаголе *вѣровати* (с предлогом *въ*). В ДНБТ встречается как предложное, так и беспредложное употребление. Существительные стоят в общей форме (Напоминаем, что для существительных м. р. ед. ч., обозначающих лиц, и их определений это форма род.-вин. падежа): *вѣровáха въ хâ Тих.*, 93; Копр., 6; № 708, 94; № 225, 113; Троян. 76 (... *въ хâ № 709, 30*); *и 8чи да вѣрѣвать єдїнаго ба хâ распѣтаго Тих.*, 92; Копр., 5; № 708, 90; № 709, 27; № 225, 111; № 1073, 47а (... *едїнаго ба хâ распѣтаго Троян.*, 74).

4) Значение прямого объекта. В ДНБТ существительные стоят в общем падеже: *и́дёже хотѣхъ полатъ си́дати № 503, 262 – гдѣто щѣше царь да пра́ви полатъ № 708, 88; Тих., 91; и́ повелѣ привѣсти Фомы № 503, 262 – и́ тога́зи хс завѣде Фома № 708, 84; Тих., 89; и́зыде ... почрѣпсты водѣ № 503, 261 – штїде ... да донесѣ водѣ № 709, 22; Тих., 90; призовѣте брата моего № 503, 263 – Ср.: ты ли и́щешь члка майстора дръводѣца Тих., 89; № 708, 84; № 709, 21; № 225, 107; № 1073, 436 (... мастора ... Копр., 1; майсора Троян., 69).*

В № 503 при глаголах *мѣтати* и *прѣти* у существительных неодушевленных в качестве прямого объекта употреблена форма род. падежа: *мѣташе жрѣбіа № 503, 260; прѣти ... вѣнца нетлѣнна – № 503, 261*. У местоимения встретилась ошибочная форма: *какъвою полату и́мамъ на нѣсѣхъ № 503, 263 – Ср.: и́мамъли а́зъ полатъ въ ра́й Тих., 93; Копр., 6; № 708, 93; № 225, 113, № 1073, 486; Троян., 76*.

В ДНБТ существительные земля и глава (с определением – возвратно-притяжательным местоимением) в выражениях, близких к застывшим, каноническим, употреблены в вин. падеже: *сътвориль нбо и́ землю Тих., 92 (... и зёмили № 709, 27)*. Ср. общий падеж в другом выражении: *и́ раздѣлиха си́чка землю Тих., 89; главъ свою за тѣбѣ щѣ положи Тих., 93 (главъ, сеоа ... Троян., 75)*.

С флексией *и* в некоторых дамаскинах встречается существительное жена: *и́ да остави и́ царство и́ женъ и́ селѣ Тих., 90; № 708, 86; № 225, 109; № 1073, 45а (... жена Копр., 3; ... жена № 709, 23; ... жень Троян., 71)*.

В ДНБТ есть и пример изменения управления глагола:

вместо прямого объекта употреблена предложная конструкция: *царь же плакаша брата своёго № 503, 263 – царь плачѣше над нёго № 709, 28 (Тих., 93 над нёго)*.

Итак, говоря о функционировании и формах имен существительных в дамаскинах I новоболгарского типа на материале "Слова об апостоле Фоме" можно сделать следующие выводы:

1. КЯНО, на котором написаны указанные дамаскины, строго нормирован в этом отношении.

2. Синтаксические отношения имен существительных выражены в основном аналитически – общей формой с предлогами и без предлогов.

Общая форма у всех имен существительных ед. и мн. числа за исключением существительных м. р. ед. ч., обозначающих лиц, а частично и существительных ж. р. ед. ч., одна и восходит к форме имен.-вин. падежа имен существительных.

3. Имена существительные м. р. ед. ч., обозначающие лиц, выделяясь из всего класса имен существительных, имеют три формы: форму, восходящую к имен. падежу *О-основ – для обозначения номинативного субъекта; форму общего косвенного падежа, восходящую к род.-вин. падежу – для обозначения прямого объекта и на месте всех косвенных падежей с предлогами и без предлогов (исключения представлены в № 709 и Троян. дамаскине); форму дат. падежа, употребляемую без предлогов – для обозначения адресата предоставления, адресата предназначения и адресата сообщения.

4. Некоторые имена существительные ж. р. ед. ч. кроме формы, восходящей к имен. падежу *А-основ для обозначения номинативного субъекта, имеют еще форму общего косвенного падежа, восходящую к вин. падежу (которая может быть представлена буквами *и*, *и*, *и*, *и* и *и*), для обозначения прямого объекта и на месте косвенных падежей с предлогами и без предлогов (за исключением существительных в № 709). Но эта форма употребляется непоследовательно, наиболее часто она встречается в Троянском дамаскине.

5. В притяжательном значении существительные неодушевленные в ед. и мн. ч. употребляются лишь в общей форме с предлогом *на*. Примеров с одушевленными существительными м. р. ед. ч. отмечено лишь два. В одном случае употреблена конструкция с *на*, в другом – форма дат. падежа.

6. Форма вин. пад. существительных ж. р. ед. ч., как и некоторые другие формы существительных, встречаются в основном в наречных, а также в канонических, засредко, в близких к застывшим из-за частого употребления выражениях.

7. Замена синтетического способа выражения синтаксических отношений имен существительных аналитическими средствами при переводе с традиционного ЛЯ на КЯНО предусматривает:

- 1) употребление вместо падежных форм с предлогами общей формы с теми же предлогами;
- 2) употребление вместо падежных форм с предлогами общей формы с другими предлогами, характерными для новоболгарского языка, но не сочетавшимися с данными падежами в традиционном ЛЯ (напр. за + о. ф. вм. о + местн. падеж при обозначении изъяснительного объекта; от + о. ф. вм. съ + твор. падеж при обозначении материала; до, при, на + о. ф. вм. къ + дат. падеж при обозначении направления движения; из + о. ф. вм. по + дат. падеж при обозначении места действия; ради + о. ф. вм. род. падеж + заради при обозначении цели и т. п.);
- 3) употребление вместо беспредложных падежных форм общей формы с предлогами, которые не сочетались с данными падежами в традиционном ЛЯ (напр. със + о. ф. вм. род. падеж при глаголах насыщения; на + о. ф. вм. дат. падеж при обозначении адресата предоставления и адресата сообщения; предна-за + о. ф. вм. дат. падеж при обозначении адресата предна-значения и т. п.);
- 4) изменение синтаксических конструкций, при котором имена существительные – косвенные объекты опущены (замена дат. с инфинитивом и дат. самостоятельного придаточным предложением; замена страдательной конструкции имен существительной; замена в притяжательной функции имени существительного местоимением; пропуск косвенного объекта).

Данные нашего исследования (насколько об этом можно судить по материалу данного небольшого по объему текста) не подтверждают предположения о широком распространении дат. падежа существительных м. р. ед. ч. в притяжательной функции, как и употребления вин. падежа ж. р. ед. ч. и других падежей в языке дамаскинов I новоболгарского типа. Косвен-

ные падежи употреблялись редко и лишь в наречных, канонических или близких к ним выражениях.

Искключение составляет употребление трех форм существительных м. р. ед. ч., обозначающих лиц (имен. падеж субъекта, дат. падеж косвенного объекта-адресата и род.-вин. общий падеж без предлога и с предлогами для обозначения прямого и других косвенных объектов), что является характерной особенностью функционирования именных падежных форм в дамаскинах I новоболгарского типа.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Демина Е. И. Тихонравовский дамаскин. Болгарский памятник XVII в., т. III. С., 1985, с. 69.
2. Там же.
3. Цонев Б. История на български език, т. I. С., 1919, с. 280; Демина Е. И. Тихонравовский дамаскин. Болгарский памятник XVII в., т. I. С., 1968, с. 58.
4. Петканова-Тотева Д. Дамаскините в българската литература. С., 1965, с. 65.
5. Там же.
6. Демина Е. И. Тихонравовский дамаскин, т. I, с. 58.
7. Петканова-Тотева Д. Указ. соч., с. 241.
8. Стоянов М., Кодов Хр. Опис на славянските ръкописи в Софийската народна библиотека, т. III. С., 1964, с. 380–384; Петканова-Тотева Д. Указ. соч., с. 241.
9. Демина Е. И. Тихонравовский дамаскин, т. I, с. 78.
10. Там же, с. 48.
11. Там же, с. 74.
12. Там же, с. 97.
13. Там же.
14. Демина Е. И. Тихонравовский дамаскин, т. III, с. 57.
15. Ходова К. И. Система падежей старославянского языка. М., 1963, с. 109–111.
16. В примерах все выражение приводится по тексту первой указанной рукописи. Если в других рукописях есть разница в написании, то указывается не все выражение, а лишь интересующее нас существительное.

УПОТРЕБЛЕНИЕ ЧЛЕННЫХ ФОРМ
ИМЕНИ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО
В КНИЖНОМ БОЛГАРСКОМ ЯЗЫКЕ XVII ВЕКА
НА НАРОДНОЙ ОСНОВЕ

Е. А. Сорокина

Становление нормы употребления членных форм (ЧФ) является одной из малоизученных проблем истории болгарского литературного языка, несмотря на то, что проблема членных форм, категории определенности/неопределенности в болгарском языке популярна среди лингвистов. Изучение становления нормы употребления ЧФ на материале памятника новоболгарской письменности XVII века представляет особый интерес, поскольку в более ранних памятниках среднеболгарской письменности, сохраняющих традиционные нормы, ЧФ представлены лишь отдельными спорными примерами.

Материалом для данного исследования послужил Тихонравовский дамаскин¹, принадлежащий к первым поколениям новоболгарских сборников XVII века и отражающий состояние живого народного языка того времени, в котором широко представлено употребление ЧФ.

При анализе употребления ЧФ в Тихонравовском дамаскине факты появления ЧФ рассматривались с точки зрения норм современного литературного языка (СБЛЯ). При этом принимались во внимание не только случаи наличия ЧФ, но и случаи их отсутствия в соответствии с правилами СБЛЯ. Анализируя употребление ЧФ, следует иметь в виду, что в СБЛЯ не все правила употребления ЧФ четко зафиксированы, часто носители языка ориентируются на свое "языковое чутье", порой затрудняясь объяснить причину выбора или невыбора ЧФ в определенной ситуации. К счастью, существует перевод на современный болгарский язык двух Слов Тихонравовского дамаскина: в серии "Стара българска литература" Д. Петканова² перевела "Прѣставлѣніе сѣ апѣла и еўглиста ішанна бѣсловъ" (№ 6 по нумерации изданного дамаскина) – "Смъртта на светия апостол и евангелист Йоан Богослов" и "Слово на сѣ апѣла Ѹомы" (№ 7) – "Слово за светия апостол Тома". Перевод данных Слов, выполненный носителем языка и не ориентированный заранее на анализ конкретного языкового факта, можно считать достоверным

и уверенно сопоставлять употребление ЧФ в XVII и XX веках, делая выводы об этапах постепенного становления нормы.

Традиционно в СБЛЯ выделяются три функции ЧФ: анафорическая (функция отождествления), функция количественной определенности, генерическая (генерализующая) функция.

I. Как известно, под анафорической функцией понимается непервое, повторное упоминание о предмете/лице, когда предмет высказывания воспринимается слушателем как известный, знакомый, упоминавшийся ранее. В таких случаях этот предмет/явление/лицо обозначается в речи обычно (но не всегда) при помощи существительного в определенной форме. Материал, полученный при исследовании Тихонр. дамаскина, показывает, что в книжном болгарском языке XVII века такая закономерность существовала, но количество ситуаций, не требовавших употребления ЧФ в анафорических структурах, было несколько выше.

В анафорической функции ЧФ в дамаскине употребляется в целом регулярно. Так, например, имена существительные женского и среднего рода ед. ч. в анафорических структурах практически без исключений употребляются в определенной форме. Отсутствие ЧФ могло быть вызвано рядом причин, одна из которых – присоединение к имени существительному группы, поясняющей его значение. В качестве определения в таких случаях используются чаще всего имена прилагательные и притяжательные местоимения в так называемой полной форме. При этом потребность в использовании ЧФ уменьшается и даже, возможно, исчезает.

И проклинина ръка десна исъхна (6. 85) Ср. в СБЛЯ: Дясната ръка на Проклиния също изсъхна (Петканова, с. 213), аналогично: Азъ ш^т твоа грижа умирамъ (7. 93) – Аз умирам от твоята грижа (Петканова, 206).

Ще бы ами и наследникъ на мое царство (7. 90) – Така ще бъде наследникъ на моето царство (Петканова, с. 203);

И заведоха гы пръдчерьквище Ар'темидово (6. 83) – Заведоха ги при Артемидиното черквище (Петканова, 210);

8 черквище артемидъ богъ(6. 82) – в капището на Артемида (Петканова, 209).

Следует отметить, что примеры отсутствия ЧФ имен существительных среднего рода в анафорических структурах ма-

личисленны, эти существительные подчинялись правилам употребления ЧФ, весьма приближенным к современным правилам.

Обращает на себя внимание факт употребления именно полной формы местоимения в словосочетаниях с отсутствием ЧФ, в то время как краткая форма притяжательного местоимения подразумевает появление определенной формы существительного, ср.:

и исъхна мъ ръката тоја ча^с (6. 85) – и веднага ръката му изъхна (Петканова, 213);
и душата мъ излѣзе (7. 93) – душата му излезе (Петканова, 206).

Исходя из данных примеров, безусловно, нельзя говорить о закономерности: "сущ. + энклитика" – употребление ЧФ, "сущ. + полная форма местоимения" – отсутствие ЧФ. Но все же при использовании полной формы местоимения в таких словосочетаниях потребность в употреблении ЧФ ослабевает. Порядок слов в подобных словосочетаниях может быть как прямым (определение + сущ.), так и непрямым (сущ. + определение), причем непрямой порядок слов также увеличивает вероятность отсутствия ЧФ.

Спецификой языка дамаскинов является довольно сильное влияние языка канонических церковно-славянских текстов. Одна из особенностей – использование архаических падежных окончаний, которые уже не употреблялись в живом болгарском языке XVII века и в текстах того времени нерегулярны. Падежные окончания, по нашему мнению, оказывали влияние на выбор, а точнее невыбор ЧФ при именах существительных женского рода. Приведем примеры: *Поидоха 8 пустыню до кинофа* (6. 83) – Тे отидоха в пустинята при Кинопса (Петканова, 210);
И романа ... наиде ішанна и прохора, и шходи гы ... да работат на баню (6. 81) – и ги осъди да работят в банята (Петканова, 208).

Причиной отсутствия ЧФ в анафорических структурах может быть позиция книжника: он сознательно не выбирает ЧФ для того, чтобы подчеркнуть неизвестность данного предмета (лица, явления) для "действующих лиц" повествования, даже если об этом предмете говорилось выше, и читателю/слушателю он известен. Например, *и бѣхъ нѣкои три штроци ...*

не поклониха се на образъ царевъ. и раз'бра царь и раз'гнѣва се ... и метнъха трите штроци оу гореща пещъ. и не досегна тѣхъ ѿгъни никакъ защо Архѣгъль михаиль ѿлѣзъ о пещъ и охлади пещныи пламень. И погледна царь на въходоносоръ, и видѣ посрѣдъ пещъ че ходеть четворица. (Н. 126)

Выбор общей (нечленной) формы "четворица" обусловлен, видимо, тем, что рассказчик передает наблюдения царя: он предполагает увидеть трех человек, а не другое количество. Такой прием придает достоверность повествованию, позволяет слушающим следить за событиями, как бы являясь участниками, действующими лицами.

По критерию регулярности употребления ЧФ в анафорических структурах имена существительные всех родов можно выстроить в следующем порядке: имена существительные среднего рода, которые находились в то время на более продвинутом этапе становления норм употребления члена в СБЛЯ. Далее будут следовать имена существительные женского рода, у которых ограничение в использовании ЧФ могло быть вызвано использованием других средств выражения определенности. И последнее место в этой шкале займут имена существительные мужского рода, при анализе употребления которых в анафорических структурах мы столкнулись с явлением, когда на общие правила накладываются лексические ограничения.

Имена существительные мужского рода неодушевленные (за исключением форм на "-а") достаточно регулярно образуют определенную форму при анафоре, приближаясь по этому критерию к существительным среднего рода. В отличие от них одушевленные имена существительные мужского рода в анафорических структурах представляют особый интерес для исследования формирования правил употребления ЧФ. Анализ текста показал, что эти имена сущ. чаще всего "избегают" присоединения ЧФ: в пространном тексте Тихонр. дамаскина (339 листов folio) одушевленные имена сущ. мужского рода употреблены в определенной форме всего в 108 случаях (из них 77 случаев – со склоняемой ЧФ), причем частота их появления без члена очень высока, в отдельных текстах в каждой строке встречается одушевленное имя сущ. мужского рода в общей форме в контексте, который в СБЛЯ требует употребления ЧФ.

Как было сказано выше, зачастую выбор/невыбор ЧФ зависел от лексического значения имени существительного. В современном литературном болгарском языке существуют некоторые лексические группы, которые имеют склонность использовать или общую (нечленную), или определенную форму. Есть основания предположить, что в книжном языке XVII века зависимость употребления ЧФ от лексического значения была более сильной, чем в современном языке.

В ходе исследования были отмечены лексические группы, не склонные к использованию определенных форм, а именно:

- имена существительные, обозначающие лиц (деятелей) с высоким социальным статусом (царь, дьякон, епископ и др.) и царь плачъше над нюего (7. 93) – Царят плачеще над него (Петканова, 206);
- и друго много знаменіе сътвори апСль тамо (6. 82) – И много други знамения там направи апостолът (Петканова, 209).

Влияние лексического значения на выбор общей формы имени сущ. в данной группе настолько велико, что, например, существительное женского рода "царица", примыкающее по значению к этой группе, в тексте дамаскина также появляется в общей форме, тогда как имена существительные женского рода в анафорических структурах регулярно употребляются в определенной форме.

- имена существительные, обозначающие группы лиц по их религиозной, национальной, социальной принадлежности (христиане, персы, граждане).

ами гражданетъка дохождатъ (6. 83) – А гражданите тук дохождат (Петканова, 210).

- имена существительные, обозначающие единичные, уникальные предметы, явления. В этой лексической группе преимущественно в общей форме употребляется в Тихонр. дамаскине существительное "солнце".

и слънце истече (6. 88) – Слънцето огря (Петканова, 216).

- имена существительные (словосочетания), обозначающие религиозные понятия (рай, ад, воля божья, тайная вечеря, Слово божье, имя христово и под.).

да идете въ адъ да се мъчите (6. 85) – да идете да се мъчите в адъ (Петканова, 213);

на тайнъ вѣра (6. 81) – по време на тайната вечеря (Петканова, 208);

да казъва слово бѫже (6. 81) – за да проповядва словото божие (Петканова, 208).

Возможно, список таких лексических групп можно продолжить.

Во избежание неясности следует отметить, что в данной статье членной формой считается постпозитивное присоединение к имени бывшего указательного местоимения ТЪ, изменяющегося по родам, числам, падежам, т. е. обязательно присутствие морфемы "-тъ". Имена существительные мужского рода (особенно одушевленные) в тексте часто используются с морфемой "-а", мы такие формы членными не считаем. Здесь, на наш взгляд, представлена архаическая флексия. Широкое употребление падежной формы на "-а" в современных болгарских диалектах отмечает Ст. Стойков: "Из старых падежных форм в диалектах наиболее широко сохранена общая агломеративная падежная форма при существительных мужского рода, ед. ч. на -а, которая представляет старую Р-В форму. Она встречается при именах, означающих лица, и присуща большинству восточных говоров, начиная от г. Пирдоп и далее на восток"³. В литературном болгарском языке наших дней формы винительного падежа ед. числа существительных мужского рода практически уже вышли из активного употребления, но еще в начале XX века они регулярно встречались в произведениях болгарских писателей.

Доказательством того, что в Тихонравовском дамаскине формы существительных мужского рода ед. ч. на "-а" являются архаичной падежной формой, служат приведенные ниже примеры:

а) В СБЛЯ указательное местоимение и ЧФ в одном словосочетании исключают друг друга.

сега гї, изѣави тогози твоего вѣрнаго раба, и моиго добромыслъника и да го видѧ (15. 164);

давно бы видѣлъ нѣкогы тогози члка (15. 165);

и блгодарише ба, дето имъ е даль таквогози пастыра и учителя (15. 167).

Материал Тихонр. дамаскина свидетельствует, что только в отдельных случаях указательное местоимение и ЧФ могут находиться в одном словосочетании, примеры же типа "тогози члка" в тексте дамаскина многочисленны и регулярны.

б) Нормативная грамматика СБЛЯ требует на письме разгра-

ничения краткой и полной формы члена по принципу: "полный член для прямого падежа, краткий – для косвенного". В диалектах же обычно встречаются либо краткий, либо полный вариант члена. В Тихонр. дамаскине как в предложных, так и в беспредложных конструкциях употреблена полная ЧФ, что позволяет предположить исключительное использование такого варианта члена в диалекте, легшем в основу языка дамаскина.

И царь не пита го нищо ... ами повелѣ изъвѣнь градѣть та му ѿськоха главѧта поскоро (39. 315);

И писано бѣше на стльпать та^к (39. 319);

Като се минюше, ѿтъ, годинъ ѿтъ какъ се прѣстави и отвори^х ме мѫ гробъть (14. 100);

Това като чю євлавіе, прѣврати си ѹмъть и замисли се. (15. 173).

в) Если предположить альтернативную ЧФ: краткая "-а" или полная "-ть/-ать", – то чем объяснить существование склоняемой ЧФ? Мы считаем, что при необходимости детерминации существительных мужского рода с падежным окончанием к существительному присоединялась ЧФ, также изменяющаяся по падежам, ср.: царатого (7. 92), кѫп'цатого (7. 92), мом'катого (6. 84) и под.

г) Еще одним аргументом в пользу того, что формы на "-а" являются формами Р–В падежа, следует считать одновременное с ними употребление в тексте Дательного падежа. Иными словами, форма на "-а" существительного мужского рода входит в систему: Именительный – Родительно-Винительный – Дательный.

Поидоха нѣкои члци ... до цара ... и казаха цару (7. 92) – Тогава дойде при царя някои хора ... и казаха на царя (Петканова, 205).

В Тихонр. дамаскине в анафорических структурах имена существительные всех родов и чисел употребляются в сочетании с указательным местоимением "онзи" в таких случаях, где по нормам СБЛЯ требуется определенная форма существительного. Ср.: и ѿн'зи епскпъ за да мысли. (6. 86) – Епископъ се замысли (Петканова, 214); и попита го ѿн'зи кѹпецъ (7. 89) – Търговецъ го запита (Петканова, 202);

И рече терьдѣ и высоко на ѿнъзи трапеза (7. 90) – Тя каза

високо на трапезата. (Петканова, 203);

Ѳома оузе и онова злато на ѿнъзи градъ. (7. 92) – Тома взе златото в града. (Петканова, 205);

ами бѣ ѿнъза млады не оставьше (7. 91) – А бог не оставяше младите (Петканова, 203).

"Особенное" употребление указательных местоимений "онзи" в дамаскинах отмечено Л. Милетичем⁴. Он определил такое употребление как народное и характерное для определенного периода развития болгарского языка: до полного поворота, произошедшего в пользу современной ЧФ, в болгарском разговорном языке среднеболгарского – начала новоболгарского периода, в восточной Болгарии существовали два артикли – препозитивный и постпозитивный. Как показывают наши наблюдения, в языке дамаскинов, в частности в Тихонр. дамаскине, широко отражено наличие этих двух способов детерминации. Выявить какую-либо закономерность в выборе сочетания указательного местоимения "онзи" с существительным или ЧФ в анафорических структурах не удалось: в одном контексте могут употребляться и общая (нечленная), и определенная форма имени, и сочетание существительного с указательным местоимением "онзи".

II. Кроме анафорической определенности член в СБЛЯ может выражать и количественную определенность, т. е. количественную исчерпанность некоего множества и/или полный охват предмета или явления. В тексте Тихонр. дамаскина ЧФ в функции количественной определенности употребляются достаточно регулярно, что позволяет говорить о наличии у болгарского члена в книжном болгарском языке XVII века данной функции.

Следует отметить, что позиция книжника здесь играет важную роль: он при помощи ЧФ может указать на полную исчерпанность множества или отсутствием ЧФ, не прибегая к другим средствам, указать на неполный охват явления, множества. Приведем примеры употребления ЧФ в функции количественной определенности:

И кога се разведоха званните що бѣха на свад'бата (7. 90) – И когато поканените се разотидоха от сватбата (Петканова, 203); и научи очениците да дръжат что имъ бѣше заповѣдалъ (6. 87) – Поучи учениците си да пазят неговите заповеди (Петканова, 216); Киношъ ... да не се събере със' живыте (6. 85) –

Кинопс ... да не се събере с живите хора (Петканова, 213).

Отсутствие ЧФ в функции количественной определенности могло быть вызвано причинами, о которых говорилось выше применительно к употреблению ЧФ в анафорических структурах: зависимость выбора ЧФ от лексического значения или выражение детерминации другими способами, например: *и граждene като видѣха кіноща, срамно мѣ се вѣоаха* (б. 84) – Гражданите, като го видяха, уплашиха се срамно (Петканова, 212); *и тамо що бѣха аполоновы жъреци, сиречъ свещенници идолъски. видѣха* (б. 83) – Аполоновите жреци, които бяха там, сиреч свещениците на идолите, видяха ... (Петканова, 210).

III. ЧФ в болгарском языке может выполнять генерическую (обобщающую) функцию, в таких случаях имя существительное в определенной форме означает не точно определенный, известный объект, а целый род, все объекты, которые подразумеваются в объеме обозначенного этим именем понятия.

Значение генерализации очень важно, только в случае наличия такой функции, как считают некоторые лингвисты, целесообразно говорить о существовании в языке категории артикля. Как известно, в значении генерализации в СБЛЯ существительное употребляется в определенной форме (в отдельных случаях⁵ оно может быть употреблено в общей форме). В Тихонр. дамаскине обычно существительное с обобщающим значением представлено в общей (нечленной) форме, ср.:

кога заспи раслань кой смѣе да го раз'бяди (18.207);

оти вѣлькъ кѣдѣ ходи се зло мислы на людѣетѣ (18.210);

Лишь в одном случае отмечена ЧФ в генерическом значении:

Дето е месото там¹ се събърать и ор'лыте. (18.216).

Этот пример взят из 18-го Слова. Надо заметить, что "Слово о втором пришествии" (№ 18), относящееся к группе "тогива", написано на наиболее демократичном, близком к народной речи языке. Оно отличается высокой частотой употребления ЧФ, здесь чаще встречаются определенные формы одушевленных имен существительных мужского рода, что дает возможность предположить, что в этом Слове отражена другая, более продвинутая ступень становления нормы употребления ЧФ. Вообще употребление члена в генерическом значении, как писал И. И. Ревзин, "характерно скорее для развитых лите-

ратурных языков, в которых довольно расплывчатые языковые значения приспосабливаются для выражения рациональных категорий, возникающих в связи с потребностями абстрактного мышления"⁶. Приведенная выше фраза является поговоркой, взята из народной речи. Поговорка в языке служит ярким примером перехода от конкретного к общему (абстрактному) мышлению, в ней из конкретных фактов выводится определенная закономерность. Вероятно, в разговорной речи рассматриваемого периода начиналось формирование генерической функции ЧФ, но употребление члена в таких случаях было факультативным.

Итак, ЧФ не сразу сформировалась в своем современном значении, в полном объеме функций. И если анафорическая и количественная определенность в текстах XVII века в основном выражалась при помощи ЧФ, то значение генеричности, возможно, более позднее приобретение болгарской членной формы.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Демина Е. И. Тихонравовский дамаскин. Т. 2. София, 1971. Примеры приводятся по нумерации страниц изданного дамаскина, первая цифра означает номер Слова, вторая – страницу дамаскина.

2. Петканова Д. Стара бѣлгарска литература. Апокрифи. Т. 1. София, 1981.

3. Стойков Ст. Бѣлгарска диалектология. София, 1968, с. 148.

4. Милетич Л. Копривщенски дамаскин // Бѣлгарски старини. Т. 2. София, 1908.

5. Маслов Ю. С. Грамматика болгарского языка. М., 1981, с. 158; Стоянов Ст. Членуване на имената в бѣлгарския език. София, 1965, с. 55.

6. Ревзин И. И. Структура языка как моделирующей системы. М., 1978, с. 230.

СТАТИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЧЛЕННЫХ ФОРМ
В БОЛГАРСКИХ ПАМЯТНИКАХ XVIII ВЕКА

М. П. Рускова

Уже более ста лет вопрос о членных формах (далее в тексте ЧФ) находится в центре внимания исследователей памятников болгарской письменности. Интерес этот не случайный, ибо постпозитивный член в течение не менее восьми столетий является основным выразителем специфической для болгарских имен категории определенности.

На современном этапе развития науки о языке интерпретация любого языкового факта, относящегося к тому или иному периоду истории языка, становится более точной и надежной, если она подтверждается и статистическими данными. Статистический анализ, опираясь на материал, извлеченный из текстов хронологически одинакового периода создания, текстов, одинаковых по объему и жанру, дает возможность зафиксировать наличие или отсутствие определенного количества форм и тем самым судить об их более или менее активном и частом использовании, а отсюда и об их продуктивности в отдельном памятнике; использовать те или иные числовые распределения форм как средство для выявления близости или удаленности текстов в рамках одного жанра в пределах одного или более чем одного века (периода).

Наличие членных морфем – одна из релевантных черт имен существительных в памятниках болгарского языка XVIII века. Ниже характеристика ЧФ основывается на выборочной совокупности, состоящей из 60 000 словоупотреблений, в которую входят пять выборок из 12 000 словоупотреблений, извлеченных из пяти памятников болгарской письменности XVIII века: Беленского, Свиштовского и Котленского дамаскинов и Кованлыкского и Пазарджикского сборников.

В обследованной выборочной совокупности XVIII века один из основных параметров, характеризующих существительные с ЧФ – это распределение данных о количестве разных слов (Z) с ЧФ по их накопленной частоте (F^*). Статистические характеристики частоты существительных с ЧФ приводятся в таблице № 1. В ней показано, как распределяется по

Табл. 1

Памятники	БД						СД						КС						КД						ПС					
	род	м.	ж.	ср.	м.	ж.	ср.	м.	ж.	ср.	м.	ж.	ср.	м.	ж.	ср.	м.	ж.	ср.	общ.										
число																														
единственное	93	149	79	71	117	90	31	60	58	31	95	61	69	168	80															
множественное	70	32	11	103	35	7	43	24	13	16	10	7	26	54	29	2														
Итого	163	181	90	174	152	97	74	84	71	47	105	68	95	222	109	2														

памятникам частота (F^*) в зависимости от рода существительных с ЧФ в ед. ч. и во мн. ч. Частота (F^*) форм ед. ч. позволяет говорить о близости Беленского и Свиштовского дамаскинов и Пазарджикского сборника. В м. р. частота в Кованлыкском сборнике и Котленском дамаскине равна 31, а в остальных трех памятниках она в два раза больше (но не менее 70). В ж. р. частота существительных с ЧФ в ед. ч. в указанных трех памятниках – выше ста, а в К. занлыкском сборнике и Котленском дамаскине – ниже ста. В ср. р. частота слов ед. ч. с ЧФ имеет числовые значения не более 60 в Кованлыкском сборнике и Котленском дамаскине, а в осгальских памятниках – не менее 80. Из табл. 1 видно, что в ед. ч. наибольшую частоту имеют существительные ж. р. с ЧФ ($F^* = 589$), а наименьшую – существительные м. р. ($F^* = 295$). Во мн. ч. первое место занимает частота слов м. р. ($F^* = 256$), а второе – ж. р. ($F^* = 155$).

Таким образом, абсолютная накопленная частота существительных с ЧФ составляет в рамках всего обследованного массива 1732 к 1252-м для форм ед. ч. и 480-й для форм мн. ч.

Опираясь на указанные статистические данные, можно определить основные зависимости, которые выражают различные соотношения между частотами существительных с ЧФ как в ед., так и во мн. ч.

Ниже приводятся три основных типа зависимостей. В каждом из типов отдельные зависимости, выраженные в процентах, приводятся в порядке их убывания.

1. Зависимость частоты (F^*) существительных с ЧФ в ед. ч. каждого из трех родов по отношению к частоте (F^*) – 1252 всех существительных с ЧФ в ед. ч.

1.1. Зависимость частоты существительных ж. р. ед. ч. ($F^* - 589$) к $F^* - 1252 - 47,04\%$.

1.2. Зависимость частоты существительных ср. р. ед. ч. ($F^* - 368$) к $F^* - 1252 - 29,39\%$.

1.3. Зависимость частоты существительных м. р. ед. ч. ($F^* - 295$) к $F^* - 1252 - 23,56\%$.

Приведенные соотношения говорят о том, что нет яркой противопоставленности между зависимостями, характерными для существительных с ЧФ какого-либо одного рода в ед. ч. В ед. ч. самый высокий процент (47) при соотнесении частоты существительных ж. р. с частотой всех существительных с ЧФ в ед. ч. Значение зависимости существительных ж. р. в два раза превосходит по величине зависимость существительных м. р.

2. Зависимость частоты (F^*) существительного каждого из трех родов с ЧФ во мн. ч. по отношению к частоте всех существительных с ЧФ во мн. ч. – ($F^* - 480$).

2.1. Зависимость частоты существительных м. р. мн. ч. ($F^* - 258$) к ($F^* - 480$) – 53 %.

2.2. Зависимость частоты существительных ж. р. мн. ч. ($F^* - 155$) к ($F^* - 480$) – 31 %.

2.3. Зависимость частоты существительных ср. р. мн. ч. ($F^* - 67$) к ($F^* - 480$) – 16 %.

Итак, во мн. ч. наибольшим процентом (53) выражена зависимость существительных м. р. с ЧФ. Величина этой зависимости в три раза превосходит величину зависимости, выражающей соотношение частоты существительных ср. р. с ЧФ во мн. ч. с частотой всех существительных с ЧФ во мн. ч.

3. Зависимость частоты (F^*) существительных с ЧФ в ед. ч. по отношению к частоте всех существительных с ЧФ в выборочной совокупности ($F^* - 1732$).

3.1. Зависимость частоты всех существительных с ЧФ в ед. ч. ($F^* - 1252$) к ($F^* - 1732$) – 72,5 %.

3.2. Зависимость частоты существительных ж. р. ед. ч. ($F^* - 589$) к ($F^* - 1732$) – 34 %.

3.3. Зависимость частоты существительных ср. р. ед. ч. ($F^* - 368$) к ($F^* - 1732$) – 21,24 %.

3.4. Зависимость частоты существительных м. р. ед. ч. ($F^* - 295$) к ($F^* - 1732$) – 17,03 %.

Из приведенных данных видим, что по отношению к частоте всех существительных с ЧФ, в выборочной совокупности ($F^* - 1732$), величина зависимости частоты существительных с ЧФ в ед. ч. (72,32 %) в 2,5 раза превышает величину зависимости частоты существительных с ЧФ во мн. ч. (27,68 %). Величина зависимости частоты существительных ж. р. ед. ч. (34 %) в два раза превосходит величину зависимости, выражающей соотношение частоты существительных м. р. с ЧФ в ед. ч. с частотой всех существительных массива с ЧФ (17 %).

Распределение частот существительных с ЧФ может быть охарактеризовано и с точки зрения их повторяемости. Индекс итерации показывает, насколько часто повторяется та или иная группа существительных, к которой присоединяется ЧФ. Индекс итерации высчитывался по формуле $It = N/A$, где $N = 60.000$ словоупотреблений, т. е. количеству всех словоупотреблений выборочной совокупности, а значение А зависит от количества существительных, объединенных в зависимость от рода или числа существительного, к которому добавляется ЧФ. Применительно к нашему материалу индексы итерации могут выражать:

1) Повторяемость всех существительных ед. ч., к которым присоединяется ЧФ ($It = 204,77$),

2) повторяемость всех существительных мн. ч., к которым присоединяется ЧФ ($It = 420,85$),

3) повторяемость всех существительных ж. р. ед. ч., к которым присоединяется ЧФ ($It = 540,54$),

4) повторяемость всех существительных м. р. ед. ч., к которым присоединяется ЧФ ($It = 631,57$),

5) повторяемость всех существительных ср. р. ед. ч., к которым присоединяется ЧФ ($It = 689,65$).

Все отмеченные индексы приводятся в порядке их увеличения. Чем больше индекс итерации, тем меньше зафиксировано

вано существительных с ЧФ. Например, индекс повторяемости существительных ср. р. ед. ч. (689,65) более, чем в три раза превышает индекс, указывающий на повторяемость всех существительных, к которым прибавляется ЧФ в ед. ч. (204,77). В то же время индекс итерации существительных ж. р. с ЧФ в ед. ч. (420,85) более, чем в два раза превосходит индекс, указывающий на повторяемость всех существительных, к которым добавлена ЧФ в ед. ч. Отсюда следует, что существительные ж. р. с ЧФ повторяются в обследованном массиве чаще, чем существительные ср. р. с ЧФ в ед. ч. Индекс итерации существительных с ЧФ во мн. ч. (420,85), будучи в два раза больше, чем аналогичный индекс у существительных с ЧФ в ед. ч. (204,77), свидетельствует о том, что существительные с ЧФ во мн. ч. повторяются в обследованных текстах в два раза реже, чем ЧФ ед. ч. Зарегистрированная повторяемость существительных с ЧФ во всех трех родах и в формах обоих чисел – это одно из свидетельств об устойчивости закрепления в анализируемых памятниках данной морфологической категории, активно служившей для выражения определенности имен в живом языке XVIII в.

Другой пример связан с определением относительной вероятности появления существительных с ЧФ. Вероятностная характеристика определяется по формуле $P = A/N$, где N равняется 60.000 словоупотреблений, а A может иметь значения, которые меняются. Приводимые ниже вероятностные характеристики расположены в порядке их убывания.

- 1) Вероятность появления существительных с ЧФ ($P = 0,0288$).
- 2) Вероятность появления существительных с ЧФ в ед. ч. ($P = 0,0208$).
- 3) Вероятность появления существительных ж. р. с ЧФ в ед. ч. ($P = 0,0098$).
- 4) Вероятность появления существительных с ЧФ во мн. ч. ($P = 0,008$).
- 5) Вероятность появления существительных ср. р. с ЧФ в ед. ч. ($P = 0,0061$).
- 6) Вероятность появления существительных м. р. с ЧФ в ед. ч. ($P = 0,0049$).
- 7) Вероятность появления существительных м. р. с ЧФ во мн. ч. ($P = 0,0041$).

8) Вероятность появления существительных ж. р. с ЧФ во мн. ч. ($P = 0,0025$).

9) Вероятность появления существительных ср. р. с ЧФ во мн. ч. ($P = 0,0011$).

Сопоставление вероятностных характеристик свидетельствует о том, что только в двух случаях при вероятности появления существительных с ЧФ, а также при существительных с ЧФ в ед. ч., отличное от нуля числовое значение появляется на втором месте после десятичного знака, т. е. на уровне сотых (при $P = 0,02$). Во всех остальных случаях независимо от рода или числа, вероятность появления существительного с ЧФ выражена числом, при котором отличное от нуля числовое значение появляется только на третьем месте после десятичного знака, т. е. на уровне тысячных. При этом наибольшая вероятность появления отмечена у существительных ж. р. с ЧФ в ед. ч. ($P = 0,009$), а наименьшая ($P = 0,001$) – у существительных ср. р. с ЧФ во мн. ч. Наиболее близки вероятностные характеристики у существительных м. р. с ЧФ как в ед. ч. ($P = 0,0049$), так и во мн. ч. ($P = 0,0041$). Следует отметить, что больше вероятности появления существительных ж. р. с ЧФ в ед. ч. ($0,009$), чем вероятности появления любого существительного с ЧФ во мн. ч. ($P = 0,005$).

Такой параметр как концентрация, показывает как сконцентрирована частота существительных с ЧФ в каждом из памятников выборочной совокупности. Сравнение индексов концентраций служит достаточно надежным критерием для выявления сходства и различий между отдельными памятниками как в отношении показаний по родам, так и по обоим числам. Концентрация частоты определяется по формуле $K = \frac{\sum_{i=1}^{16} x_i}{F^*}$, где x_i это абсолютная накопленная частота совокупности, образованной при помощи 16 высокочастотных существительных с ЧФ, а F^* – абсолютная накопленная частота всего обследованного массива. Ниже в табл. 2 приводятся распределенные по памятникам абсолютные накопленные частоты существительных ед. ч. с ЧФ по м., ж. и ср. роду, а в табл. 3 частота существительных с ЧФ в ед. и мн. ч.

Все частоты F^* , приведенные в табл. 2 и 3, выведены соответственно из составленных ранее частотных списков существительных м. р., ж. р. и ср. р. с ЧФ в ед. ч., а также из частот-

Табл. 4

Памятники Существительные с ЧФ по родам в ед. ч.	БД	СД	КС	КД	ПС
м. р.	35	38	16	10	35
ж. р.	94	55	36	47	91
ср. р.	54	43	46	48	54

Табл. 3

Памятники Существительные с ЧФ по родам в ед. ч.	БД	СД	КС	КД	ПС
ед. ч.	181	136	98	107	180
мн. ч.	38	86	31	18	54
Итого	219	222	129	125	234

ного списка существительных с ЧФ во мн. ч. Ранг каждого из существительных, включенных в указанные частотные списки, не ниже 16. Из уже отмеченных частот образуются два массива. Массив высокочастотных существительных м., ж. и ср. р. с ЧФ в ед. ч. и массив высокочастотных существительных с ЧФ во мн. ч. Частоты F^* , приведенные в табл. 2 и 3, являются базой для выведения индексов концентрации. Индексы концентрации существительных м., ж. и ср. р. с ЧФ в ед. ч., распределенные по памятникам, помещены в табл. 4.

Памятники Род	БД	СД	КС	КД	ПС
м. р. ед. ч.	0,00058	0,00063	0,00026	0,00017	0,00058
ж. р. ед. ч.	0,0015	0,00091	0,0006	0,00078	0,0015
ср. р. ед. ч.	0,0009	0,00071	0,00073	0,0008	0,00106

Концентрация частот существительных м. и ж. р. с ЧФ в ед. ч., отмеченная в таблице, свидетельствует о близости данных Беленского и Свиштовского дамаскинов и Пазарджикского сборника, с одной стороны, и Кованлыкского сборника и Котленского дамаскина – с другой. В то же время факты, связанные с существительными ср. р. с ЧФ в ед. ч., говорят о равномерной в целом концентрации частот указанных форм во всем массиве.

Распределенные по памятникам индексы концентрации существительных с ЧФ в ед. ч. и мн. ч. представлены в табл. 5.

Табл. 5

Памятники Число	БД	СД	КС	КД	ПС
единств.	0,00305	0,0022	0,0016	0,0017	0,003
множеств.	0,00063	0,0014	0,00051	0,0003	0,0009
Итого	0,0036	0,0036	0,0021	0,0020	0,0039

По итоговому распределению концентрации существительных с ЧФ в выборочной совокупности объемом в 60000

словоупотреблений, показанное в табл. 5, отчетливо видна противопоставленность двух групп памятников. Группа большой концентрации, представленная данными Беленского дамаскина (0,0036), Свиштовского дамаскина (0,0036) и Пазарджикского сборника (0,0039) противопоставлена группе меньшей концентрации – Кованлыкский сборник и Котленский дамаскин (0,002). Данные о концентрации, указывая на большее насыщение отдельных текстов существительными с ЧФ, подчеркивают значительную степень проникновения в группу памятников (БД, СД, ПС) форм, присущих живому языку эпохи. Наоборот, в памятниках с меньшим числовым значением концентрации (КС, КД) частоты существительных с ЧФ, сильнее ощущается связь с книжным языком, обусловленная письменной традицией предшествующих периодов.

Выявленная по статистическим показателям близость Беленского и Свиштовского дамаскинов и Пазарджикского сборника и их противопоставленность данным Кованлыкского сборника и Котленского дамаскина, возможно, связана и с тем, что для некоторых из текстов, вошедших в состав как дамаскинов, так и сборников смешанного содержания, имелись прототипы. Как лингвисты, так и литературоведы, исследовавшие дамаскины XVII–XVIII вв., уделяли особое внимание тому, как объединяются между собой те или иные сборники дамаскинов. Так, согласно классификации, предложенной Е. И. Деминой, Котленский дамаскин относится к дамаскинам II новоболгарского типа, основанного на переводах первой половины XVII в.¹, а Беленский и Свиштовский – к IV новоболгарскому типу, основанному на переводах второй половины XVII в.² Вполне возможно, что на отдельные статьи Кованлыкского и Пазарджикского сборников, такие как и на обследованные дамаскины, повлияли некоторые протосборники XVII в., состав и содержание которых отразились и в выявленной общности морфологических особенностей существительных и их частотном распределении.

Сопоставим частоту (F) ЧФ, характерную для памятников XVII в. с частотой (F) ЧФ в памятниках XVIII в. Выборочная совокупность XVII в. состоит из массива в 48000 словоупотреблений, в который входят четыре выборки по 12000 словоупотреблений, извлеченных из четырех дамаскинов XVII в.: Тихонравовского, Коприщенского, Троянского, Люблянского

го. Распределение несклоняемых ЧФ ед. ч. говорит о том, что частота (F) форм в каждом из трех родов не отличается существенно по отдельным памятникам. Например, в ж. р. ед. ч. ЧФ /та/ имеет частоту в Тих. Д. – 95, Троян. Д. – 87, Любл. Д. – 82, в Копр. Д. – 67; в ср. р. ед. ч. ЧФ /то/: Тих. Д. – 92, Копр. Д. – 81, Троян. Д. – 78, Любл. Д. – 76. В м. р. частота варианта ъть/ть почти в три раза превышает частоту варианта ать/ть. В м. р., по-видимому, под влиянием говоров, повлиявших на язык памятников, как правило, представлена полная ЧФ. Краткая ЧФ /а/ отмечена только в Троян. Д. с частотой два. Характерно, что накопленные частоты (F^*) форм ж. и ср. р. ед. ч. одинаковы (для ж. р. – 325, а в ср. р. – 327). Этим частотам противопоставлена частота ($F^* = 140$) форм м. р., числовое значение которой в 2,5 раза меньше. Вполне возможно, что на близости показаний отдельных памятников XVII в. сказывается то, что три из них, – Тихонравовский, Коприщенский и Троянский – относятся с точки зрения состава сборника к одному и тому же типу, который в классификации Е. И. Деминой обозначен как Новоболгарский.³ Сопоставим частоты (F^*) словоформ ед. ч. в XVII и XVIII в. При выборке в 48000 словоупотреблений для совокупности XVIII в. использованы данные Беленского и Котленского дамаскинов и Кованлыкского и Пазарджикского сборников. Проведенное сравнение говорит об увеличении на 30 % частот существительных м. р. с несклоняемой ЧФ в XVIII в. (Ср. частоту $F^* = 140$ в XVII в. с $F^* = 210$ в XVIII в.) и о значительном уменьшении почти на 50 % частот склоняемых ЧФ в XVIII в. (Ср. частоту $F^* = 26$ в XVII в. с $F^* = 14$ – в XVIII в.). Частота ($F^* = 278$) словоформ ср. р. в XVIII в. несколько уменьшается в сравнении с XVII в., где $F^* = 327$. Например, частота 468 существительных ж. р. в XVIII в., значительно увеличиваясь, по сравнению с ($F^* = 325$) XVII в., занимает первое место среди частот словоформ ед. ч.

Для того, чтобы показать направленность развития частот существительных с ЧФ, сопоставим данные, извлеченные из трех памятников болгарской письменности, относящихся к трем векам с XVI по XVIII в. Для XVII и XVIII вв. привлечены выборки по 12000 словоупотреблений из Тихонравовского и Беленского дамаскинов, а для XVI в. использованы частоты словоформ – из Чергедских молитв. Текст Чергедских молитв использован, так как, с одной стороны, по нему лучше всего

можно судить о статистическом распределении ЧФ существительных до XVII в., а с другой, потому что в нем отражен говор переселенцев, генетически связанный с восточно-болгарским диалектом и поэтому сопоставление частот ЧФ в Чергедских молитвах и частот, зафиксированных в Беленском дамаскине, может служить в какой-то мере базой для выявления эволюции частот в развитии ЧФ в восточно-болгарском наречии. Поскольку в этом памятнике не более 8000 словоупотреблений, для получения картины, приближающейся к той, которую мы бы имели, если бы была возможность работать с выборкой в 12000 словоупотреблений, наши данные по XVI в. следует несколько увеличить.

Сопоставляя факты XVI, XVII и XVIII вв., можно сделать вывод о том, что по статистическим данным наблюдается близость как в ед., так и во мн. ч. показателей в м. р. XVI и XVII в. (в ед. ч. XVI в. F – 49, а в XVII – 54; во мн. ч. в XVI в. F – 23, а в XVII в. – 29). Частотам XVI и XVII в. противопоставлена сильно возросшая частота ЧФ м. р. в XVIII в. (F* – 93 в ед. ч. и 70 – во мн. ч.) В ж. р. во мн. ч. и в ср. р. как в ед., так и во мн. ч. наблюдаем обратное положение в распределении частот по венкам. Небольшой частоте у существительных с ЧФ в XVI в. (ж. р. мн. ч. F – 3; ср. р. ед. ч. – 20, ср. р. мн. ч. – 3) противопоставлена сильно возросшая частота существительных ж. и ср. р. в XVII (ж. р. мн. ч. F – 30; ср. р. ед. ч. – 92, мн. ч. – 11) и XVIII в. (ж. р. мн. ч. F – 32; ср. р. ед. ч. – 79, мн. ч. – 11). Частота F – 25 существительных ж. р. с ЧФ в ед. ч., зарегистрированная в XVI в., в три раза меньше частоты в XVII в. F – 95 и в более чем в 4 раза меньше частоты F – 147 аналогичных форм в XVIII в. Следует отметить, что частота существительных м. р. ед. ч. со склоняемой ЧФ, в целом, одинакова на протяжении всего периода с XVI по XVIII в., варьируя в пределах от 8-ми до 13-ти (в XVI в. F – 9, в XVII в. – 13, в XVIII в. F – 8). Только в XVI в. зарегистрированы склоняемые ЧФ F – 12 у существительных м. р. во мн. ч., а также – у небольшого числа существительных ж. р. ед. ч. F – 5 и ж. р. мн. ч. F – 1. Интерес представляет сравнение частот существительных м. р. ед. ч. с ЧФ в Чергедских молитвах с частотой аналогичных форм в Беленском дамаскине, так как в обоих памятниках отражены черты восточноболгарских /о/ говоров. В Чергедских молитвах несклоняемые ЧФ м. р. ед. ч. /от, о/ имеют частоту F – 40, у

склоняемых – F – 9, а в Беленском дамаскине несклоняемые ЧФ м. р. ед. ч. на /о/ и полные (от, ут/ют) и краткие (о, у/ю) суммарную частоту F* – 43, у склоняемых ЧФ F* - 8. Трудно сказать, является совпадение частот форм на /о/ чисто случайным или же связано с закономерностью в распределении частот ЧФ м. р. ед. ч. в восточноболгарском /о/ диалекте на определенном историческом этапе. Если привлечь данные о распределении частот существительных с ЧФ в м., ж. и ср. р., извлеченные из выборки объемом 12000 словоупотреблений из Свиштовского дамаскина, то они также не меняют общую картину соотнесения частот в XVI и в XVIII вв. (Ср. ЧФ ед. ч. в СД: м. р. – 71, ж. р. – 117, ср. р. – 90).

После исследования Л. Милетича о судьбе и времени переселения носителей говора, сохранивших до конца XIX в. текст Чергедских молитв⁴, становится бесспорным тот факт, что еще задолго до XVI в. ЧФ появились как специфический признак болгарских имен. Однако, ограниченный в жанровом отношении характер болгарских памятников XIII–XV вв., стремление их создателей искусственно максимально приблизить эти памятники к языку конфессиональных текстов XI–XII в., проводимое активно представителями Тырновской школы, не дали возможности отразить в памятниках этой эпохи реальную картину, которая была бы подлинным свидетельством как частоты распространения существительных с ЧФ, так и процесса развития этого специального средства выражения категории определенности последовательно, от века к веку (Ср. трактовку Харалампиева)⁵. Поэтому до сих пор полностью сохраняет свою актуальность точка зрения Б. Цонева о том, что в период до XVI в. язык болгарских памятников письменности ЧФ в истинном смысле слова не знает⁶. В целом,озвучной с позицией Б. Цонева представляется трактовка Й. Курца, который, тщательно проанализировав древнеболгарские тексты, пришел к выводу, что если полагать, что член – это языковой элемент, который регулярно присоединяется к существительным, и если осознать различие между употреблением члена и указательного местоимения в его анафорической функции, или же говорить об анафорическом члене, то значение простого члена с органически присущей ему регулярностью в конфессиональных памятниках XI–XIII вв. увидеть нельзя⁷. На специфику интересующей

нас категории и средств ее выражения еще в середине 20-х годов указывал и Я. Вакернагель⁸.

Практическим подтверждением этих мнений являются статистические данные. Приняв позицию, занимаемую К. Мирчевым⁹ и рядом других исследователей, суть которой в том, что существуют случаи, когда в древнеболгарских переводах появляется независимое от греческих оригиналов постпозитивное употребление указательных местоимений как факт, доказывающий ранее происхождение ЧФ в болгарском языке, и учитывая предостережение Б. Цонева¹⁰ о том, что о ЧФ в среднеболгарских памятниках следует говорить предельно осторожно, нами был проведен следующий эксперимент. Отобрав из Зографского, Добромирова и Добрейшова евангелий три выборочные совокупности, каждая объемом в 12000 словоупотреблений, мы выяснили, какое число разных сочетаний существительное плюс указательное местоимение /тъ/, проанализированных в исследованиях, посвященных памятникам эпохи до XIV в., попало в отобранный массив. При этом были взяты примеры, применительно к которым авторы отдельных работ указали на наличие ЧФ¹¹, когда контекст создает условия для детерминации существительного, но при сопоставлении с оригиналом выяснилось, что в греческом тексте имеется существительное с ЧФ, однако отсутствует указательное местоимение. При отборе примеров учитывались преимущественно случаи, подтвержденные некоторыми исследователями.

Исходя из данных о числе слов (L) и их частоте (F^*), можно говорить о некотором движении в области ЧФ даже в конфессиональных текстах. С каждым веком в ед. ч. расширяется охват форм рода: XI в. – только м. р. ($L - 2, F^* - 3$); XII в. – м. ($L - 3, F - 6$) и ср. р. ($L - 1, F - 1$); XIII в. – м. ($L - 5, F^* - 6$), ж. ($L - 1, F^* - 1$) и ср. р. ($L - 1, F^* - 3$). Хотя число разных слов минимально, все-таки от века к веку оно увеличивается в два раза, начиная с двух в XI в. и до семи – в XIII в. Слабое движение в сторону увеличения наблюдается и в частоте. Здесь – увеличение в три раза к XIII в. ($F^* - 10$) в сравнении с XI в. ($F^* - 3$). Приведенные данные подтверждают отмеченную Я. Ондрашовой¹² тенденцию постепенного нарастания числа сочетаний существительное плюс указательное местоимение /тъ/ в постпозиции, которая могла привести к грамматикализации лексической единицы.

Несмотря на тенденцию к нарастанию употребления сочетаний типа существительное плюс указательное местоимение

/тъ/, приведенные статистические данные вряд ли можно считать достаточным доказательством регулярного употребления существительных с ЧФ и наличия специального морфологического выражения категории определенности в древнеболгарских конфессиональных текстах. К выводу о том, что указательные местоимения (в том числе /тъ/) в старославянском языке используются в качестве анафорических, пришла и М. И. Лекомцева¹³. На базе Мариинского евангелия она определяет значения личных и указательных местоимений, которые наряду с собственными именами являются логическим центром категории определенности. В оценке М. И. Лекомцевой старославянский язык – это язык без артикла и других регулярных средств, при помощи которых обычно передаются значения категории определенности в том ее виде, как она понимается в трудах И. Крамского¹⁴.

Итак, сопоставление статистических данных о распределении ЧФ в памятниках XVIII в. с наблюдениями над частотой ЧФ, характерной для предшествующих веков, дает возможность сделать вывод о развитии ЧФ как специфической морфологической черты болгарских имен существительных. Судя по статистическим показаниям о ЧФ Чергедских молитв, можно предположить, что в живом обиходном болгарском языке, в отличие от письменного языка конфессиональных памятников XII–XIV вв. и в XIII в., и в эпоху, которая ему предшествовала, уже существовали ЧФ как регулярные выразители, применявшиеся для передачи значений категории определенности. В частности, И. Курц¹⁵ обращая внимание на то, что вполне можно предположить, опираясь на данные Супрасльского кодекса, что уже с XI в. подготавливалась почва для дальнейшего распространения и развития ЧФ в восточноболгарских говорах. Подчеркивая, что в XIII–XIV вв. болгарский язык уже обладал типичными структурными чертами балканского характера. К. Мирчев¹⁶ специально указывает на аналитический способ выражения падежных отношений и на распространение членных форм.

Сопоставление статистических данных о распределении ЧФ в памятниках XVIII в. с наблюдениями над частотой ЧФ, характерной для предшествующих веков, свидетельствует о

ТОМ, что в XIII–XIV вв. предполагаемый живой болгарский язык во всем многообразии его говоров характеризовался типичными структурными чертами общебалканского характера.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Демина Е. И. Тихонравовский дамаскин. Болгарский памятник XVII в. Ч. I. Филологическое введение в изучение болгарских дамаскинов. С., 1968, с. 57.
2. Там же. Указ. соч. С. 60.
3. Там же. Указ. соч. С. 54.
4. Милетич Л. Седмиградските българи и техният език // Списание на БАН, кн. XXXIII, С., 1926, с. 1–183.
5. Харалампиев И. Евтимий Търновски и членните форми в среднебългарските писмени паметници // Търновска книжовна школа, 2. С., 1980, с. 398–404.
6. Цонев Б. История на български език. Т. II. С., 1934, с. 503.
7. Kurz J. K otázce Členu v jazyčích slovanských se zvláštním zřetelem k staroslověnštíne // Byzantinoslavica, VIII, 1937–1938, 212–340; IX, 1939–1946, 172–278; Он же: Проблемата за члена в български език // Език и литература, 1962, № 3, с. 1–16; Он же. Проблема члена в старославянском языке // Исследования по синтаксису старославянского языка. Прага, 1963, с. 177–178.
8. Wackernagel J. Vorlesungen ueber Syntax mit besonderer Berücksichtigung von Griechisch, Lateinisch und Deutsch, Bazel, 1926, 126.
9. Мирчев К. Историческа граматика на български език. С., 1963, с. 180–181.
10. Цонев Б. От историята на български език. Развитие и употребление на членната форма в български език // Български преглед, II, 1984, с. 82.
11. Цонев Б. Добрейшово четвероевангелие // Български старини, кн. I, С., 1906, с. 88; Мирчев К. За членните форми в Добрейшово евангелие, среднобългарски памятник от XIII в. // Български език, год. VI, 1956, кн. 3, с. 223–298; Сване Г. О синтаксическом применении болгарского члена в XIII в. Добрейшово евангелие // Scando – Slavica, т. VIII, Copenhagen, 1962, 224–238; Гъльбов И. Проблемът за члена в български и румънски език. С., 1962, с. 78. Дограмаджиева Е. Членни форми в Банишкото евангелие, среднобългарски памятник от края на XIII в. // Български език, год. XXIII, 1973, кн. 1–2, с. 90–93; Ондрашова Я. Към въпроса за развитието на членната форма в български език // Език и литература, 1979, № 5, с. 77–79. Смядовски С. За членните форми в Добромирово евангелие // Български език, год XII, 1962, кн. 4, с. 340–344.
12. Ондрашова Я. Към въпроса за развитието на членната форма в български език // Език и литература, 1979, кн. 5, с. 79.
13. Лекомцева М. И. Семантика личных и указательных местоимений в старославянском языке // Категория определенности – неопределенности в славянских и балканских языках. М., 1979, с. 204–230.
14. Kramski I. Some ways of expressing the category of determinedness. // Papers in general linguistics. The Hague – Paris, 1976, p. 181–198.

15. Курц И. Проблема члена в старославянском языке, с. 181.

16. Мирчев К. За хронологията на основните балканизми в български език // Български език, год. XVI, 1966, кн. 4, с. 293.

СОКРАЩЕНИЯ

БД – Беленски дамаскин. Ркп, № 713 (445). Народная библиотека в Софии, л. 10–57. Добрейш. ев. – Добрейшово четвероевангелие // Български старини, кн. I, С., 1906, с. 124–126; 138–142; 173–178; 195–209; 219–230. Добром. ев. – Добромирово евангелие. С., 1975, с. 148–164; 177–243; 321–339; 398–418. Зогр. ев. – Зографское евангелие изд. В. Ягичем. *Quattuor evangeliorum codex glagoliticus*, Berolini, 1879, с. 88–119; 161–174. КД – Котленски дамаскин. Ркп. № 13, 5, 18. Библиотека АН СССР в Санкт-Петербурге, л. 1–32 об. КС – Кованльшки сборник. Ркп. № 13, 6, 16. Библиотека АН СССР в Санкт-Петербурге, л. 14–90. Копр. д. – Коприщенски дамаскин // Български старини, кн. II, С., 1908, с. 43–46; 96–100; 120–134. Любл. д. – Любляшки дамаскин // Сборник за народни умотворения, XII, С., 1895, с. 467–493; 537–539; 549–552; 560. ПС – Сборник от XVIII в., написан в Пазарджик. Ркп. № 435 (635). Народная библиотека в Софии, л. 4–100. СД – Свищовски дамаскин // Български старини, кн. VII, С., 1923, с. 75–104. Тих. д. – Тихонравовский дамаскин. С., 1971, с. 53, 56–58; 64–68; 161–162; 170–182; 227–230. Троян. д. – Троянски дамаскин. С., 1967, с. 22–28; 36–42; 77–83; 200–216. Черг. мол. – Чергедски молитви. См.: Милетич Л. Седмиградските българи и техният език // Списание на БАН, кн. XXXIII, кл. ист.-филол., 18, С., 1926, с. 75–155; Милетич Л. Седмиградските българи // Сборник за народни умотворения, кн. XIII, С., 1896, с. 200–255; Miklosich Fr. Die Sprache der Bulgaren in Siebenbürgen // Denkschriften (der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften, Philosophisch-Historische Classe) VII Band, Wien, 1856, s. 108–117; Miklosich Fr. Geschichte der Lautbezeichnung im Bulgarischen. Separater druck aus dem XXXIV Bande der Denkschriften der Philosophisch-Historischen Classe der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften, Wien, 1883, s. 32–36.

ВТОРИЧНЫЕ ИМПЕРФЕКТИВЫ
В НОВОБОЛГАРСКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ XVII ВЕКА

Г. К. Венедиктов

Глагольное видеообразование вообще и образование вторичных имперфективов в частности в современном болгарском литературном языке изучено, как известно, достаточно подробно. Большая заслуга в исследовании этого важного раздела болгарской грамматики принадлежит Л. Андрейчину, Ю. С. Маслову, П. Пашову и другим ученым. В числе ряда особенностей глагольного видеообразования в болгарском языке установлена и такая его специфическая и характерная черта как чрезвычайно широкая, почти не ограниченная способность образования производных глаголов несовершенного вида – вторичных имперфективов (далее – ВИ). Так, Ю. С. Маслов указывает, что “почти от всех ... групп перфективных и биаспектных видовых основ образуются вторичные имперфективные”¹. Невозможность образования ВИ в современном болгарском литературном языке обусловлена формальными причинами в следующих случаях: 1) “если биасспектная или по своему образованию перфективная (образованная с помощью префикса) основа содержит любой суффикс, оканчивающийся на -/ва/-”, например, *замилвам*, *сбогувам* се и др., и 2) если “перфективная по своему образованию (образованная с помощью префикса) основа содержит суффикс имперфективации -/а/- и группу согласных перед этим суффиксом”, например, *заогледдам* ‘начать рассматривать’ и др.². К. Иванова также отмечает, что исключение из генерализованного процесса имперфективации в болгарском составляют “основы совершенного вида, в составе которых имеется словообразовательный или видеообразующий суффикс, содержащий звук *в*, особенно, если он следует за согласным” (типа *продуктум*, *заприказум*, *извоюум* и др.)³. В свете сказанного обращает на себя внимание следующее положение К. Ивановой: “Характерной особенностью категории вида в современном болгарском языке является неограниченная возможность образования глагольных форм несовершенного вида с тождественным лексическим значением от всех глагольных

форм совершенного вида” (курсив наш. – Г. В.)⁴. Ср. и несколько ниже: “... с помощью суффиксов имперфективации образуются формы несовершенного вида от всех форм совершенного вида” (курсив наш. – Г. В.)⁵. Указываемое и самой К. Ивановой вслед за этим исключение (см. выше) из правила имперфективации показывает, что сформулированное ею общее правило имперфективации все же нельзя признать точным. Ср. со сказанным и не совсем точное определение этого правила и в одном коллективном труде: “От каждого глагола совершенного вида посредством какого-либо из суффиксов -а-, -я-, -ва- (-ава-, -ява-) может быть образован новый глагол несовершенного вида” (курсив наш. – Г. В.)⁶. Так же и в “Грамматике болгарского литературного языка” Ст. Стоянова?

Что же касается истории глагольного видеообразования, одним из существенных фрагментов которой является развитие имперфективации именно в таком направлении, то она, в сущности, почти не исследовалась. Вот почему представляется целесообразным специальное описание состояния ВИ в новоболгарском литературном языке XVII в. по данным ряда дамаскинов этого времени.

Прежде чем приступить к изложению результатов наблюдений над ВИ в этом языке, необходимо сделать следующие предварительные замечания.

Сначала – о понимании имперфективации.

Под имперфективацией здесь, согласно принятой в славянской аспектологии точке зрения, понимается образование с помощью суффиксов имперфективации глаголов несовершенного вида от глаголов совершенного вида и двувидовых глаголов независимо от того, являются ли производящие глаголы совершенного вида и двувидовые первичными (бесприставочными), типа русск. *родить* – *рожать*, *бросить* – *бросать*, болг. *родя* – *раждам*, *хвърля* – *хвърлям*, или приставочными типа русск. *переписать* – *переписывать*, болг. *препиша* – *преписвам* и т. д. Срв., например, у Ю. С. Маслова: “Имперфективация, т. е. образование от перфективных (и биаспектных) видовых основ вторичных имперфективных, тождественных им по своему лексическому значению, осуществляется с помощью специальных суффиксов имперфективации -/а/-, -/ва/-, -/ава/-, в нескольких случаях -/ува/-”. Суффиксы эти

присоединяются как к приставочным, так и к бесприставочным перфективным основам, а нередко и к биаспектным с целью получить основу с четко выраженным значением несовершенного вида⁸. В результате имперфективации образуются производные глаголы несовершенного вида, которые принято называть вторичными имперфективами (ВИ). "В результате имперфективации, – указывается в Академической грамматике болгарского языка, – се получавт вторични несвършени глаголни форми (вторични имперфективи)"⁹.

Некоторыми исследователями разграничиваются первичная и вторичная имперфективации. Под первичной имперфективацией понимается образование небольшого числа глаголов несовершенного вида от бесприставочных (типа русск. бросить – бросать, болг. купя – купувам) и приставочных глаголов со связанными исходными основами (типа русск. изумить – изумлять, болг. отчая се – отчайвам се при отсутствии бесприставочных основ русск. *-умить, болг. *-чая се). Под вторичной имперфективацией понимается образование глаголов несовершенного вида от приставочных глаголов совершенного вида (русск. отбросить – отбрасывать, болг. изкупя – изкупувам). Таким путем образуется подавляющее число производных имперфективных глаголов. В отношении имперфективации в русском и болгарском такое разграничение было предложено в 1966 г. Т. Н. Молошной¹⁰. Разграничивают первичную и вторичную имперфективацию в таком же плане и некоторые болгарские ученые¹¹.

Разграничивать имперфективацию первичную и вторичную в зависимости от того, какие глаголы совершенного вида – бесприставочные или приставочные – выступают в качестве производящих основ, на наш взгляд, нет оснований потому, что образование глаголов несовершенного вида в обоих случаях является первичным, совершающим в видеообразовательной цепочке впервые: в болг. изкупя сов. в., от которого образован изкупувам несов. в., еще нет показателя имперфективации так же, как нет его и в купя сов. в., от которого образован купувам несов. в. О вторичной имперфективации речь может идти собственно только в тех случаях, когда в качестве производящих выступают такие глаголы совершенного вида, которые образованы не от исходного глагола несовершенного вида (прочета) или совершенного (изхвърля) вида, а от про-

изводного глагола несовершенного вида. Например, результатом вторичной имперфективации можно считать глагол натьркалвам, образованный присоединением суффикса имперфективации -/ва/- к основе глагола совершенного вида натьркалям, приставка на- которого была присоединена к уже имперфективированной основе глагола търкалям, образованного в свою очередь посредством суффикса имперфективации -/а/- от глагола совершенного вида търколя. Иными словами, собственно вторичная имперфективация, т. е. "вторичное прибавление суффикса имперфективации" с целью получения глагола несовершенного вида, имеет место тогда, когда этот суффикс присоединяется "к основе, уже имевшей суффикс имперфективации"¹².

В соответствии со сказанным термином "вторичный имперфектив" обозначается, следовательно, любой производный глагол несовершенного вида, образованный присоединением суффикса имперфективации к бесприставочным и приставочным глаголам совершенного вида. В отличие от бесприставочных (чата, нося, гледам) и редких приставочных (завися, принадлежа и др.) глаголов несовершенного вида, имперфективность которых исходна, первична и которые в видеообразовательной цепочке являются имперфективами первичными, имперфективность производных глаголов несовершенного вида типа купувам, прочитам вторична, приобретается глаголом с присоединением суффикса имперфективации, и именно поэтому данные образования и называются имперфективами вторичными. Глаголы несовершенного вида типа натьркалвам, наследвам, нападвам, образованные присоединением "вторичного суффикса имперфективации" к глаголам совершенного вида, уже содержащим суффикс имперфективации (натьркалям, наследам, нападам), Ю. С. Маслов называет имперфективами "третичными"¹³, беря это слово в кавычки, чтобы, видимо, указать на несколько условный характер этого еще не общепринятого термина.

В связи с имперфективацией надо отметить, что в болгарском языке в редких случаях имеет место так называемая мнимая имперфективация – образование производных глаголов несовершенного вида с помощью суффикса, присоединенного к глаголам несовершенного же вида. Типичным примером такого типа глаголов в современном болгарском ли-

тературном языке является *идвам* 'приходить', образованный не от *ида* сов. в. 'йти', а от *ида* несов. в. 'приходить', на что указывают лексические значения данных глаголов. Таков и приставочный глагол *зависвам* 'зависеть', образованный от *завися* несов. в. 'то же', – неупотребительный в современном болгарском литературном языке, но встречающийся в текстах XIX в.¹⁴ Встречаются в старых текстах и другие глаголы типа *идвам*, *зависвам*, которые заслуживают специального описания.

Особый случай мнимой имперфективации представляет собой образование ряда производных (суффиксальных) глаголов движения. Речь идет о глаголах типа *донасям*, *дохождам*, *излазям*, составляющих видовую пару с глаголами типа *донеса*, *дойда*, *изляза*, но не являющихся их имперфективными дериватами. Результатом имперфективации глаголов совершенного вида с основами *-неса*, *-ида*, *-ляза* являются регулярные ВИ на *-несвам*, *-нисам* (типа *донесвам*, *денисам* – не употребительные в современном литературном языке), *-ивам*, *-иждам* (*отивам* < *отидвам*, *прииждам*), *-лизам*, *-лязвам* (типа *влизам*, *излязвам*) и др. Глаголы же типа *донасям*, *дохождам*, *излазям* были образованы, как и *зависвам*, от глаголов несовершенного вида типа *донася*, *доходя*, *излезя*, до сих пор сохраняющихся в некоторых говорах, присоединением суффикса *-а/-и*.¹⁵

Поскольку указанные здесь глаголы образованы путем суффиксации, но не являются результатом имперфективации как таковой, их суффиксы, строго говоря, не являются суффиксами имперфективации: они не придают производным глаголам значения несовершенного вида. Ю. С. Маслов, говоря об *идвам* 'приходить', пишет, что в нем "суффикс *-ван* никогда не выступает как суффикс имперфективации"¹⁶. Функция суффикса *-ва/-и* здесь заключается не в образовании глагола несовершенного вида, а в подчеркнутом формальном выражении этого значения, вызванном "давлением" на производящий глагол несовершенного вида в одних случаях – омонимичного глагола совершенного вида (срв. *ида* 'приходить' и *ида* 'йти'), в других – общей модели приставочно-бессуффиксных глаголов как глаголов совершенного вида (срв. *завися* несов. в., *донася* несов. в. и др. и почти все приставочно-бессуффиксные глаголы совершенного вида – *възвися*, *донаса* и т. д.).

Что же касается самих глаголов типа *идвам*, *зависвам*, *донасям*, то они, хотя и не образованы в результате импер-

фективации, являются несомненно производными (не исходными) имперфективами, и поскольку в их структуре выделяются суффиксы *-ва/-и*, *-а/-и* и др., формально совпадающие с суффиксами имперфективации, эти глаголы тоже можно рассматривать как имперфективы вторичные, но, в отличие от ВИ типа *прочитам*, *изливам*, *слизам* и т. д., их лучше называть мнимыми ВИ.

Вопрос второй – о производящей основе, производящей или исходной (основной, базисной) форме глаголов совершенного вида, которая выступает при имперфективации и к которой присоединяется суффикс имперфективации.

Известно, что парадигмы разных глаголов в болгарском языке включают разное число вариантов основ. В качестве важнейших классификационных основ выступают презентная и аористная основы, каждая из которых для отдельных групп глаголов имеет свои варианты. Как показала Т. В. Попова, в современном болгарском литературном языке парадигма разных глаголов имеет от 1 до 4 вариантов презентной и 1 или 2 варианта аористной основы¹⁷. Какой же из этих вариантов глагольной основы выступает в качестве производящей при имперфективации, т. е. при образовании ВИ? На этот вопрос, важный для описания глагольного видеообразования, не всегда дается определенный ответ. Например, в Академической грамматике болгарского языка сказано только, что "имперфективация осуществляется путем прибавления имперфицирующих суффиксов к основам глагольных форм совершенного вида"¹⁸. О самом же механизме имперфективации здесь сказано, что выбор суффикса имперфективации "определяется принадлежностью глагола к определенному спряжению и разряду" и что у некоторых разрядов имперфективация сопровождается звуковыми изменениями в корне глагола", что иллюстрируется общим списком более 30 глаголов совершенного вида и образованных от них ВИ¹⁹. Из такого представления механизма имперфективации как будто следует, что суффикс имперфективации присоединяется или может присоединяться к любому из вариантов глагольной основы, но из него неясным остается то, какой же из вариантов основы выступает или принимается в качестве производящей формы при образовании ВИ от тех или иных перфективных глаголов.

Обычно в качестве производящей основы или формы при-

нимается, хотя это прямо и не утверждается, форма 1 л. ед. ч. наст. вр. Это можно заключить из того, что, когда говорится об имперфектификации, указываются именно формы 1 л. ед. ч. наст. вр. и ВИ и те чередования звуков, которые устанавливаются из сопоставления именно этих форм. Так, Ст. Стоянов, описывая чередования звуков, сопровождающие имперфектификацию, в ряду других указывает и чередования /ш/ ~ /с/ (напиша – написвам), /ж/ ~ /з/ (нанижа – нанизвам), /к/ ~ /ч/ (изтека – изтичам)²⁰. Так же поступают и другие грамматисты²¹. Более определенно о производящей основе при имперфектификации говорит П. Пашов. "Но поскольку, – пишет он, – как сейчас принято, основной формой глаголов является 1 л. ед. ч. настоящего времени (так подаются глаголы во всех словарях), здесь (т. е. при описании ВИ. – Г. В.) указываются чередования звуков при сравнении имперфективной основы с презентной"²². К этому, вероятно, следовало бы только добавить, что для сравнения с основой ВИ берется не вообще презентная основа, а основа, выступающая именно в форме 1 л. ед. ч., поскольку при описании чередований, сопровождающих имперфектификацию, П. Пашов тоже сравнивает с ВИ именно эту форму, а не, например, форму 2 или 3 л. ед.. Срв. у него чередование /к/ ~ /ч/ в приелекаприеличам, хотя согласный ч представлен и в формах 2 и 3 л. ед.²³. В этом отношении показательно следующее замечание Ю. С. Маслова: "Иногда, рассматривая образование вторичных имперфективов, говорят еще о чередовании /к/ ~ /ч/, например, в напека – напичам; но в этих случаях альтернативный /ч/ представлен уже и в перфективной видовой основе (ср. напечеш и т. п.)"²⁴. Ст. Стоянов в одном месте своей "Грамматики", иллюстрируя имперфектификацию посредством суффикса -/а/-, приводит формы 1 и 2 л. ед. ч. и ВИ: отсека, отсечеш – отсичам, довлека, довлечеш – довличам и др.²⁵. Из этого можно было бы заключить, что, поскольку альтернативный /ч/ уже представлен в одном из вариантов презентной основы, говорить о чередовании /к/ ~ /ч/ при образовании ВИ напичам, отсичам и под., собственно говоря, нет оснований.

Изложенная точка зрения о производящей основе при имперфектификации – не единственная в болгарской аспектологической литературе. П. Пашовым было высказано мнение (правда, как осторожное допущение), что правильнее, может быть,

следовало бы считать производящей основу аористную. Он пишет: "Может быть было бы правильнее по отношению к имперфектификации за исходную принимать аористную (старую инфинитивную) основу"²⁶. В таком случае механизм имперфектификации, в частности типы чередований и число ВИ, образуемых с теми или иными чередованиями, будет отличаться от того, какой обычно описывается, когда за имперфективирующую основу принимается презентная основа в форме 1 л. ед. ч. В этом легко убедиться, сравнив, например, такие возможные в принципе варианты имперфектификации: презентная основа накаж- (накажа, -еш) – наказва-м при чередовании /ж/ ~ /з/ и аористная основа наказ-а (наказа-х, наказа) – наказвам без такого чередования, презентная основа одраш- (одраща, -иш) – одрасквам с чередованием /шт/ ~ /ск/ и аористная основа одраск- (одрасках, -а) – одрасквам без такого чередования и др.

Обратить внимание на выбор производящей основы при имперфектификации надо не только потому, что от этого зависит описание самого механизма имперфектификации сопровождающими ее чередованиями, но и потому, что, как нам кажется, было бы целесообразно предпринять описание имперфектификации, приняв в качестве производящей не только презентную основу (тот или иной ее вариант), но и аористную (тоже тот или иной ее вариант), чтобы посмотреть, какой из типов описания окажется компактнее и удобнее. И сделать это лучше на материале современного литературного языка, поскольку здесь может быть дана исчерпывающая характеристика образования всех типов ВИ.

В принципе в качестве производящей при имперфектификации может выступать основа любой из словоформ глагола. Принять ту или иную из них при описании этого грамматического явления – вопрос в сущности традиции и целесообразности. Например, при сопоставительном описании имперфектификации в разных славянских языках совершенно необходимо для всех языков в качестве производящей принять основу одной и той же словоформы, иначе было бы трудно добиться получения сопоставимого материала. Например, русск. наказывать и болг. наказвам по своему образованию оказываются разного типа ВИ, если их образование рассматривать в рамках принятой в русской и болгарской грамматиках традиции

описания имперфективации: русск. *наказывать* от инфинитивной основы *наказ-а-ть* без чередования конечного согласного основы и болг. *наказвам* от презентной основы *накаж-а-, -е* при чередовании /ж/ ~ /з/. Если же в качестве имперфективирующей для обоих языков принять один и тот же вариант презентной или аористной основы, то образование русск. *наказывать* и болг. *наказвам* будет признано однотипным: при чередовании /ж/ ~ /з/ в первом случае и без чередования данных звуков во втором.

В настоящей статье при описании образования ВИ в новоболгарском языке XVII в. мы следуем утвердившейся в болгарской грамматике практике – в качестве производящей принимается вариант презентной основы, выступающий в форме 1 л. ед. ч.

Третий вопрос -- о составе суффиксов имперфективации.

В современном болгарском литературном языке ВИ образуются с помощью четырех суффиксов имперфективации: -/а/, -/ва/, -/ава/- и -/ува/. Именно эти суффиксы указываются в работах последнего времени, описывающих имперфективацию²⁷. Высказываются, однако, и иные мнения, например, о трех суффиксах -а-, -я-, -ва- /-ава-, -ява-/ ²⁸, что в чисто грамматическом отношении и в синхронном плане, на наш взгляд, непоследовательно и неприемлемо.

Суффикс -/ва/- на письме передается только как -ва-, а остальные суффиксы двояко: -/а/- как -а- и -я-, -/ава/- и -ява-, -/ува/- как -ува- и -юва-. Буквой я при этом обозначается сам суффикс имперфективации -/а/- и мягкость предшествующего ему согласного, а в случае с суффиксами -/ава/- и -/ува/- буквами а и ю обозначается их начальная часть и мягкость предшествующего им согласного: [изтегл'+а+м] > изтеглям, [остой+ава+м] > отстоявам, [претърп'+ава+м] > претърпявам, [намокр'+ува+м] > намокрювам²⁹.

Гласный а перед личными окончаниями в ВИ почти всеми грамматистами рассматривается как суффикс (в случае с -/а/-) или часть суффикса (в случае с -/ва/-, -/ава/- и -/ува/-). Некоторые языковеды, однако, этот гласный рассматривают только как классовый показатель глаголов, функция которого – отнесение глаголов к определенному типу парадигмы. В отношении русского видеообразования эта точка зрения была высказана А. В. Исаченко, согласно которому в русском

языке в качестве суффиксов имперфективации выступают -в-, -ыв-/ив-, -ев- и нулевой суффикс /#/ , а не -ва-, -ыва-/ива-, -ева-, -а-³⁰. Эта точка зрения была поддержана некоторыми грамматистами, в том числе Т. Н. Молошной, описавшей морфологические средства имперфективации в русском языке сопоставительно с болгарским. Т. Н. Молошная считает, что в болгарском представлен "очень близкий (к русскому. – Г. В.) состав суффиксов имперфективации" и что "по А. В. Исаченко" этот список будет выглядеть так: -#, -в-, -ав-/яв-, -ув-/юв-", а не -а-/я-, -ва-, -ава-/ява- и -ува-/юва-, как полагает, в частности, Ю. С. Маслов³¹.

Из болгарских грамматиков такую точку зрения как будто разделяет П. Пашов, который в одной из статей, вышедших в 70-е годы, в глаголах *посинявам*, *порозовявам*, приведенных в качестве примеров в таблице глагольного основообразования и формообразования, выделяет имперфективирующий ("видов") суффикс -в-, присоединенный к лексикальным основам *посиня-*, *порозоя-*, и "тематический гласный (суффикс)" -а-, не включаемый им в состав видовой основы³². В вышедшей ранее известной монографии "Българският глагол" П. Пашов еще занимает скорее компромиссную позицию. С одной стороны, он считает суффиксами имперфективации -ва-, -ава- /'ава/-, -а- /'-а/- и -ува-, а с другой, расчленяет три из них (содержащие звук в) на -в-а-, -ав-а- /'ав-а/ и -ув-а-, рассматривая гласный а после в как особый суффикс – показатель основы III спряжения. Так, говоря о суффиксе -в-а-, он отмечает, что в нем "гласный элемент по существу является образующим основы III спряжения суффиксом -а-"³³. О видообразующем же суффиксе -а- П. Пашов замечает, что он "совпадает с основообразующим суффиксом для всех глаголов III спряжения"³⁴. Не включается звук а в состав суффиксов имперфективации и в некоторых описаниях видеообразования в болгарских говорах. Например, Т. Бояджиев в говоре с. Сычанли (район Гюмюрджины, Греция) устанавливает суффиксы -в-, -ав-, -ув-³⁵ (в другом месте указаны суффиксы -в-, -ув-/ев- и -ав-/а-, при этом -а- характеризуется как "свободный вариант -ав-", а -ев- – как "свободный вариант -ув-", а в говоре фракийских переселенцев из с. Дервент (район Дедеагача, Греция) – суффиксы -в-, -ув-, -ав-/а-, -ов- и -ев-/ив-³⁷.

Изложенная точка зрения базируется по существу на по-

ложении, согласно которому смысл имперфективации заключается не столько в создании производного глагола несовершенного вида, сколько в переводе глагола из одного конъюгационного класса в другой. Особенно наглядно это имплицитное положение проявляется применительно к ВИ типа русск. бросать, ударять, истреблять, обижать, в которых вычленяется нулевой суффикс имперфективации. Т. Н. Молошная, вслед за А. В. Исаченко, считает, что подобные ВИ образованы "путем перевода их в I класс без присоединения положительного суффикса имперфективации"³⁸. Срв. и болг. хвърлям, удрям, обиждам, събирам и др., о которых с этой точки зрения следовало бы говорить, что они образованы путем перевода их в класс глаголов III спряжения без присоединения "положительного суффикса имперфективации" (см. выше мнение П. Пашова). Исключение элемента -а- из состава суффиксов имперфективации и признание за этим элементом только функции показателя класса глаголов, по мнению Ю. С. Маслова, нецелесообразно прежде всего потому, что образование значительного числа ВИ типа указанных выше следовало бы рассматривать как результат "бессуффиксной имперфективации", что "без нужды разорвало бы надвое единое явление суффиксальной имперфективации и сильно усложнило бы описание морфологии болгарского глагола"³⁹. Тот факт, что элемент -а- во всех ВИ является показателем определенного класса глаголов (в болгарском – показателем III спряжения), не может служить веским основанием для вынесения его за рамки звукового состава суффиксов (в случаях с -ва-, -ава-, -ува-) или исключения его вообще из списка имперфективирующих суффиксов (в случае с -а-). Точка зрения А. В. Исаченко и разделяющих ее других ученых относительно звукового состава суффиксов имперфективации основывается в сущности на представлении о строгой монофункциональности морфемы. Между тем известно, что та или иная морфема может выражать разные функции, в том числе и разные грамматические функции. Например, флексия -ме в глагольных формах смятаме, наливаме и под. является показателем не только 1 лица, но и множественного числа. В равной мере это относится и к суффиксам имперфективации: суффикс -/а/- не только имперфективирует производящий глагол совершенного вида, но одновременно и переводит его в иной конъюгаци-

онный класс. Но эти функции суффикса имперфективации в рамках видообразования не равнозначны в их "иерархическом" статусе: если образование производных ВИ – это бесспорно главная функция суффиксов, то перевод образуемых с их помощью ВИ в другой класс глаголов – это столь же несомненно их дополнительная или сопутствующая имперфективации функция. Срв. с этим и заключение Ю. С. Маслова, который полагает, что "функция отнесения видовой основы к определенной парадигме ... могла бы рассматриваться как второстепенная (добавочная к основной, семантической) функции всякого неударенного (или – не несущего на себе постоянного ударения) -а-, стоящего на конце видовой основы"⁴⁰.

Итак, в современном болгарском литературном языке ВИ образуются с помощью суффиксов имперфективации -/а/-, -/ва/-, -/ава/- и -/ува/. Выбор того или иного суффикса определяется в общем формальными особенностями (принадлежностью к разным классам) производящих глаголов совершенного вида. Наличие целого ряда параллельных ВИ, образованных с разными суффиксами от одних и тех же перфективных глаголов (например, потулям и потувам, престъпям и престъпвам и др.) свидетельствует, что выбор суффикса не во всех случаях жестко регламентирован соответствующими особенностями производящих глаголов⁴¹.

Обратимся теперь к описанию ВИ в новоболгарском литературном языке XVII в., представленных в Тихонравовском (Тих.), Копривщенском (Кпр.) и Троянском (Тр.) дамаскинах. Но перед этим необходимо сделать важную оговорку, касающуюся описания чередований при имперфективации.

Если описание чередований гласных в общем не вызывает особых затруднений или сомнений в установлении их пар при образовании ВИ, то описание чередований согласных весьма затруднительно и пока может быть представлено в значительной мере условно. Это объясняется главным образом двумя причинами. Во-первых, тем, что форма 1 л. ед. ч., наст. вр. большого числа глаголов совершенного вида, принимаемая в качестве формы производящей, в текстах дамаскинов не зафиксирована, и судить, следовательно, о реальном соотношении согласных в основе этой формы и в основе ВИ в таких случаях (по крайней мере, в некоторых из них) можно

лишь предположительно. Но и при наличии в текстах единичных примеров на форму 1 л. ед. ч. наст. вр. не всегда можно быть уверенным в том, что данная форма была единственной в новоболгарском литературном языке XVII в., отраженном в дамаскинах, а не одним из вариантов данной формы. Во-вторых, на основании принятых в дамаскинах окончаний 1 л. ед. ч. наст. вр. не во всех случаях можно заключить о твердости или мягкости предшествующих окончанию согласных, определяющей наличие или отсутствие соответствующего чередования при образовании ВИ.

Учитывая сказанное, в качестве базовой формы при описании имперфектива мы принимаем здесь условно форму 1 л. ед. ч. наст. вр. глаголов совершенного вида в современном болгарском литературном языке. При таком подходе, естественно, нельзя получить полной и адекватной в деталях картины представленных в литературном языке XVII в. чередований согласных при имперфективах. Такой подход, однако, позволяет описать единообразно (т. е. с опорой на известную, употребляемую в современном литературном языке форму) все зафиксированные в обследованных текстах ВИ, что было бы невозможно, если исходить из самого материала данных текстов.

Каждый тип ВИ иллюстрируется максимально большим числом относящихся к нему глаголов, образованных от разных производящих перфективов, при минимальном – за недостатком места – числе самих примеров на каждый из зафиксированных в текстах ВИ.

Вторичные имперфективы с суффиксом *-ва/-*

Суффикс *-ва/-* в обследованных текстах выступает только в графическом написании *-ва-*. С ним образованы ВИ почти исключительно от глаголов совершенного вида I спряжения, основа формы 1 л. ед. ч. наст. вр. которых оканчивается гласным + /j/. Гласные /а/, /и/, /у/ во всех глаголах относятся к корню, а гласный /е/, чередующийся с /а/ (после мягких согласных), в одних случаях является корневым (например, *възлея* и др.), в других – словообразовательным суффиксом (например, *полудея* и др.). Графически гласный /е/ в основе передается как *е* и *ѣ*. При имперфективации конечный согласный /j/ основы формы 1 л. ед. ч. наст. вр. усекается, так что

суффикс имперфективации присоединяется к предшествующему гласному по типу: /познај- + ва + м/ > *познавам*, /полудеј + ва + м/ > *полудявам* с чередованием /e/~/a/ в основе.

В обследованных текстах встречаются следующие ВИ данного образования от глаголов с основами: *-бия* – избываше Тих. 116 об., *оубиваще* Тр. 123, *8быва* Кпр. 39, *побывах* Тих. 267 об.; *-зная* – *познавашь* Тих. 205, *се прѣпознавать* Кпр. 406; *-беснея* – *побѣснѣва* Тр. 222; *-живея* – *оживѣва* Тих. 207; *-лудея* – *полудѣвать* Тих. 197 об.; *-лея* – *въспѣва* Тих. 246; *-умея* – *разумѣвать* Тр. 155, *се проумѣва* Тр. 224, *се недоумѣвать* Тих. 289 об.; *надделея* – *наддѣльваще* Тих. 126 об.; *оскѹдея* – *оскѹдѣваще* Тих. 70 об.; *-трия* – *затривашь* Тих. 71, Кпр. 54, *отриваше* Тих. 250, Кпр. 444; *-пия* – *се опиваме* Кпр. 136, *оупивайте* се Тих. 18; *-крия (се)* – *покрыва* Тих. 70; *-вия* – *навѣва* Кпр. 59, Тр. 65, *надвѣвать* Тр. 336; *-блюя се* – *се изблюва* Тих. 107 об.; *-плюя* – *заплюваха* Тих. 119; *чуя (се) 'слышать(ся)'* – *се чюва* Тих. 194, Кпр. 168.

К этому же типу относятся и ВИ, образованные от глагола *дам* и его приставочных производных: *давать* Кпр. 341, *въздаваха* Тих. 313, *задавать* Тих. 197 об., *издава* Тих. 310, *подавайте* Тр. 151, *прѣдаваха* Кпр. 337, *се предава* Тр. 72, *придава* Кпр. 455, сте *попридавале* Тих. 204 об., *продавать* Тих. 220. Эти ВИ отличаются от приведенных выше тем, что они образованы присоединением суффикса *-ва/-* к основе формы 1 л. ед. ч. наст. вр. *-да-*, не имеющей конечного /j/, т. е. без усечения данного согласного.

Образование некоторых ВИ с суффиксом *-ва/-* сопровождается чередованием гласных /e/~/i/ в корне: *-лея* – *изливате* Тих. 298, *поливать* Тр. 35, *прилива* Тих. 55, *пролива* Тих. 315, Кпр. 152; *-смея се* – *се подсмѣваха* Тих. 224 об., *се прѣсмивать* Кпр. 137.

От других типов глаголов I спряжения ВИ с суффиксом *-ва/-* встречаются очень редко: *-неса* – *занесѣвать* Кпр. 266; с чередованием согласных /ж/~/з/: *кажа* – *казва* Тр. 42, 77, *казвашь* Тр. 43; единичные ВИ с данным суффиксом имперфективации образованы от глаголов с суффиксальным /н/ в основе, который при имперфективации усекается: *-стана* – *прѣставаше* Кпр. 382, *-дъхна* – *подъхваще* Тр. 265, а также чаще встречающиеся ВИ от глаголов целуна – *цѣльва* Тих. 152, *цѣльва* Кпр. 490, *цѣльваме* Тих. 163; *почина* – *почива* Тих. 287, Тр. 314.

От перфективных глаголов II спряжения образованы только следующие ВИ с суффиксом *-ва/-*: *утеша* – *оутѣшваще*

Тр. 59; при чередовании /п'/~ /п/: отстъпя – ωтстъпва Кпр. 198.

От перфективных глаголов III спряжения в обследованных дамаскинах представлены только следующие ВИ с суффиксом -/ва/-: изпитам – испитва Тр. 161, опитам – ωпитва Кпр. 389, мартурисам – мартюриовать Тр. 155.

С суффиксом -/ва/- образованы и ВИ от глаголов с основой -бъда при чередовании /ъд/~ /и/ в корне: бываше 'была' и бываше 'то же' Кпр. 124, прѣбываше Кпр. 16, събиваха се Тих. 318. Такая деривационная связь устанавливается между употребляющимися в современном литературном языке глаголом бъда и производным бивам⁴². Генетически, однако, -би- в бивам, как и в употребленных в дамаскинах ВИ пребивам, събивам се – это инфинитивно-аористная основа старого глагола быти, которая выступает и в формах некоторых приставочных глаголов, зафиксированных в дамаскинах. Срв., например, в Троянском дамаскине формы настоящего времени и повелительного наклонения с основой -бъд- (да прѣбѣдете на добро вѣрье 248; прѣбѣдете тѣка прѣз тѣа ношъ 320) и формы аориста с основой -би- (Пѣтка прѣбѣ мнѡго годинъ в пѣстынѣ 105; и сичка ношъ прѣбиха на молѣба 95) и эту же основу в ВИ пребивам (на стѣпь прѣбываще 107).

Вторичные имперфективы с суффиксом -/ава/-

Суффикс имперфективации -/ава/- выступает в графических вариантах -ава-, -ѣва-, -ѧва-, -ѧва-. Обычно в ВИ с этим суффиксом пишется -ава- (чаще) и -ѣва-, гораздо реже – -ѧва- и лишь в единичных случаях -ѧва-. Как правило, ударение в формах ВИ с этим суффиксом падает на его первом слоге – -/ава/- и очень редко – на втором – -/ава/-/. Так, в Тихонравовском дамаскине при значительном числе ВИ с не отмеченным ударением ВИ с ударением на первом слоге суффикса встречаются свыше 100 раз, в то время как ВИ с ударением на втором слоге – всего дважды в формах повелѣваешь 87 об., повелѣваеш⁴ 29 об., еще не вошедших в парадигму глаголов нынешнего III спряжения. Срв. также: да не ωстрашава Кпр. 239, сокр. инф. гощава (недѣй гощава) Тр. 169 (при: недѣй гощава Кпр. 92). В сравнительно редких случаях суффикс -/ава/- был, вероятно, безударным, если поставленный в них знак ударения правильно фиксирует его место (срв., например: исцѣлꙗваше Кпр. 115 и исцѣлꙗвахъ Кпр. 108, се причѣща-

ва Тих. 165 и да се причѣщаваме Тих. 266, да прѣльщавать Тих. 269 об. и да прѣльщавать Тих. 63 и т. д.).

О распределении графических вариантов данного суффикса можно сказать следующее.

Вариант -ава- в подавляющем числе случаев встречается после шипящих /ш/, /ж/, аффрикаты /ч/, согласных /д/ (в сочетании с /ж/ на месте *dj) и /т/ (в сочетании с /ш/ на месте *tj и *stj), например: въскрѣшава Тих. 249 об., съгрѣшаваме Тр. 7, да се въздѣржаваме Тр. 330, обличаваше Тих. 112 об., да осѣждаваме Тих. 21, оутвѣрждаваме Тр. 270, прощавате Тих. 6, запрѣщавам Тр. 81, се просвѣщава Кпр. 367. Этот вариант представлен также и в немногих ВИ после твердых согласных /в/, /г/, /л/, /п/, /р/: призовавам Тих. 84, Тр. 160, прогнѣвшавать Тих. 223 об., рѣкополагавать Тр. 330, исцѣлаваше Кпр. 105, се ѿвлѣваше Кпр. 51, смѣравашь Кпр. 169, поспѣваше Тих. 165 об. и др.; в единичных случаях после гласного /о/ (по выпадению интервокального /j/): постоаваше Тих. 166, наѣстоава Тих. 145 об., упокоават се Тих. 176 об.

Графические варианты -ѣва-, -ѧва- и -ѧва- находим в ВИ с мягкими конечными согласными основы, при этом после конечного /j/ основы представлен только вариант -ѧва- (съ ωтстоївале Тих. 196 об., напоївале Тих. 133 об.), а после других мягких согласных -ѣва- (пораѣваше Тих. 241 об., изгорѣвать Тих. 141), реже -ѧва- (се раздѣлївать Тр. 157) и очень редко -ѧва- (распѣстѧваше Тих. 310, ωтстѹпѧвать Кпр. 59). Во всех обследованных дамаскинах встречается немалое число ВИ с написаниями суффикса -ѣва- и -ѧва-, образованных от глаголов с одним и тем же мягким конечным согласным основы и даже от одних и тех же глаголов, например, в Тихонравовском: побѣдяваме 163 и оутвѣрдѣваха 305 об., ωморїавам 307 и изгорѣвахъ 241 об., изѧвлꙗваше 131 об. и изѧвлѣва 282 об., срв. на одной и той же странице: исцѣлꙗваше и исцѣлꙗваше 262; в Троянском: повелѣвашь 166 и се раздѣлївать 157, се ѿвлѣваше 132 и изѧвлꙗваше 255; в Копривщенском: повелѣвашь 255 и повелѧвам 484, исцѣлѣвате 66 и исцѣлꙗвайт 73 и др. Любопытно, однако, что в написании отдельных глаголов графическая вариативность суффикса в Тихонравовском дамаскине не наблюдается, например, в погубявам (6 примеров на ВИ и 1 пример на простое условное наклонение) пишется только -ѣва- (погубѣва 266 об.,

294 об., 247 об., пог8бъвать 241 об. и др., срв. и заг8бъва 254), в осквернивам (4 примера) – только -ява- (оскврннаваха 64 об., да се оскврнаваме 156 об.; срв. в Троицком: оскврнвам 128).

ВИ с суффиксом *-/ава/-* образованы почти исключительно от глаголов II спряжения. От глаголов I спряжения во всех обследованных текстах с данным суффиксом встречаются только ВИ: призовавам Тр. 160, Тих. 84, Кпр. 82, а в Копривштенском дамаскине еще и две ВИ, образованные от глаголов на *-на*: исчёзнуваше 18, заклинавам³ 204 (обычно от данного типа глаголов ВИ образуются с помощью суффикса *-/ува/*); а от глаголов III спряжения во всех текстах – только ВИ от глаголов с основой *-слушам*: до послышава Тр. 306, да послышава Кпр. 263, да попослышава Тих. 234.

ВИ с суффиксом *-/ава/-* образуются без каких-либо изменений в звуковом составе производящей основы или при чередовании ее конечных согласных, а в отдельных случаях – гласных звуков.

Без чередований, кроме названных выше единичных ВИ от глаголов III спряжения, образованы следующие ВИ от глаголов II спряжения с основами на конечный мягкий согласный: *-бедя* – побѣднаваш⁵ Тих. 163, побѣднаваме Кпр. 381; *-ближа* се – приближаваше сь Тих. 165 об.; *-веля* – повелѣваш Тих. 147; *въскреся* – въскрѣсѣва Кпр. 320; *-горя* – изгорѣвах⁸ Тих. 235 об.; *-греша* – съгрѣшнаваме Тих. 4; *-губя* се – пог8бъва сь Тих. 163 об.; *-деля* се – раздѣлнаваме са Кпр. 467; *-дробя* – здробъваха Тих. 299 об.; *-держа* (се) – 8дръжава Кпр. 78; да се вздръжнаваме Тих. 159 об.; *-живя* – жживѣвайте Тр. 151; *-клоня* се – се прѣклоннавате Тр. 330; *-куся* – искусѣва Кпр. 389; *-мая* се – се оумалѣвать Тр. 141; *-миря* се – смѣрѣва се Тих. 211; *-можа* – уомножава Тр. 269; *-моря* – 8морнавам Тих. 307; *-мрача* – помрачавате Тих. 254 об.; *-вѣрша* – съвершнавать Тр. 330; *-мѣрся* – омрѣсѣва Тих. 215 об.; *-покоя* се – 8покоїват⁹ се Тих. 176 об.; *-поя* – сте напоювале Кпр. 354; *прокобя* – прокобъвах⁸ Тр. 325; *-подобя* – 8подобѣва Тр. 349; *-разя* – поразѣваше Тих. 241 об.; *-редя* – штредѣвать Тр. 257; *-светя* – ос(вА)тѣва Тр. 48; *-силя* – насильвах⁸ Кпр. 108; *-скверня* се – оскврннаваха се Тр. 122; *-стоя* – 8тстоювале Тих. 202, надстоава Тих. 145 об.; постоаваше Тих. 166; *-строша* се – строшнаваха се Тр. 271; *-стѣля* – 8тстѣпнавать Кпр. 89; *-суша* – стѣ

исчнавале Кпр. 353; *-страша* – 8страшнава Тих. 149; *-тьля* – ис-т8пъваме Тих. 303 об.; *-тькмя* – истѣкмѣва Кпр. 352; *-тѣрля* – прѣ-трѣпъвах⁸ Тих. 202; *укротя* се – са 8кротѣва Тих. 210 об.; *утеша* (се) – 8тѣшнаваше се Тих. 150 об.; *тишиасе* – 8тишнава се Тих. 220; *-целя* – исцѣлнавайте Кпр. 73; *-явя* се – се 8явѣваше Тр. 95.

Сравнительно небольшое число ВИ образовано с помощью суффикса *-/ава/-* при чередовании согласных и гласных основы производящих глаголов.

При чередовании /o/ ~ /a/ представлена только ВИ от глагола поклоня се – се покланнава Тих. 131 наряду с указанным выше ВИ на *-клоня* в без такого чередования – се прѣклоня-ваете Тих. 159 об.

С суффиксом *-/ава/-* и при чередовании некоторых согласных образовано небольшое число ВИ, а именно: при чередовании /c' / ~ /ш/: *въскреся* – въскрѣшнавамь Тих. 45, въскрѣшнавайте Кпр. 73; *гнуся* – гнѹшава се Кпр. 385; при чередовании /t' / ~ /шт/ (орфографически щ) просветя се – просвѣшнава се Тих. 157 об.; *запретя* – запрѣщнавам Тр. 81; при чередовании /st' / ~ /шт/ (орфографически щ): *гостя* – гощнава Тих. 60 об.; *кръстя* (се) – крѣщнавать Тр. 46; *прельстя* – прѣльшнава Кпр. 97; *причестя* се – се причещнава Тр. 374; *простя* (се) – прощнава Тих. 6; при чередовании /d' / ~ /жд/: *-твѣрдя* – оутврьжнаваме Тр. 270; *-съдя* (се) – се освѣжднава Тих. 263; при чередовании /v' / ~ /в/: *-гневя* (се) – се прогнѣшнава Кпр. 59, сокр. инф. прогнѣвава Тих. 53 об.; при чередовании /l' / ~ /л/: *-целя* – исцѣлнават⁹ се Кпр. 367, исцѣлнаваше Кпр. 105; *чаще*, однако, встречаются ВИ с мягким конечным согласным основы: исцѣлнавайсе Кпр. 73, исцѣлнаваше Тих. 262, се исцѣлнавать Тр. 327; при чередовании /n' / ~ /н/: *-клоня* се – се прѣклоня-ваете Кпр. 372 наряду с чаще встречающимися ВИ без такого чередования – се прѣклоннавате Тих. 159 об. или с чередованием /o/ ~ /a/ в корне (см. выше); при чередовании /p' / ~ /п/: *-спя* – поспаваше Тих. 165 об.; при чередовании /r' / ~ /р/: *-миря* (в текстах с ё на месте и) – смѣрѣва Тих. 112 об., смѣрѣшнаваш Кпр. 169, срв. аорист 3 л. ед. ч. смѣрѣ Тр. 234; наряду с ВИ с /р/ встречается ВИ и с мягким /р'/ – да смѣрѣ-шнаваш Тих. 121 об.; при чередовании /v' / ~ /вл'/: *-явя* (се) – се 8явѣваше Тих. 70, изыавлѣваше Тр. 255 наряду с ВИ без такого чередования – се 8явѣваше Тр. 95; при чередовании /v' / ~ /вл'/: *-явя* (се) – се явлѣваше Кпр. 6, изыавлѣваше Кпр. 194.

Одни из указанных здесь чередований (в частности, /т'/~ /шт/, /д'/~ /жд/, /ст'/~ /шт/) носили при образовании ВИ более или менее регулярный характер, другие (например, /в'/~ /в/, /л'/~ /л/, /н'/~ /н/), судя по всему, нерегулярный. Нужно также иметь в виду, что некоторые из нерегулярных чередований указаны здесь в известной мере условно: так как исходная (производящая) форма 1 л. ед. ч. наст. вр. перфективного глагола в текстах часто отсутствует, то нельзя уверенно утверждать, что конечный согласный основы данной формы был мягким, а не уже твердым (отвердевшим).

Отдельно следует сказать о ВИ *нарицавам* и *рукополагавам*: *нарицавать* Кпр. 59, 486, *се нарицавать* Тих. 24 об.; *рукополагаватъ*⁵ Тих. 159 об., *рукополагавать* Тр. 330. Формально, с точки зрения морфемного состава, их можно рассматривать как регулярные ВИ, образованные присоединением суффикса *-/ава/-* к основе *нарек-* при чередовании /e/~ /и/ и /к/~ /ц/ и основе *рукополож-* при чередовании /o/~ /а/ и /ж/ ~ /г/. Более вероятным, однако, кажется иное образование этих ВИ, а именно в результате "приращения" элемента *-/ва/-* к суффиксу имперфективации *-/а/-* в существовавших в традиционно-книжном языке имперфективов *нарицати*, *рукопалагати*. Присоединение элемента *-/ва/-* к этим ВИ придавало им более народно-разговорный характер, соответствующий общей структуре новоболгарского литературного языка XVII в. Подтверждением этому может служить и тот факт, что в обследованных текстах в качестве имперфективного коррелята к нареку выступает ВИ *наричам*, а единичные примеры употребления ВИ типа *нарицам* являются очевидным исключением и выпадают из свойственной этому языку структуры глагольного видеообразования.

Вторичные имперфективы с суффиксом *-/а/-*

Суффикс *-/а/-* в обследованных дамаскинах встречается в графических вариантах *-а-*, *-ѣ-*, *-ѧ-*, *-ѧ-* и *-е-*. Вариант *-а-* выступает в ВИ с основами на конечный твердый согласный (*събираше* Тр. 24, *почитам се* Кпр. 379), шипящие /ж, ш/ (*се смѣша* Тих. 5, *досажать* Кпр. 58), аффрикату /ч/ (*посѹчаše* Тих. 133). После мягких согласных, а также шипящих и аффрикаты /ч/ суффикс пишется *-ѣ-*, *-ѧ-*, *-ѧ-* и *-е-*, при этом написания *-ѣ-*, *-ѧ-* встречаются в целом чаще, чем *-е-*, а написание *-ѧ-* встреча-

ется лишь в единичных случаях: *да се покланѧть* Кпр. 327 и др. Эти написания как правило не связываются с теми или иными из этих согласных (срв. *наговарь*⁶ Тих. 233, *шбаৰять* Тих. 163, *да се прѣтвাৰять* Тих. 83), однако в отдельных случаях в выборе какого-либо из названных написаний суффикса писцы следовали, видимо, определенному принципу. Так, в Троянском дамаскине написания *-ѣ-*, *-ѧ-* и *-е-* встречаются примерно одинаково часто, но написание *-ѧ-*, например, не встречается после /ч/, за которым в ВИ чаще следует *-е-* нежели *-ѣ-* (истиче 26, *се наричeme* 3 и др.). Написание же *-ѧ-* в этом дамаскине представлено только в ВИ *да се покланѧть* 28, *наричать* 44, *да се надскачать* 346, а также излазят 50). В целом вариант *-ѧ-* как будто в Копривщенском дамаскине встречается сравнительно чаще, чем в других дамаскинах, а вариант *-е-* в Троянском заметно чаще, чем в Тихогравовском и Копривщенском. Вариативные написания суффикса *-/а/-* нередко представлены в одних и тех же ВИ, например: *да се покланѣ* Кпр. 319, *се покланѧше* Кпр. 294, *се покланеме* Кпр. 26 и *да се покланѧть* Кпр. 327; *са наричат* Кпр. 338 и *нариѣть* Кпр. 314; *оставѣха* Тр. 122 и *штавѣше* Тр. 24; *да се покланѣме* Тр. 112, *се покланѧ* Тр. 254 и *да се покланеть* Тр. 278.

ВИ с суффиксом *-/а/-* образуются от глаголов I и II спряжения.

От глаголов I спряжения без чередований в основе образованы только ВИ от глаголов с основой *-ема* – *зёмах* Тих. 165, *се наемаше* Кпр. 263, *штнёмах* Тр. 278, *прѣёма* Тр. 1, *прѣмашь* Кпр. 36.

От глаголов II спряжения без чередований в основе образовано значительное число ВИ, а именно, с основой *-вала* (*се*) – *прова॑лаше* се Тих. 46 об., *развала॑ти* Тр. 221; *-говаря* – (*начёха да с [е]*) *наговоряти*⁷ Тих. 21 об.; *-губя* – (*піан'ство хъбостъ*) *загубъ* Кпр. 383; *-даев* – *уда॑въше* Тих. 41 об.; *-деля се* – *се штдѣлаше* Тих. 275; *-каня се* – *подканѣше* се Кпр. 139; *заборавя, заборавя* – *заборавъ* Кпр. 383, *заборавѣть* Тих. 198; *-меря се* – *се намѣреть* Тих. 312 об.; *-правя* – *напрѣвъ* Тих. 182; *-ставя* – *оставиашь* Кпр. 467, *настѣвашъ* Тих. 163, *поставѣха* Тих. 291; *-тегля* – *прѣтёглеха* Тр. 270; *-хваля* – *захваля* Тих. 108 об.; *-хвърля (фърля)* – *фърлюха* Тих. 195, *шфърльме* Тих. 163.

Значительная часть ВИ с суффиксом *-а-* образована при чередовании согласных и гласных основы.

При чередовании */д'/~ /жд/* от глаголов I спряжения образованы ВИ с основой *-клада* – *подклажды* Тр. 76; от глаголов II спряжения с основой *обадя* – *обажды* Тих. 198; *-брадя се* – *се забраждышь* Тр. 234; *-вадя* – *изважды* Тр. 10; *свадя* – *сважды* Тих. 208 об.; *-льдя* – *испъждаты* Кпр. 153, *штпъждышь* Тр. 46; *досадя* – *досаждаты* Тих. 138; *-сладя се* – *сё наслаждаты* Тих. 215 об.; *-сырдя се* – *се разсръжды* Тр. 7; *-сьдя* – *осъждышь* Кпр. 150; *да раз'сыжда* Тих. 234; также и с *у* в корне – *осъжда* Тих. 210 об. В нескольких ВИ */д'/* чередуется не с */жд/*, а с */ж/*: *досадя* – *досаждать* Кпр. 58, *-водя* – *проводжаме* Кпр. 372; срв. также и ВИ с паерком между *ж* и суффиксальным *а*: *-пъдя* – *штпъжаха* Кпр. 73, *угодя* – *угажа* Кпр. 453.

При чередовании */с'/~ /ш/* от глагола *смеся се* образован ВИ *се смъша* Тих. 5. При чередовании */т'/~ /шт/* (орфографически *щ*): *запретя* – *запрѣщам* Тр. 85; *-платя* – *плѣщаха* Тр. 278; *-сетя* – *всеща* Кпр. 137. При чередовании */в'/~ /в:/*: *-ставя* – *штставь* Тих. 60 об.; при чередовании */п'/~ /п:/*: *-стъпля* – *штѣстьпата* Тих. 208, *штѣстьпаха* Тих. 313, *пристыпаха* Тих. 279 об.; при чередовании */в'/~ /вл'/*: *зaborгевя* – *зaborгѣвляи* Тих. 118 об.; *-бавя* – *из'бавляшь* Кпр. 404; *-славя* – *прославлыше* Кпр. 205; *-ставя* – *оставляме* Кпр. 268, *настѣвляше* Тих. 245; встречаются и ВИ, образованные с чередованием */в'/~ /вл'/*: *-ставя* – *штѣвляшь* Кпр. 88; *-явя се* – *се юавлаваше* Кпр. 51. При чередовании */θ'/~ /д/*: *-ям* – *да се ѿбыїдаме* Тр. 299, *проїда* Тр. 360.

При чередовании */е'/~ /и/* ВИ с суффиксом *-а-* образованы от глаголов с основами *-бера* – *се събѣраме* Тр. 298, *из'бираше* Тих. 202; *-чета* – *почитаха* Кпр. 103; *причыта* Тих. 8; при чередовании */θ'/~ /и/*: *-вра* – *извираше* Кпр. 124; *-зра* – *назирах* Тр. 35, *прозира* Тих. 150; *-пра* – *запирать* Кпр. 37, *пѡдпѣраме* Кпр. 307, *се препѣра* Тих. 160 об.; *-мра* – *умирать* Тих. 96, *измираме* Тих. 190 об.; *-стра се* – *се простира* Тих. 316 об.; при чередовании */о'/~ /и/*: от глагола *назова се* – *се називꙗ* Кпр. 421; при чередовании */о'/~ /а/*: *шборя* – *обарѧть* Тих. 163; *-торя* – *повтарѣмь* Кпр. 140; *-говоря* – *наговарѣ* Тих. 233, *зговарѣ се* Тр. 81; *-клоня се* – *се покланѧть* Кпр. 277; *-творя* – *затвѣрѣха* Тих. 94, *штвѣрѣтъ* Тр. 33, *се прѣтвѣрѧть* Тих. 83; ср. также и редкий пример: *озава се* Тих. 323.

Целый ряд ВИ образован с суффиксом *-а-* при одновременном чередовании гласных и согласных, а именно, при чередовании */о'/~ /а/* и */д'/~ /жд/*: *угодя* – *угажда* Тих. 254, *родя (се)* – *рѣждаше* Кпр. 82; *-водя* – *проводжда* Тих. 209; при чередовании */о'/~ /а/* и */ж'/~ /г/*: *-ложа* – *възлагаха* Кпр. 253, *налѣга* Тр. 216, *полагаме* Кпр. 135, *слагаше* Тр. 233; при чередовании */е'/~ /и/* и */к'/~ /ч/*: *-река* – *са наричать* Тих. 195, *штричамъ се* Кпр. 328; *-тека* – *истиче* Кпр. 333, *обѣтичаха* Тих. 227 об., *прѣтичай* Тр. 10; при чередовании */к'/~ /ц/* от глаголов с основой *на* зафиксировано лишь несколько ВИ: *штрицамъ се* Кпр. 328, *нарицахъ* Кпр. 158, *нарицаахъ* Кпр. 215; при чередовании */е'/~ /и/* и */т'/~ /т/*: *-летя* – *штлїта* Тих. 220 об.; при чередовании */е'/~ /и/* и */л'/~ /л/*: *-стеля* – *постилаха* Тих. 252; при чередовании */о'/~ /а/* и */р'/~ /р/*: *-говоря* – *се наговѣрять* Тр. 38; *-творя* – *затвѣраха* Тих. 267 об., *прѣтвѣрять* Тр. 157; *оборя* – *обарѧть* Тр. 337; при чередовании */о'/~ /а/* и */н'/~ /н/*: *-клоня се* – *се покланѧтие* Кпр. 52; при чередовании */о'/~ /а/* и */в'/~ /вл/*: *благословя* – *благославлямъ* Тих. 184 об.

Разнообразны чередования, которыми сопровождается образование ВИ от глаголов совершенного вида с основой на *-на*, а именно: чередование */ъл/~ /ли/*: *-кълна се* – *заклїнаме* се Тр. 73, *се оклїнайте* Тр. 74, *проклїна* Кпр. 454; чередование */сн/~ /штн/* (из */стн/*) – *шт/* (орфографически *щ*): *-пусна* – *пѹща* Кпр. 1, *распѹщаше* Тр. 50; чередование */н/~ /шт/* (орфографически *щ*): *-вѣрна се* – *ме врараща* Тр. 70, *се ѿбрѣща* Кпр. 392, *прѣвѣрѣща* Тр. 273; чередование */н/~ /в/*: *падна* – *пѣда* Тр. 271; *отметна* – *штмѣтхаха* Тр. 270; чередование */н/~ /в/* и */о'/~ /а/*: *помогна* – *помѣгать* Кпр. 79.

Вторичные имперфективы с суффиксом *-ува/-*

Суффикс *-ува/-* в обследованных дамаскинах выступает в графических вариантах *-ува-* и *-юва-*. Вариант *-ува-* пишется в ВИ после твердых, шипящих */ж, ш/* и аффрикаты */ч/*, а вариант *-юва-* – после мягких, шипящих *и ч/* в конце основы.

ВИ с этим суффиксом широко образуются от глаголов всех спряжений, как правило без каких-либо чередований звуков основы.

Так, от глаголов I спряжения с суффиксом *-ува/-* образованы: *-веда* – *възвѣдѣва* Тих. 253, *извѣдѣвша* Тих. 45 об.;

-веза – *ωтвёзываль* Кпр. 73, привезыва Кпр. 129; -(в)зема – *надёмывай* Тр. 14; -неса (се) – *възнесёваше се* Кпр. 269, донесоваше Тих. 236 об., занесоваше Кпр. 108, изнесовала Тих. 273, нанесовашь Тих. 14, принесовать Кпр. 60; -ляза – *влёзвате* Кпр. 442, оулёзвата Кпр. 8, излёзвала Тих. 317; -раста – *израстывать* Тих. 292 об.; -река (се) – *нарекова се* Тих. 236, прорековале Тр. 372; -сека – *посековать* Тих. 144; -тека – *истекла* Кпр. 52, обтёкла Тр. 151; -(в)лека – *обльковаше* Тих. 133 об., съблёковать Тр. 19; -мога – *възмогловаме* Тих. 163; -кая (се) – *окаювам* Тих. 301, покаювать се Тих. 73 об.; -мая се – *замаювайт* се Кпр. 223.

С суффиксом *-ува/-* образовано значительное число ВИ от глаголов с основой на *-на*: -бягна – *разбегнувасе* Тих. 290 об.; -(в)ьрна – се – *обрънвах* се Кпр. 242; въскръсна – *въскръсвать* Тих. 196 об.; -двигна (*-вдигна*) – *двигнуваше* Тр. 23, повдигнува Тих. 220 об.; -жъна – *пожънвала* Кпр. 90; -гасна – *вгаснвала* Кпр. 358; -гина – *загынвала* Тих. 110 об., погынвала Тих. 238 об.; -легна – *лèгнуваше* Тр. 104; -метна – *метнуваше* Тих. 256 об., са *ωтметнваме* Кпр. 419; -мина – *минувала* Тих. 144, заминнува Тих. 221 об., прыминувать Тих. 229, проминувать Тих. 245; -никна – *приникнуваше* Тих. 14 об., проникнуваше Тр. 26; -падна – *паднвала* Тих. 215 об., въпаднваме Кпр. 43, отпаднвала Тих. 176, припаднвала Тих. 305 об.; -плесна – *плеснвала* Кпр. 219; помена – *помънвашь* Тих. 33, въспомънваше Тих. 132 об.; -почна – *започнвват* Тр. 97; -стана – *стянвах* Кпр. 215, застянвовать Тих. 217, надстанвала Тих. 216 об., останвать Тих. 63, прѣстанвамъ Тих. 114; -стигна – *достигнуваше* Кпр. 263, постигнува Тих. 283; -съмна – *срв. отглагольное существительное съмнъване* Тих. 57 об.; -тегна – *обтёгнувашь* Тих. 269 об.; -тисна – *притиснвамъ* се Тих. 324; -чезна – *исчезнваше* Кпр. 17; -якна – *объакнвовать* Тр. 336.

От некоторых глаголов I спряжения ВИ с суффиксом *-ува/-* образованы при чередовании конечных согласных основы: /ч/ ~ /к/: -плача – *оплакывать* Тих. 216; /ш/ ~ /с/: -пиша – *прѣписыва се* Тих. 237 об.; /ж/ ~ /з/: -кажа – *казува* Тих. 317; искажва Тр. 165, накажваше се Тих. 71, прѣказва Тих. 132, приказывать Тих. 88, покажва Тих. 287, прокажвала Тр. 143, скажва Тих. 267; -харика – *харизывать* Кпр. 445.

От глаголов II спряжения большое число ВИ образовано

без чередований конечных согласных основы: -беся се – *объсюва се* Тих. 211, -боря(се) – *прѣборювах* Тих. 296 об., съборювах се Кпр. 215; развиделя – *развидѣлюваше* Кпр. 81; разверя се – *разврятовать* съ Тих. 82 об.; -върша (се) – *довръшвала* Кпр. 192, се привръшваше Тр. 133, съвръшвала Тих. 294; -гоня – *изгонювашь* Тих. 140, *ωтгонювашь* Тих. 25 об., прогонюваль си Тих. 79 об.; -губя – се погубоваме Тих. 156 об.; -държа се – се въздръжуваме Тих. 319; запретя – *запрѣтвам* Кпр. 432; -каня (се) – подканювах Тих. 169 об.; -куся – *въкѹсюваше* Кпр. 16, искѹсюва Кпр. 457, оукѹсюваха Тих. 164 об.; -ложа – *прѣложуваше* Тр. 288; -льстя – *прѣльстюва* Тих. 305; -льча се – *ωтльчовать* Тих. 222 об.; -местя (се) – *въмѣстюва се* Кпр. 267; -меся (се) – *примѣсюва се* Тих. 119, смѣсюват се Кпр. 6; -мисля – *помысливаше* Тр. 104, смѣслива Тих. 215 об., размыслива Тих. 234; -множя се – се оумножувать Тр. 118; -мълча – *прѣмъльчюва* Кпр. 319; -мътя (се) – *замътюваше* Тих. 94 об., се размътюва Кпр. 156; -плодя – *приплодюваше* Кпр. 33; получа – *полѹчвала* Кпр. 119; -празня – *изпразнюваше* Кпр. 72; -светя – *просвѣтюва* Кпр. 72; -пустя – *отпѹстювашь* Тих. 174 об.; -пълня (се) – *испльюваше* Тих. 223 об., напльюваше се Кпр. 490; -силя – *насилюва* Кпр. 87, присилюва Тих. 319 об.; -ситя (се) – *насытюва* Тих. 248, са насытюваше Кпр. 363; -сладя – *всладкѹваше* Тих. 160 об.; -теша се – *оутѣшуваше* се Тр. 288; -творя – *отворювах* Тих. 165; -тровя – *отрѹюваше* Тих. 197 об.; -ударя – *ударюваше* Тих. 252; -храня се – се *ωтхранюва* Тих. 232 об.; -хуля – *похлюваме* Тих. 162 об.

Целый ряд ВИ образован от глаголов II спряжения при чередовании конечного мягкого согласного основы с твердым /б/ ~ /б/: -губя – *погубоваме* Тр. 300; /в/ ~ /в/: -тровя – *отрѹюваше* Кпр. 343; /д/ ~ /д/: -сладя – *всладкѹваше* Кпр. 374; -плодя – *приплодюваше* Тр. 118; /л/ ~ /л/: -мисля – *помысливаше* Кпр. 127, смѣсливашь Кпр. 203; -силя – *насилюва* Тр. 164; /м/ ~ /м/: -дремя – *задрѣмъва* Кпр. 273; /н/ ~ /н/: -каня – *подканюваше* се Тих. 270 об., -пълня – *испльюваше* Тр. 256, напльюваше Тр. 48; -храня се – се *ωтхранюва* Тр. 303; /п/ ~ /п/: -куля – *кѹпѹвам* Кпр. 9, *ωткѹпѹвает* Тих. 53; -сипя – се *рассыпывать* Тр. 156; -стъпя – *прѣстъпывать* Тих. 223, *ωтстъпывать* Тих. 73 об.; /р/ ~ /р/: -творя – *отвѹрѹваше* Тр. 26; /с/ ~ /с/: *въскреся* – *въскрѣсѧваше* Тр. 360; -куся – *искѹсѧваше* Кпр. 84; -меся се – се *смѣсюва* Кпр. 151; *вбеся* се – се *обесюва* Кпр. 388; /т/ ~

/т/: -вратя се – се разврътваше Тр. 156; -мътя – заматваше Кпр. 105; -светя – просвѣтва Тр. 151; -ситя се – се наситваше Кпр. 133; -чистя се – се очистваше Тр. 327; запретя – запрѣтваше Кпр. 432.

Редкий случай чередования /о/ ~ /а/ и /н'/ ~ /н/ в дамаскинах представлен в ВИ се покланяват Кпр. 59, образованного от поклоня се.

С суффиксом -/ува/- образуются и ВИ от глаголов III спряжения: -бъркам – збръкваше Тих. 208 об., избръкваше Кпр. 383; -бързам се се надбръзваха Тих. 252 об.; -гледам (се) – нагледваше Кпр. 79, се оугледваше Тих. 34 об., погледваше Кпр. 323, прѣгледваше Тр. 12; -думам – подумваше Тих. 284 об.; -зидам – съзидваше Кпр. 106; -карам – накарваше Кпр. 324, прекарваше Тих. 115, оукарваше Тр. 7; -литам – испитвашь Кпр. 263, распитваша Тих. 314; слушам – послышваше Кпр. 32; сосам – съсваша Тих. 215 об.; артисам – артисваша Тр. 8; здрависам – здравицваша Тих. 228; кандисам – кондисваше Тр. 311; липсам – лийфваше Тр. 105; литургисам – л(и)твргисваша Тр. 245; мартурисам – мартврийсваша Тих. 64 об.; парясам – парїасваша Тих. 208 об.; сапикасам – съпикасваше Кпр. 100, съпикасвашь Тих. 304; сащисам – същисвай Тр. 212; харесам – харесвашь Тр. 100; чаластисам се – чаластисваше се Тих. 217; ядосам – ядосваше Тр. 7.

Вторичные имперфективы с суффиксом -/ова/-

Суффикс -/ова/- встречается в обследованных дамаскинах только в написании -ова-. В большинстве зафиксированных в них ВИ с этим суффиксом ударение падает (поставлено) на корень. Лишь в небольшом числе ВИ ударение стоит на первом слоге суффикса, и именно это обстоятельство позволяет рассматривать его как самостоятельный суффикс имперфективации, а не как графический вариант суффикса -/ува/- или -/ава/. Суффикс -/ова/- сравнительно с другими, рассмотренными выше суффиксами, встречается во всех обследованных дамаскинах очень редко в ВИ, образованных от глаголов всех трех спряжений. От глаголов I спряжения: -неса – изнесоваше Тих. 268, занесоваше Тр. 182; -ляза – възлезоваша Тих. 85, въльзова Тих. 40, ыльзова Кпр. 475, излезоваше Тих. 321 об; при чередовании /ж/ ~ /з/ -кажа – казоваше Кпр. 145, показоваше Кпр. 287, проказовать Тих.

186; хариза – харизоваше Тих. 250 об.; при чередовании /ч/ ~ /к/ -тьпча – потъп⁴коваха Тих. 62 об.; также и -слабна – ослабновать Тих. 318 об. От глаголов II спряжения образованы следующие ВИ с чередованиями /с'/ ~ /с/: -силя – насиловате Тих. 298, присилова Тих. 282 об.; /п'/ ~ /п/: -сипя – сыповать Тих. 197 об.; /с'/ ~ /с/: -меся се – смъсоват са Тр. 95. От глаголов III спряжения образованы следующие ВИ с суффиксом -/ова/-: се опитова Кпр. 32, мартврийсова Тих. 161 об., послышоваме Тих. 167 об.

Очень ограниченное число ВИ с -/ова/- при огромном количестве представленных в дамаскинах ВИ с другими суффиксами говорит о том, что этот тип ВИ в болгарском литературном языке XVII в., согласно данным обследованных дамаскинов, находился на периферии имперфективации. Наряду с приведенными здесь ВИ с данным суффиксом гораздо чаще употреблялись ВИ, образованные от тех же производящих глаголов с помощью других суффиксов имперфективации.

Вторичные имперфективы с суффиксом -/ева/-

Суффикс имперфективации -/ева/- встречается в небольшом числе ВИ в Тихонравовском и Копривщенском дамаскинах. Наличие ВИ с ударением на первом слоге суффикса дает основание, как и в случае с -/ова/-, рассматривать и -/ева/- как самостоятельный суффикс имперфективации. С помощью этого суффикса образованы ВИ только от глаголов II спряжения: -веля – повелевам Кпр. 428, повелевам Кпр. 395, въскреся – въскрѣсеваше Тих. 258 об., въскрѣсеваше Кпр. 463; -градя – зг⁴радеваха Тих. 312; -губя – погубевашь Кпр. 281; загубева Кпр. 453; -разя – поразеваше Кпр. 281; -толя се – се стопевать Кпр. 364; укротя – укротева Кпр. 388; -търпя - прѣтърпевах⁴те Кпр. 353; утеша се – утѣшевам Тих. 258 об.

Вторичные имперфективы с суффиксом -/ива/-

Вторичные суффиксы с данным суффиксом представлены только следующими примерами из Тихонравовского дамаскина - заспивать 318 об., образованного от заспя, и помыслить 255 об., образованного от помисля, и из Копривщенского дамаскина помисливать 456 (от помисля), удариваше 448, образованного от удара.

Мнимые вторичные имперфективы

Мнимыми, как сказано выше, являются такие имперфективы, которые образованы суффиксацией глаголов несовершенного вида. В новоболгарском литературном языке XVII в. к ним относятся глаголы движения типа *отходам*, *наносувам*, образованные не от глаголов совершенного вида типа *отида*, *нанеса*, с которыми они составляют видовую пару (*отида* – *отходам*, *нанеса* – *наносувам*), а от глаголов несовершенного вида типа *отходя*, *нося*. Регулярными ВИ от глаголов совершенного вида типа *отида*, *нанеса*, *изведа*, *изляза* и др. являются имперфективы, содержащие исходную основу этих же глаголов (-*ида*, -*неса* и др.) и суффикс имперфективации. Таковы рассмотренные выше ВИ типа *възведувам*, *донасувам*, *излязувам*, облякувам с суффиксом имперфективации *-/ува/-* и единичные ВИ с суффиксом *-/ова/-* типа *изнесувам*, *влязовам*. Наряду с ними в болгарском литературном языке XVII в. употреблялись и имперфективы типа *отходя*, с основами *водя*, *-лазя*, *-нося*, *-ходя*, *-влача* – регулярное наследие старых имперфективных глаголов типа *отходити*. Так, только глаголы с основой *-ходя* (*отходя* и др.) в Тихонравовском дамаскине употреблены 59 раз, в Копривштенском – 38, Троянском – 39 раз. Для иллюстрации имперфективного значения данных глаголов приведем несколько примеров: И той пойдё при тѣх и рѣ имъ: кыдѣ штходите мой братіа. И тїе ѿ рекоше, штходжамъ въ Мирилику Тих. 151 об.; пример очень показателен и для иллюстрации лексического тождества имперфективов *отходя* и *отходам*; см. также: оти и землѧти приноси плодъ на сѣка година Кпр. 176; и начѣ шнъзы дїаволь змѧ да излазы изъ него Кпр. 68.

Глаголы типа *отходя* оставались имперфективными коррелятами видовых пар, перфективными членами которых являлись глаголы с соответствующими парными основами *-ида*, *-неса* и др. (срв. в русском *уйти* – *уходить*, *выйти* – *выходить* и др.). Впоследствии в болгарском языке (в отличие от русского и других славянских языков) они сузили свое употребление. В литературных текстах XIX в. они встречаются уже очень редко, в современном литературном языке их нет (если не считать редких случаев употребления глаголов *подходя*, *изходя*, не без основания рассматриваемых как русизмы в

этом языке), но они еще продолжают употребляться в современных говорах, преимущественно западных, некоторых балканских и крайних юго-восточных⁴³. Постепенная утрата данных имперфективов вызвана в болгарском языке сильной тенденцией к унификации морфологического типа глаголов несовершенного вида, выступающих в качестве имперфективного члена видовых корреляций⁴⁴. Унификация здесь заключается в образовании глаголов несовершенного вида путем суффиксации даже от глаголов несовершенного же вида: старые приставочные имперфективы типа *отходя*, приносясь оказывались слабо маркированными в видовом отношении и потому подверглись, подобно приставочным перфективам, суффиксации⁴⁵, образовав мнимые ВИ типа *отходам*, *наносувам*.

В дамаскинах XVII в. встречаются имперфективы такого типа, образованные от глаголов несовершенного вида с основой *-ходя* с помощью суффикса *-/а/-* при чередовании */д'/~ /жд/* – *доходжа* Тих. 168 об., *штходжамъ* Тр. 142, *прѣходжа* Тр. 22, *проходже* Тих. 241 об., *прѣходжать* Тих. 226; *-лазя* – *излазватъ* Тр. 339; *-гоня* с помощью суффикса *-/ува/-* – *изгонювахъ* Кпр. 73, *си прогонювал* Кпр. 73 и с помощью суффикса *-/ава/-* – *изгонѣвахъ* Тр. 151; *-нося* с помощью суффикса *-/ува/-* при чередовании */с'/~ /с/* – *наносвашъ* Тр. 25; *-влача* с помощью суффикса *-/а/-* – *шблачахъ* Тих. 200 об. Такой тип имперфективов наиболее широко представлен глаголами на *-ходам* (*отходам* и др.); в Тихонравовском они встречаются 79 раз, в Копривштенском – 37, в Троянском – 34 раза. Имперфективы с другими основами встречаются в дамаскинах еще очень редко (в единичных случаях).

Нужно отметить, что, кроме имперфективных глаголов типа *отходя*, в дамаскинах представлен и глагол такой же структуры *проводя*, имевший значение совершенного вида 'проводи (время)', 'проводить (куда-нибудь или докуда-нибудь)', например: И така проводи дните свой тѣка на землѧ а тамо наидѣ голъмъ покой Тих. 57; И архіепк^Спъ проводи го да си пойде Тих. 129 об. От этого глагола регулярно образуется ВИ *проваждам* с помощью суффикса *-/а/-* при чередовании */д'/~ /д/* и */о/~ /а/*, например: така проваждахъ дните си Тих. 168 об.; *проводашъ* ны въ мъката Тих. 205 об.

Таковы вторичные имперфективы, выступающие в новоболгарском литературном языке XVII в. Сопоставляя их с тем, какие типы ВИ представлены в современном литературном языке, следует заключить, что важнейшей отличительной особенностью вторичной имперфективации в новоболгарском языке XVII в. было широкое образование ВИ с суффиксом *-/ува-* от глаголов всех трех спряжений и сравнительно узкое (еще ограниченное, как правило, определенным типом исходных перфективных глаголов I спряжения) образование ВИ с суффиксом *-/ва-*. Другая особенность – довольно широкое образование мнимых ВИ от глаголов движения несовершенного вида с основой *-ходя* (*отхождам* и др.) при еще редком образовании и употреблении ВИ такого типа, произведенных от глаголов движения с другими основами. Третья особенность состоит в относительно часто встречающихся ВИ с основами на л-эпентетическое, типа *оставляем*. Наконец, заметна значительная вариативность ВИ, образованных от одних и тех же основ с помощью разных суффиксов имперфективации.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Маслов Ю. С. Грамматика болгарского языка. М., 1981, с. 203.
2. Указ. соч., с. 210.
3. См. ее раздел "Видове на глагола" // Грамматика на съвременния български книжовен език. Т. 2. Морфология. София, 1983, с. 264.
4. Указ. соч., с. 263.
5. Указ. соч., с. 264.
6. Андрейчин Л., Попов К., Стоянов Ст. Грамматика на българския език. София, 1977, с. 216.
7. Стоянов Ст. Грамматика на българския книжовен език. Фонетика и морфология. 3-то изд. София, 1980, с. 350.
8. Маслов Ю. С. Указ. соч., с. 203.
9. Грамматика на съвременния български книжовен език, с. 264.
10. Молошная Т. Н. О морфологических средствах глагольной имперфективации в русском языке в сопоставлении с болгарским // Структурная типология языков. М., 1966, с. 146–149.
11. См., например: Младенов М. Говорът на Ново село Видинско. София, 1969, с. 85–87; Ралев Л. Говорът на село Войнягово, Карловско // Българска диалектология. Проучвания и материали. Кн. VIII. София, 1977, с. 37–39.
12. Маслов Ю. С. Указ. соч., с. 210.
13. Указ. соч., с. 208–209.
14. Венедиков Г. К. Морфологические типы видовых корреляций глаголов движения в болгарском языке // Краткие сообщения Института славяноведения АН СССР, вып. 30, 1961, с. 99.

15. Подробнее об этом см.: Венедиков Г. К. Указ. соч., с. 91–98.
16. Маслов Ю. С. Морфология глагольного вида в современном болгарском литературном языке. М.–Л., 1963, с. 147.
17. Попова Т. В. Глаголовое словоизменение в болгарском языке. Морфонологический аспект. М., 1975, с. 195–198.
18. Грамматика на съвременния български книжовен език, с. 264.
19. Там же.
20. Стоянов Ст. Указ. соч., с. 357–358.
21. См., например: Маслов Ю. С. Грамматика болгарского языка, с. 205 – 207.
22. Пашов П. Българският глагол. I. Класификация. Видообразуване. Словообразуване. София, 1966, с. 71.
23. Пашов П. Указ. соч., с. 80.
24. Маслов Ю. С. Грамматика болгарского языка, с. 206.
25. Стоянов Ст. Указ. соч., с. 350.
26. Пашов П. Указ. соч., с. 71.
27. Маслов Ю. С. Грамматика болгарского языка, с. 203; Маслов Ю. С. Морфология глагольного вида..., с. 143; Пашов П. Указ. соч., с. 72 – 86; Венедиков Г. К. Относно наставките за имперфективация в съвременния български литературен език // Български език, 1960, кн. 2–3, с. 129; Грамматика на съвременния български книжовен език, с. 264; Стоянов Ст. Указ. соч., с. 350; Аронсон Г. Морфонология болгарского словоизменения. М., 1974, с. 122 и др.
28. Андрейчин Л., Попов К., Стоянов Ст. Указ. соч., с. 216.
29. В более старой литературе называется от двух (-а-, -ва-) до семи (-а-, -я-, -ва-, -ава-, -ыва-, -юва-) самостоятельных суффиксов имперфективации, а некоторые из них отдельными грамматистами рассматриваются как варианты других (например, -я- –вариант суффикса -а-, -юва- – вариант суффикса -ува-). Такой разнобой в перечне суффиксов определяется главным образом смешением графики и фонетики. Например, в изброявам выделяется суффикс -ява-, т. е. *-/јава/-*, между тем как согласный */ј/* здесь – конечный согласный перфективной основы */изброя/*, а не начальный элемент суффикса. Критический анализ существующих точек зрения на состав суффиксов имперфективации в современном болгарском литературном языке см. в статье: Венедиков Г. К. Относно наставките..., с. 116–129.
30. Исащенко А. В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким. Ч. II. Братислава, 1960, с. 179.
31. Молошная Т. Н. Указ. соч., с. 146.
32. Пашов П. За основите при глаголното формообразуване в съвременния български книжовен език // Пашов П., Ницолова Р. Помагало по българска морфология. Глагол. София, 1976, с. 56.
33. Пашов П. Българският глагол, с. 72.
34. Пашов П. Указ. соч., с. 78.
35. Бояджиев Т. Говорът на с. Съчанли, Гюмюрджинско. София, 1972, с. 137.
36. Бояджиев Т. Указ. соч., с. 135.
37. Бояджиев Т. Говорът на тракийските преселници в с. Орешник, Елховско // Българска диалектология. Проучвания и материали. Кн. IX. София, 1979, с. 50–51.
38. Молошная Т. Н. Указ. соч., с. 147.

39. Маслов Ю. С. Морфология глагольного вида..., с. 144.

40. Там же.

41. Подробнее об образовании ВИ с разными суффиксами имперфективации см.: Пашов П. Българският глагол, с. 72–85; Маслов Ю. С. Грамматика болгарского языка, с. 204–207; Стоянов Ст. Указ. соч., с. 350–359 и др.

42. См., например: Маслов Ю. С. Грамматика болгарского языка, с. 232, сноска; Пашов П. Българският глагол, с. 118.

43. Венедиков Г. К. Морфологические типы видовых корреляций..., с. 85, 98.

44. Андрейчин Л. Към морфологичната характеристика на видовата система в съвременния български език // Славистичен сборник. Т. I. София, 1958, с. 260.

45. Подробнее см.: Венедиков Г. К. Морфологические типы видовых корреляций..., с. 97–98.

ИЗ ИСТОРИИ СЛОВАРНОГО СОСТАВА

КНИЖНОГО БОЛГАРСКОГО ЯЗЫКА

НА НАРОДНОЙ ОСНОВЕ XVII ВЕКА

Г. П. КЛЕПИКОВА

В истории болгарского литературного языка (ЛЯ)¹ внимание исследователей привлекают, среди иных, и проблемы, связанные с изучением такого важного аспекта, как континуитет в развитии ЛЯ, т. е. непрерывность болгарской книжно-языковой традиции в преднациональный (=предвозрожденческий) период, отличительной особенностью которого является широкое распространение дамаскинов², в том числе написанных на книжном языке на народной основе (КЯНО). В настоящее время эти проблемы получили принципиально новое решение в трудах Е. И. Деминой³, впервые предложившей в пользу идеи континуитета болгарского ЛЯ систему аргументов социолингвистического характера. Позволим себе кратко воспроизвести эти аргументы.

1. Болгарский ЛЯ понимается как особое историко-культурное (=социо-культурное) явление, состоящее "в самом факте наличия у болгарского народа в послекирилловско-методиевскую эпоху специально обработанного наддиалектного письменного (или также и устного на основе письменного) идиома, или ряда таких идиомов, функционирующих как средство цивилизации и обслуживающих общение в сфере достаточно высокой культуры"⁴.

2. Болгарский ЛЯ понимается как инвариатное целое, динамический объект, представленный в виде конкретно-исторических форм, реальных коммуникативных единиц (= "литературных идиомов" [ЛИ]), "исторических типов" ЛЯ и различающихся, как социолингвистический феномен, объемом функций, степенью нормированности и распространенности, наличием разновидностей и др.

Таким образом, в свете указанных положений, континуитет болгарского ЛЯ усматривается в том, что на всех этапах своего существования последний "обслуживает одну и ту же историко-этническую общность и развивается на базе живого

языка этой общности", "то удаляясь (в силу ряда причин⁵) от него, то вновь сближаясь с ним; иными словами: "... в истории Болгарии в послекирилло-методиевскую эпоху нельзя назвать такого периода, когда бы отсутствовали какие бы то ни было состояния болгарского по своей основе литературного языка"⁶.

Идея континуитета в развитии феномена ЛЯ не противоречит признанию возможности переломных моментов в его истории, связанных с кардинальными сдвигами, выражающимися в резком подтягивании традиционно сохраняемых норм ЛЯ к реальному положению в современном ему народном языке, который испытывал на протяжении веков важные преобразования в грамматическом строе и словарном составе: "диалектическое сочетание непрерывности в развитии болгарского литературного языка... со скачком, переломом в его развитии на рубеже XVII в. – таким представляется нам процесс его развития"⁷.

В трудах историков болгарского ЛЯ содержится значительное число наблюдений (в области графики и орфографии, морфологии, синтаксиса, лексики), которые служат надежной базой для подлинно диалектического рассмотрения проблемы континуитета. В контексте данной проблематики представляется существенным изучение языка дамаскинов (прежде всего новоболгарских типов), поскольку он, с одной стороны, является "резерватом традиционных книжных выразительных средств", из которого "в литературный язык Возрождения и мог переходить ряд устоявшихся орфографических, грамматических, словообразовательных и лексических элементов, в свою очередь проникших в язык новоболгарских дамаскинов из среднеболгарской письменной традиции"⁸. С другой стороны, язык дамаскинов позволяет детально изучить истоки конкретных решений, представленных в отдельных ЛИ эпохи Предвозрождения и далее – Возрождения. Таким образом, язык дамаскинов играет роль "связующего звена" между традиционным ЛЯ и языком эпохи Возрождения, – именно в нем реализовалась идея создания ЛЯ на основе синтеза традиционных и народных средств.

* * *

Изучение соотношения параметров "континуированность ~ дискретность (и – resp. – скачкообразность)" в развитии ЛЯ сводится к уяснению того, каким образом конкретно

манифестирувалось указанное динамическое единство объекта (=ЛЯ) в различных языковых уровнях и в различные периоды развития ЛЯ в Болгарии. При этом можно полагать, что именно уровень лексики, точнее изучение словарного состава (СлС) новоболгарской письменности XVII (и XVIII) вв.⁹ позволяет осветить – во всей сложности и неоднозначности – "эволюционный" аспект в развитии болгарского ЛЯ, которое раскрывается как (1) постепенное накопление в книжном языке новых лексических элементов (проникавших из народного языка и заимствуемых из других языков, прежде всего балканских), как (2) постепенная утрата и исчезновение из письменного языка тех или иных лексем (иногда с сохранением их на периферии современного ЛЯ или только в диалектах, иногда – без каких-либо следов в современном болгарском национальном языке), – разумеется, при (3) сохранении в течение длительного времени (иногда – от послекирилло-методиевской эпохи до современности) обширного пласта лексем, принадлежащих к основному словарному фонду (=общеупотребительная лексика), а также значительного слоя так называемых "книжных слов".

Постановка и решение общей задачи – изучения СлС болгарского КЯНО XVII в. (а в дальнейшем – создание фрагмента болгарской исторической лексикологии) могут быть представлены в виде суммы решений ряда частных задач: (1) установление (и уточнение) самого объема словаря КЯНО (параллельно – изучение истории отдельных лексем); при этом словарь КЯНО трактуется как совокупность лексических единиц, с одной стороны, зафиксированных в доступных изучению рукописях того времени, и, с другой, – как результат опыта "восстановления" эвентуально существовавших в КЯНО, но отсутствующих в рукописях лексем (в частности, на основе анализа дериватов, словосложений и под.). Следовательно, в понимании СлС КЯНО как "открытой системы" запрограммирована релятивность последовательно (на отдельных этапах изучения) формулируемых выводов относительно лексики КЯНО. (2) Выработка количественной характеристики СлС – установление общей численности лексем, числа словоупотреблений в каждой рукописи и суммарно – во всем корпусе памятников. (3) Сопоставительный анализ единиц СлС, включающий изучение лексических дублетов и вари-

антов¹⁰, прежде всего в рамках аутентичных контекстов (=принцип сопоставления текстов одних и тех же Слов дамаскинов и т. п.), описание гапаксов различных типов. (4) Анализ зафиксированных в КЯНО лексем – в плане их происхождения (исконные заимствованные) и времени проникновения (=фиксации) в книжный язык, т. е. временная стратификация соответствующих элементов. (5) Изучение дифференциации СлС и выявление лексико-семантических групп, устанавливаемых в соответствии с собственно лингвистическими критериями (единство корневой или аффиксальной морфем) и т. д.

Всестороннее изучение указанного выше круга проблем требует привлечения обширного материала; целесообразно при этом иметь в виду не только прямые, но и косвенные источники изучения СлС. Непосредственным источником данных о СлС КЯНО являются рукописи XVII (XVIII) вв., прежде всего дамаскины. Число рукописей этого типа весьма велико, однако практически доступными оказываются всего лишь несколько, опубликованных до настоящего времени, текстов. Именно это обстоятельство делает необходимым привлечение возможно большего количества косвенных источников: учет данных греческого оригинала ("Сокровище" Дамаскина Студита), данные древних славянских языков (в том числе данных языка славянских рукописей X–XI вв.), сведения из письменного болгарского языка следующих за Предвозрождением эпох, вплоть до современного болгарского языка (а также из современных диалектов), данные иных славянских языков (привлекаемые в сопоставительном и историко-этимологическом планах). Реализация намеченной выше программы-максимум при изучении СлС КЯНО предполагает также всемерный учет опыта теоретических и практических подходов, реализованных в лексикологических исследованиях славянских книжных языков.

В области изучения СлС КЯНО уже получены важные результаты; упомянем прежде всего соответствующий раздел в т. 3 монографии Е. И. Деминой¹¹, где проанализирован богатый материал дамаскинов различных типов (в том числе еще неопубликованных), а также тщательно учтен современный диалектный материал, прежде всего лингвогеографический (данные БДА).

Очевидно однако, что в настоящее время нереально ставить задачу изучения СлС КЯНО в полном объеме (см. выше) – в силу ограниченности прежде всего исследовательской базы. На начальной стадии, по-видимому, следует ограничиться описанием истории и функционирования отдельных лексем и где это возможно – некоторых лексических групп (имея при этом однако в виду весь комплекс проблем). В этой связи представляется полезным рассмотреть на ряде примеров один из возможных подходов к решению сформулированных выше задач¹².

1. В качестве "точки отсчета" берется состояние болгарского ЛЯ, которое манифестируено КЯНО (XVII–XVIII вв.) – данные Тихонр. и сопоставляемых с ним дамаскинов: Троян., Копр. (1 нбт), Любл. (2 нбт), Свищ. (4 нбт); на данном этапеказалось невозможным последовательное привлечение фактического материала из дамаскинов, написанных на церковнославянском языке (XVI – начало XVII вв.)¹³.

2. "Ретроспективный" аспект: учет данных древних памятников классической и средневековой славянской письменности (по словарям).

3. "Проспективный" аспект: учет данных современного болгарского национального языка в двух его основных формах – ЛЯ и народные идиомы (прежде всего диалекты).

4. Сопоставительный и историко-этимологический аспекты изучения СлС КЯНО.

В данном сообщении, на материале лексем, имеющих низкую частотность, рассматриваются некоторые типичные для истории СлС болгарского ЛЯ ситуации, представляющие как тенденцию к сохранению непрерывности, преемственности книжной традиции, так и тенденцию к эволюции.

1. Лексемы, фиксируемые с X–XI вв. до настоящего времени.

ланита: *оударень бысть за ланитъ (=‘щеку’)* ... *иа ко бъ ёс за ланитъ біюще его* (Тихонр., с. 333, 337; Троян., Копр., Любл., Свищ.–). Ср.: *и чрѣво. и поутъ. и ланитъ* (XV в. – Кост. 533). Первые фиксации: ланита 'челость, щека' (ев., Евх., Сав., Клоц., Супр.; Праж. л., парим., Жит. Конст. XV в. – SJSS 106–7; 'то же' – Sadnik-A. 50, № 441; ср. Mikl. Lex. 332; Вост., 195). Далее: ланита 'mala' (Даничић II, 4), *lanitva* 'челость, щека' (Gebauer II, 205), ланита 'щека' (Изб. Св. и др.), 'челости'

(летописи XVI–XVII вв.) (Сл. р. яз. XI–XVII вв. 8, с. 169; ср.: Срезн. II, 8). В современном болгарском языке: ланита (книж., устар.) 'щека' (ПРОДД 233), ланита, лан'ты 'то же' (Геров 3, с. 4), ланита, ланта (обл.) 'то же' (БТР 341; РСБКЕ 2, 7), диал. (родоп.) ланита, ланта, ланъти и под. 'то же' (БЕР 3, с. 307; ср. БДА III, № 285; Иванов № 189 и др.); хорв. lanita 'то же' (о. Црес – Tentor 74; ср.: ланита (арх., поэт.) 'щека', ланито 'часть щеки' (PCA 11, с. 218), словен. lanita 'щека' (Plet. I, 499; Bezljaj II, 123; рус. ланита 'щека' (устар., поэт.) (ССРЛЯ 6, с. 55; см.: Фасмер II, 457). – Эт.: из праслав. *olnita, родств. гр. ὄλευσις, лат. ulna (< *olna), гот. aleina и др. (БЕР; Sławski II, 460; Фасмер; так же – Sadnik-A. и др.: иначе – из и.-е. *lān- [.*la-m=], ср. лат. lammina, lamna, др.-инд. rārāta, lalāta и др. – Младенов 270).

Луна: на бóговете свой артемидь ... сирчъ ляна (=имя собственное)¹⁴ ... лянатा (=‘луна’) || стане пъдо, слънцето (Тихонр., 140, 257-8; ср.: мѣсѧцъ не ще векю да свѣти – с. 71, также 214, 216, 246, 248, 280, мѣсечина – с. 198); ср.: Троян, с. 183, Свищ. с. 248 – только имя собственное, Копр. – оба значения (с. 89, 107); Любл. – . Ср. и: лоуна посрѣдъ звѣзды ... лоуны (XVI в. – Кост. и с. 413, 243). Фиксируется с X в.: лоуна 'луна' (ев., пс., Евх., Супр. – Sadnik – . A. № 485; ср.: SJSS 17, 139; Mikl. Lex. 34; сюда же: лоуна не даетъ свѣ... [XI в.] – Минчева, 48). Далее: лоуна, крѹгъ ляни (Даничић II, 25), luna 'луч, заря', 'месяц' (Gebauer P, 289), luna 'отблеск сильного света, огня; отблеск света на ночном небе', 'месяц' (с XIII в. – Sl. stp. IV, 129), лоуна, люна, луна и др. 'то же' (SJSS), лоуна, ляноу и др. (Усп. сб., с. 40, 140, 306 и др.), луна 'луна, месяц', 'небесное тело, комета' (Сл. р. яз. XI–XVII вв. 8, 305; Вост. 201; Срезн. II, 54).

В современных южнославянских языках слово в значении 'луна, месяц' практически отсутствует; известно литературным языкам (как "поэтическое"), при этом квалифицируется как заимствование из латинского (Sławski V, 311; БЕР II, 510 и др.); см.: болг. луна 'месец като небесно тяло' (БТР 358; РСБКЕ 2, 34), мак. луна (PMJ), с.-хорв. луна 'тоже' (в песнях), 'свет луны', 'полумесяц', 'месяц (~30 дней)' (обл. Бока), 'радуга' (Хорв.), 'непогода' (обл. Лика) и под. (PCA 11, 629; PCXKJ; RHSJ т. VI, 217.), словен. luna 'месяц' ('небесное тело') (Plet. I, 539), в литературном языке – 'то же' и '(лунный) месяц'

(‘отрезок времени’) (SSKJ II, 653); из неславянских языков зоны Балкан см.: рум. lună 'луна, месяц' (DLRLC II, 794); диал. lună 'то же' – ALR sn III № 804–806, V № 1398 и др.), арум. lună 'то же' (Papahagi 542) и под.

В северославянской зоне: рус. луна 'луна' и др. (ССРЛЯ 6, 395) 'то же' и '(лунный) месяц' и под. (Даль II, 707), диал. луна 'луч света', 'освещенное лучами света небо; зарево' (СРНГ 17, 193; сев.-рус. лунить 'рассветать', 'светиться', лунеть 'рассветать' – там же; ср. также омонимы), слвц. luna (поэт.) 'луна', 'месяц' (=30 дней) (Isačenko; SSJ), чеш. luna 'то же' (PSJČ),польск. диал. luna, չոպа, кашуб. lūpa 'краснота огня' (Sławski; ср. SJP, , SJP₂; см. также полаб. laune 'луна' и др. – Polański 2, 315). – Эт.: слово считается праславянским – *luna 'свет, блеск, отблеск; месяц' (praslav. диал. 'радуга' – Sławski и др.); точные соответствия: лат. luna, прус. lauxnos, др.-ирл. luan и под. < и.-е. *lauk-s-nā//*louk-s-nā (:leuk-s-па) и т. п. (Фасмер II, 533; ср.: БЕР; Skok II, 331; Младенов 280; Machek 278; Sadnik-A. № 185; далее – Pokorný 657-8; подробнее об этом: Топоров [I, с. 180 и сл.]; о болг. луна 'буря', 'пятно', рус. луна 'смерть' и др. – БЕР; Фасмер; Sławski; Bezljaj. Eseji 125; Куркина 42–43 и под. Ср. и: ЭССЯ 16, 173.

капище: ωτидѣ царь въ кашице бoga аполона (-'храм'), ... и напрѣви єв'доziа црца кашице ѹдол'ско..., акашиата 'ёлин'ски, кашица єллин'ски мнѡго бѣхъ наѣзиша рхia ... єдно кашице єл'линско голъмо тврдъ ... така бы за кашиата, ... онова кашице (Тихонр. 79, 147, 140, 168, 169, 178; ср. в том же значении: чёрковище – с. 308, 309). Ср. в Троян.: кашице бoga аполона, ... кашица ѹдолски ... кашица ... на съко кашице, ... оніа кашица (с. 55, 82, 183); Копр.: кашице идол'ско, ... кашиата елин'ски, ... на съко кашице, ... оніа кашица съборюаха се (с. 66, 89, 100); только в Свищ.: в едно кашице єленско, ... кашишето, ... бѣ на кашиши, запали кашишу ... да изгори кашишу, ... в кашишите рей (с. 129, 130, 152, 296; отмечается и: черковище – с. 248); Любл.: – .

Слова с корнем кап- фиксируются, начиная с древних славянских памятников, ср.: карь 'Abbild', kapište 'Götzenbild, ~ tempel' (Супр. – Sadnik-A. 44), капь 'облик, сходство', кашице 'статуя, идол' (Супр.), позднее – 'языческий храм' (Жит. Венц. XVI в. – SJSS 15, с. 14); далее – кашице 'altare' (Дани-

чић I, 439; ср. и: кыпъ 'vultus, persona' – с. 520); также: каль 'imago' (Экз., XIII в., рус. – XV в.), 'statua' (рус. XVI в.), 'deus, dolus' (XVI в.), 'susceptaculum' (Экз., XIII в., рус. – XV в.), 'vagina' (XVI в.), 'talantum' (XVI в.) (Mikl. Lex. 283; Вост. 169; Срезн. I, 1195), калиште 'delubrum, altare, statua' (серб. – XVI в.), 'signum, columna' (XVI в.) и др. (Mikl. Lex.; Вост. 168, Срезн. I, 1192-4); также: калище 'алтарь' (XII–XVII вв.), 'изображение языческого божества в виде статуи' (XV в.), 'вместилище' (Экз., XIII в.); ср. и: каль³ 'вместилище' (XIII в.), 'ножны' (XV в.), 'надкрылия у жуков' (Экз., XIII в.), каль⁴ 'образ, изображение' (XII–XIII вв., XV вв.), 'золотая или серебряная монета' (XVI в.), но и: каль² 'весовая единица для веска' (XIII в.), 'весовая образцовая гиря' (XIII в.) (Сл. р. яз. XI–XVII вв. 7, с. 64–69).

Редко в современных славянских языках (чаще – как книжное, устаревшее слово); ср.: болг. калище 'церковь' (Геров 2, 348), 'языческий храм' ("устар." – РРОДД 189; без пометы – БТР 279; РСБКЕ § 584), с. – хорв. kapiti (как будто только в: RHSJ IV, 844, цитата из старых памятников); как заимствование из ю.-слав. – рум. căriște (устар. – Tiktin I, 285). Далее: рус. калище (устар.) 'языческий храм', (перен.) 'святилище, храм' (ССРЛЯ 5, 781; ср. и: 'место нахождения "капов", т. е. изображений идолов; языческий храм' и под. – Даль 2, 211), укр. калище 'калище' (Гринч. II, 217), 'языческий храм' (СУМ IV, 93). – Эт.: kapište (и карь в близких значениях) обычно связывается с прабулг. *kär' 'картина, образ' (ср. соответствия в чувашском, уйгурском, алтайских, также тюркских языках в: Sadnik-A.; Фасмер 2, 185; Младенов 231; П. Юхас – Palaeobulg. 1981, № 2, с. 3 и сл.; Skok II, 38 и под.); иногда карь 'вместилище, ножны' и др. определяется как исконнославянское (*каръть – ЭССЯ 9, 151); решительно против И. Добрев в: БЕ 1983, № 2, с. 138), считающий и.-е. соответствия неубедительными и возводящий карь к общетюрк. кап 'мешок' (ср.: Радлов П., ч. I, ст. 400; так же см.: БЕР 2, 220).

Ia: Лексемы, отмеченные в древних славянских памятниках письменности, но не сохранившиеся в современных южнославянских языках.

коно́бъ: да | ѹлѣзътъ ѹ | ѡнъзи шгнѧ́ || ныи коно́бъ (=орудие, пытки в виде металлического раскаленного быка¹⁵), ... и тамъ | си прѣдаоха бѣ дѣшъта ... и | ѡтвориха ѡнъзи коно́бъ... и | по-

велъ царь да || гы izzavádътъ отъ коно́бътъ (Тихонр., с. 79–80); Троян.: онъзи коно́бъ ... отъ коно́бътъ (с. 57; там же: оу онъ օғնънъны котель); Копр.: օғнаный коно́бъ... онъзы коно́бъ (с. 170–171 и др.). По наблюдениям Е. И. Деминой, в Кост. слово употребляется чаще (Демина 3, 211). Ранние фиксации: коно́бъ 'котел' (псалт., Супр., Парим., Син.: коно́бъ, коно́бъ, однако коно́бъ и 'печь', и 'clibania' – жит. св. Вита – SJSS 15, с. 45; коповъ 'Waschbechen' – Син., Супр. – Sadnik-A.); также: коно́бъ 'pelvis' (Даничић I, 470), вънъ ис коно́бъ кыпачи (Патерик XIII в.–XIV в. – Николова 239); ср. и: коно́бъ ('котел') (XV, XVI вв.), коно́пъ (серб. – XVI в.) и др. (Mikl. Lex. 306; ср.: Вост. 177); далее – коно́бъ, коно́бъ 'горшок, таз' (Срезн. I, 1269), 'большой металлический сосуд, котел', 'лохань' (Усп. сб. XIII в. лл. 128 в, г) и др. (см. Сл. р. яз. XI–XVII вв. 7, 278; там же – коно́въ 'металлический сосуд' [XVII в.], с. 279)¹⁶. Из славянского было заимствовано в румынский: сопов 'котел' (XIII–XVII вв. – Rosetti. ILR IV–VI, р. 325). В современных южнославянских языках как будто отсутствуют продолжения коно́бъ(-бы) (ср., правда: spili su ga tri kopove vina – нар. песня Истрия – RHSJ Y, 268; с пометой, что копов 'вид сосуда' – лишь в памятниках письменности и старых словарях: Даничић, Stulli); в северославянских языках – только рус. диал. коно́б 'кринка, кувшин; умывальник, жбан' (тамб., зап., калуж.), коно́б 'большой берестяной кузов, который носят за плечами' (томск.), ср. и вариант коно́ба и др. (Филин 14, 259, ср. и: Даль 2, 284). – Эт.: в качестве пробного этимологизирования относят коно́бъ и под. в.-славянские формы к *копу, *копъве (< ср.-в.-нем. каппе – ЭССЯ 10, 196 и сл., остальные этимологии признаются "фантастическими"); о неясном, "темном" происхождении – Sadnik.-A. № 358, ср.: Вегнер-кер I, 558; Фасмер II, 311; БЕР 2, 591 и др.); не исследовалась подробно иная версия: коно́б < ср.-лат. canabus (RHSJ V, 268), при этом следует учитывать наличие хорв. konoba 'подвал', 'корчма' (с XV в., из ср.-лат. canaba), коно́ба 'то же' (PCA 10, 132; там же – производные; сопоставляется с ит. capova, ср.-лат. canava; см. также: РСХКJ 2, 824; коно́ба 'то же' – о. Црес, Нови, Хвар, konobe – о. Сусак – Jurišić 93), словен. koanova = капова 'подвал' (< лат. canaba – Plet. 431).

II. Лексемы, фиксируемые, начиная со средневековых письменных памятников и до настоящего времени.

трапъ ... да ископають трапъ (= 'яма, ров') голмѣ ... да | сѣ тѣри
бѣ| трапъ при| лѣво| вете ... нѣлѣ| го 8 трапъ тѣриха ... на| бѣн'зи
трапъ вар'ны... (Тихонр. 96, 127, 199, 229, 311; ср. и: тѣри тѣхъ
царь бѣ| си| ров ... си| рова – с. 128); Троян: имаше трапъ и
под. (с. 124–125); Копр.: трапъ голъмъ ... оу трапъ ... имаше
трапъ и трапа на львовете ... (с. 9, 43–44, 157); Любл: си| тѣри-
ха трапат и др. (с. 510–511, 559); Свищ.: на бѣн'зи трапъ ... у трап-
пот ..., от трапуть ... трапотъ и др. (с. 274, 207–8, 148). Ранние
фиксации – трапъ: до трапа срѣбъскаго (топ.) (Даничић II, 304;
ср. и трапъ [ж. р.] 'украшение для коня'); трапъ 'яма' (XVI в. –
Mikl. Lex. 999; ср. трепъ 'то же' [!] – Вост. 230); трапова (так!)
'впадина, углубление' (: съсоуды и траповы каменіемъ напол-
ни вся, траповый – XVI в. Срезн. III, 987). В современных юж-
нославянских языках: болг. трап 'ров, яма' (Геров 5, 351, там
же – производные; омонимы: трапный 'още неокопитил ... от
някакво приключение', трапчивый 'терпкий'; только трапен
[диал.] 'замаян' – РРОДД 509), трап 'естественное или выко-
панное в земле углубление, яма, ров' (БТР 571; ср.: РСБКЕ III,
423), диал. трап (и дериваты) в значении оронима 'ров, яма,
канава' (Поморийско, Габ., Плев., Пирд., Банат, Шумен, Бург,
Чирп., Ихт., Вел. Тырново, Родопы), 'ровное место на склоне'
(Троян.), 'крутое место, обрыв' (Родопы), 'пересеченная мест-
ность' (Габр.), 'лунка для посадки картофеля' (Троян.) 'лунка
(в детской игре), (Шумен), и др. (Григ. 222); ср. и: трап 'грани-
ца между нивами' (долина р. Доспат – БДА. Иванов, № 205);
мак. трап 'яма, ров' (PMJ III, 394); с.-хорв. trap '(выкопанная)
яма', 'яма для картофеля' (герц., хорв., далм., черногор., Дуб-
ровник), топонимы (герц., Княжевац) (RHSJ 77, с. 533); там
же – 'часть телеги'), ср.: 'сад' (Сплит), 'земля для виноград-
ника' (обл. Паштровичи) (Skok III, 491; не связаны с указанными: 'хомут', 'шлагбаум'); лексема как будто неизвестна словенскому в значении оронима (Plet. – лишь trap, trabje 'часть бока телеги', trap 'дурак' и под. [II, 681]; см. и: Bezljaj.
Eseji 83, 153; Фасмер IV, 55). В неславянских языках Балкан:
арум. trap 'ложбина, яма' (Papahagi 1044; ср. и: trap < слав.
trap 'трудность') и алб. trap 'ров, канава', 'обрывистое место'
(Fjalor 57.; но и: 'вид парома' [?]); ср. н.-гр. τάρπεος 'яма,
канава'. – Эт.: обычно лексема сопоставляется с лит. tarpas и
под. (Младенов 637; также – О. Н. Трубачев. Сл. яз. V съезд
с. 196 и др.), против – П. Скок, связывающий trap с гр. τέρπη

'яма' < и.-е. *trūp-, ср. и н.-гр. τάρπεος > τράπειος 'ров,
канава' (III 491).
бѣлѣгъ (бѣлегъ, бѣлегъ); бѣлѣжи (белѣжъ) и т. п.: хѣ даде добрѣ
бѣлѣгъ (= 'знак') на хрѣтанете ..., ы дада| дѣхъ | имъ | бѣлѣгъ (-'то
же') на рѣкѣ дѣсна ..., ымаха бѣлѣгъ шт | печатать на | челото
(Тихонр. 208, 212, 215); также: ызѣ бѣн'зи| сре| брѣнныи бѣлегъ, ы |
пойдѣ да | го продадѣ (- [?] 'ковер', поскольку далее: щещь
продѣ тоизи срѣбрѣнныи ковер... Тихонр. 215 и 180)¹⁷; глагол
– а| ты | сега| бѣлѣжъ (= 'отмечай') мѣсто-то ..., видѣ като| белѣжи
шѣпль (там же, с. 91); Троян.: с. 51, 197, 73 и др.; Копр.: с. 133,
137, 102; Любл.: с. 483, 488, 494 и др.; Свищ.: с. 117–119, 98,
105 и др.

Фиксируется с XIV в.: белегъ, бѣлѣгъ, бѣлези 'signum',
бѣлѣжъцъ бѣлѣжъцъ (Mikl. Lex. 53; лишь бѣлѣгъ – Вост., 36);
отсутствует в: SJSS, Sadnik-A.). Далее зафиксировано:
бѣлѣгъ 'знак', забѣлѣжити 'отмечать', бѣлѣга 'pars pecoris
educati pastori debita' (Даничић I, 100, 350), бѣлѣгъ = белегъ
= билѣгъ 'знак' (Срезн. 1, 220), бѣлѣгъ 'то же' (XV–XVI вв.) и
'символ власти' (XVI в.), бѣлѣжити '克莱мить, выжигать тав-
ро' (XV–XVI вв. – Сл. р. яз. XI–XVII вв. 1, 131). В современном
болгарском языке: бѣлѣгъ [ъ] 'знак, отметина, пятно', 'следы
удара, пореза', 'признак, примета', бѣлѣга 'цель, мета', бѣлѣ-
жити и др. дериваты (Геров I, 98, с пометой "устар." – РБЕ I
551; ср. и: БТР 33; также РСБКЕ 54; БЕР I, 41), но и диал. бѣлек
'бяло бодливо зрынце – плевел в житото', бѣлѣшка 'врѣв,
конец и др., които суеверият минувач оставя на чешма...' –
(Родопы – БД II, 128). Также: с.-хорв. biljeg, biliega (XIV в.),
bjeljeg (Черногория) 'знак', 'устар.' terminus; ср. и дерива-
ты: biligati – Далм., bilježati – обл. Пива и т. д. – Skok I, 150;
RHSJ I, 304 и сл.), бѣлегъ, белега, бильегъ 'знак', 'печать',
'след', 'пятно', 'дар' (PCXKJ I, 171), но и: bilig 'поединок' –
иного происхождения (Кпеžević 59)¹⁸; мак. белег 'знак', 'след'
(PMJ I, 29); словен. bileg, bilež = belèg 'знак, признак' (Plet. I,
17, 27), beležen (ж. р.) 'знак и др.' (с XIII в. – Bezljaj I, 16), в
литературном языке – beležen [e] 'блокнот' (SSHJ I, 114, ср.
и: beležiti, beležka). Сюда же рум. (устар.) beleag 'знак', но
алб. beleg, bejleg 'поединок' – иного происхождения (Fjalor
33, – см. и выше). В северославянской зоне: рус. диал. бѣлек
(устар., нижегор.) 'беловатый рубец на теле', 'бланк, белый
лист за подписью как полномочие предъявителя' (Даль I, 377;

см. и: СРНГ 2, 208; может быть, также – белизна 'белое пятно, ... на темной ткани или одежде' [арх.] – там же, 212); слвц. *bil'ag* 'выбитый, выпаленный знак', 'признак', *bil'agovat'* 'обозначать'; и под. (SSJ I, 94; ркп. HSSJ) < венг. *bélyeg* 'Brandmarke' (XIII в.), 'знак' (XVI в.) 'Einbrennstempel' (XVIII в.) и др. (MNyNESz I, 277); только 'признак, знак' – Kniezsa 595; SJSS II, 40; Machek¹ 32). – Эт.: считается пра-славянским заимствованием из тюрко-татарского (Мейе. Общесл. § 553; Skok I.; Machek; Младенов 27; тюрко-чагат. *bilgū*, уйг. *bälgü* и др. – Фасмер I, 147; подробнее тюркские и др. формы приведены в: П. Юхас – Palaeobulg., с. 3 и в MNyTESz); о прабулгарском источнике – БЕР; о случаях на-родно-этимологического сближения с *bělъ: Mikl. TEI. I, 263; Berneker I, 55; Bezla).

гыздав(о): едно кāпище ... и най высóко ѹ гыздаво (=‘краси-
вое’) (Тихонр. 169), Троян.: тврьдъ гыздаво (с. 183); Копр.:
най-висóко и гыздаво (с. 89); Любл., Свищ. – ; ср. в ркп. XVII в.:
ратаја имат гыздававь домоу (Мечев – Кир.-мет. ст. I, с. 142).
Ранние фиксации: гыздаeo 'comtus', гыздавиh (XV в.) (Дани-
чиh I, 248, также в XVI в.: гызыda 'lautitia, apparatus', 'огна-
ментum', гыздаво 'superbia', гыздати сA 'superbire', гыз-
дость 'superbia' (Mikl. Lex. 150), ср. и: hyzd 'Hässlichkeit',
hyzditi, hýzdě 'Hüfte' и под. (Gebauer 523). Широко пред-
ставлена лексема (и дериваты) в современных южнославя-
нских языках: болг. диал. гыздав и др. 'красивый, украшен-
ный' (сев.-вост., Родопы, зап.), также – в словарях: Геров,
РСБКЕ, БТР 92, РБЕ 3, 126), мак. гызда 'женщина, которая
любит наряжаться' (PMJ I, 96; также – дериваты); с.-хорв.
gizd, gizdav и под. 'украшенный' (также – 'красота', 'украше-
ния' и под.) (RHSJ III, 137; PCA 3, 258; PCXKJ I, 481); словен.
gizda (устар.) 'роскошь, сияние' (Plet. I, 210; ср.: SSKJ I, 684).
Общее инвариантное для этих языков значение – "мелиора-
тивное" (=‘красивый, украшенный’ и под.); в северославян-
ских языках лексема и дериваты отмечены лишь в ограниченно-
й зоне, ср. польск. gizd, 'грязь, мусор', чеш. (морав., силез.)
gyzd (: hyzd) 'скверный, отвратительный' и под., ohyzda 'от-
вращение' и др. (Machek¹ 153), общим для них является "пей-
оративное" значение. Для уточнения ареала лексем с данным
корнем важен учет восточнороманских фактов: рум. ghizdă
'красота, украшения', ghizdea, ghizdură 'разрез (на юбке)',

также – 'сруб колодца' и под. (ALR sn I, 156; IV, 1179; DLR 2,
265), молд. гизд 'сруб колодца' (ДМР 132; Скуорт 85); новые
данные (ср. ОКДА) позволяют зафиксировать "пейоративные"
значения на Славянском Юге (gizda 'грязная женщина' – р-н
Штип) и "мелиоративные" – на Севере (польск. диал. gizd
'красивый, приятный')¹⁹. – Эт.: для *gyzd- реконструируется
праслав. *gyzd-, *gyd- < и.-е. *gʷʰydh- (: *gʷʰē[u]dh-, *gʷʰō[u]dh-
*gʷʰaudh- – Pokorný I, 484) < *gʷʰu- (*gʷʰōu-, *gʷʰēu-) с расшире-
нием -dh- (Топоров [2], 231 и сл., там же – балтийские и гер-
манские соответствия; родств. *gad-, *gvazd-; о развитии zd<
d [d] – Ślawski I, 276; ЭССЯ 7, 223).

колиба: слѣзѣ ωT | колиба ||та (=‘хижина’) ѹ пойде наспорѣть
тѣ.. ωTидѣ въ | пѣстынꙗ, ѹ | напрѣви | сї колиб8 (Тихонр. 75,
151); Троян.: ωT колибата ... направи сї колиб8 (с. 50, 159);
Копр.: ωT колибата..., направи си колиб8 (с. 165, 76); Любл.,
Свищ. – . Ср. также: прїде въ колиб8... зра колибы нѣкы8 (Па-
терик XIII–XIV вв. – Николова 330, 372; см. в: БЕР 2, 555 –
фиксация колиба в Патр. Евт.); далее – колиба, кѡлибы 'tuguri-
um' (Даничиh I, 463), колиба, колибъ 'то же', колибица и др.
дериваты – Mikl. Lex. 297 (ср. и: Вост. 175); колиба 'шалаш,
шатер' (XV–XVI вв. – Сл. р. яз. XI–XVII вв. 7, 239 – при отсут-
ствии в: Срезн., где отмечено лишь колибица [?] – вм. колибица
2, 1249; нет и в: Sadnik-A., SJSS). Лексема широко представ-
лена в современных южнославянских (и балканских) языках и
диалектах, лишь в некоторых зонах – в Северной Славии
(например, в карпатском ареале). Ср. болг. колиба 'шалаш',
'маленький домик из легкого материала', 'пастушеская по-
стройка' и др., колиби 'разбросанное поселение' (также – то-
понимы, антропонимы) – главным образом, – зап., Родопы,
Троян., Ловеч, Котел, Габр. (БЕР 2, 555; см. и в: Геров, РСБКЕ,
БТР); мак. колиба 'пастушеская хижина, шалаш' (PMJ I, 341);
с.-хорв. колиба, колеба 'временная постройка', 'бедный ма-
ленький домик', 'хозяйственное помещение' (PCA 9, 794,
PCXKJ 2, 784; RHSJ V, 159, там же – топонимы); словен.
koliba 'деревянная хижина' (Plet. I.); ср. и рум. colibă 'по-
стройка для пастухов', '~ для овец', 'летняя кухня', 'укрытие
в поле' и под. (DLR; DLRLC I, 491), арум. colibă 'хижина'
(Papahagi 304, 261), мегл. colibă 'то же'; алб. kalibë, kolibë,
kel'ive 'то же' (Meyer 170; Fjalor 223; Leotti; Mann). В Се-
верных Карпатах: укр. колиба, колеба 'жилище пастуха',

'шалаш', 'хозяйственное помещение' и др. (КДА № 124; Гринч. 2, 268; СУМ IV, 221), ю.-польск. *koliba*, *koleba* 'шалаш пастуха', 'помещение для овец' и под. (AJPP № 165; Karłowicz SGP 2, 399; *SJP*, и др.), слвц. *koliba* 'то же' (SSJ I, 718), морав. *koliba* 'деревянная постройка', 'жилище пастуха' (Bartoš 151; ср. и: PSJČ, SSJČ и др.); также венг. *kaliba*, *kajiba* 'пастушеская хижина' (Kniezsa 244; MNyTESz II, 323) (подробнее о географии и семантике данной лексемы см.: Клепикова. СПТ 207 и сл.; Клепикова. 1982, с. 85). – Эт.: в славянских языках (по-видимому, через восточнороманское посредство) – из позднегр. καλύβη < др.-гр. καλυβός (см.: Бернштейн и др. – Сяз. IX съезд слав., с. 9–10; о греческих формах: Frisk 2, 768).

сълинар[ь]: да | стóрать сълинары (-'трубы') голъмы. й | да | иско | пáуть землята дльбóко, и | да | полóжеть сълина | рите, да | проходи из | тхъ водáта до | монастырь (Тихонр. 135); Троян.: да стóрть сълинаре голъми и да тврьт сълинарете да проходи из тхъ водата (с. 136); Копр.: сълинари голъмы..., сълинарите (с. 52); Любл. – ; Свищ.: да напráвать сулнары ... да угудеть сулнарите (с. 216); далее см.: соулинарь 'canalis' (соулинарь, соулирьми), соулирнами (рго соулинарьми), соунилари (rekte соулинари) (Вост. 193 – [XV в.] см. съналаръ < ?> – Срезн. III, 620, со ссылкой на: Вост.); по-видимому, ранее XV в. не фиксируется. Ср. и в документах XV–XVI вв. (территория современной Румынии): да є(ст) за хълъщає и да чини(т) сълинаре (= 'канава' < ?>) (Dict. 226). Лексема сохранилась, с существенными изменениями семантики, в современных болгарских диалектах: сулиндар 'сосулька' (Самоков – БД III, 278; Ихтиман – там же, 174), сулиндар 'то же' (Годеч, Перник – Григ. 213), также – в словарях: кроме сулинар 'ледяная сосулька', и сулиндар 1) = сулинар, 2) 'сталактит', также сулнар 'чучурка на чешмата, дулец' (Геров 5, 285; неясна связь с солиндар 'вид грибов' – там же, 218), сулинар, сулиндар 'сосулька', сулнар 'чучурка на чешмата' (Младенов 607), ср. сулинар 'сосулька' (р-н Кукуш – БД III, 336); мак. сулинар (диал.) 'дымоход', сулинар, сулиндар (диал.) 'сосулька' (PMJ III, 348); с.-хорв. сулундар 'дымоход', sulenar 'то же' (с неясными д и у) (Skok III, 360). Также арум. *sulinar* 'tuyau, tube, canal' (Papařagi 991), алб. *sulinë* 'труба, трубка (металлическая, керамическая и под.)' (Fjalor 510). – Эт.: из

ср.-гр. (дим.) *εωληνάρτεων* (> н.-гр. *εωληγάρτης* < *εωλήνη*, = *τύνας* 'tuyau, tube, tout objet cylindrique' (технический термин, неясной этимологии – Chantraine II, 1083; также – Skok; вряд ли приемлемо сопоставление с тур. *su* 'вода' – см.: Младенов); ср.: Dimitrakos 6608, 7069; Frisk 2, 842. stryka: ωτ | stryka (-'дядя') своéго ἀρχιέρεα | никóлае... ωт | strykъ | stryka | да | є същеник ... бѣше го съзидаль stryká | мъ ... прѣстáви | се | stryká | мъ (Тихонр. 163, 167); Троян.: та го запóпи stryká мъ ... (с. 175, 180); Копр.: ωт strykъ си да е све-щённик ... stryka своего, ... stryká мъ ... (с. 82, 87); Любл.: ωт архиérēa stryka нјéгова ..., stryka му (с. 533); Свищ.: видѣ stryká му..., проводи го царь пёлїа stryká му (с. 241, 246, 209). В памятниках письменности лексема фиксируется в данной форме как будто с XVI в.: stryka, stryka, strykъ 'patruus' (Mik. Lex. 895 но и: strykъ, strykъ и др.; только stryki, strykъ 'то же' – Даничић III, 188; Вост. 190, 191), также – stryka 'дядя' (при stryki, strykъ, strykъ 'дядя по отцу, брат деда и прадеда' – Срезн. III, 548, 564). В современных южнославянских языках: болг. stryká, stryko 'брат отца' (Геров 5, 274, также strykъ – 'деверь'), stryka (обл., устар.) 'дядя' и striк (обл.) 'то же' (Младенов 612), striko (обл.), striк, striй 'то же' (БТР 532), диал. striko 'дядя', ' обращение к пожилому человеку' (Родопы – БД II, 273), ср. striko 'дядя' (Шклифов 151); макед. striko 'брат отца', 'человек пожилого возраста' (PMJ III, 339); с.-хорв. striko (р. п. *strika*) (: *stric*) 'дядя' (RHSJ 70, 743, там же антропоним *Striko* – XVIII в., ср. и: Skok III, 344); в словенском – только strič 'дядя' (SSKJ IV, 981). В северославянских языках обычным является иное словообразовательное оформление корня, ср. чеш., слвц. strýc 'дядя' (Machek 478), польск. stryi 'то же' и: strych 'нищий' (Karłowicz SGP 5, 247–8), русск. строй 'дядя', 'калека' (Даль IV, 576, 586); блр. stryj и др.; исключение составляет укр. диал. striк(o) (но и: striй) (Гринч.; СУМ IX, 411). – Эт.: исходным считают слав. *stryjъ (Фасмер III, 780; Skok; Трубачев. История, с. 7 и т. д.); обычно возводится к и.-е. *ptriu̯-о (О. Н. Трубачев и др.), параллели – в литовском, греческом и др. (Фасмер и под.).

добыт'къ, добыт'къ: съсь добыт' || къ (= 'скот'), на добыт'къ..., нјеговъ добыт'къ..., ωт | добыт'къ, да привёзывать | добыт'къ..., что | є добы | т'къ (Тихонр., 51, 73, 113, 116, 260, 263); Троян.:

съсь добы́т'къ..., на добы́т'къ..., и добы́т'къ и др. (с. 19, 47, 103, 107, 1206, 210), ср.: да поядът | ва́шь добы́т'къ (с. 142; при том, что в Тихонр., с. 139 – да | изъдъть ва́шта стóка; возможно, стока – и 'имущество', ср.: и стока мнóго бстáви – с. 129); Копр.: ѿ добы́т'къ... съкъи добы́т'къ, ... добы́т'къ, ... нёговъ добы́т'къ (с. 31, 57, 106, 110, 114, 132, 162); Любл. сичкáть добы́т'къ (с. 481); Свищ.: за добы́такъ, ... добы́такъ, ... добы́так, сичкы добы́такъ, ... от добы́так¹ ..., добы́токъ, ... добитаци мрътви, ва́шать добы́такъ..., дубы́такуть имъ... (с. 75, 79, 92, 123, 188, 138, 220, 239, 296, 298). В указанном значении лексема не фиксируется в классических памятниках (ср. отсутствие ее в: Sadnîk-A., SJSS – только добыти); в средневековых памятниках данное значение встречается редко, см.: добы́тък 'скот' (Даничић I, 285; чаще – 'facultates', 'имение' – ср. и: Mkl. Lex. 168; Вост. 102; также добы́тък 'имущество, имение', 'добыча' – Срезн. I, 685 [Рус. Правда, лет. и др.]; 'то же' и 'доход', 'прибыль' [XII, XIV–XVI вв.] – Сл. р. яз. XI–XVII вв. 4, 272; в валашских грамотах XV в. добитокъ] и под. 'скот', чаще – 'деньги' – Бернштейн 145–6); далее др.-чеш. dobytkový (dobytek) 'Vieh-' (Gebauer I, 279). В современных южнославянских языках: болг. добы́тък 'скот' (Геров I; РСБКЕ I, 255; РБЕ и др.), диал. – Ихт., Троян., Родопы, Ботевг., Ел. и т. д. (см. в: БЕР I, 401); мак. добиток 'то же' (РМЖ, 140), при этом с.-хорв. добитак – как будто лишь 'прибыль', 'выгода', 'доход' РСА 4, 382; РСХКJ; RHSJ II, 503 и др.); словен. dobitek 'то же' (Plet. I, 143; ср. dobitek – в: SSKJ I, 1431). В северославянских: чеш. dobytek 'скот' и 'имущество' (PSJC), слвц. dobytok 'то же' (SSJ I, 280), польск. dobytek (устар.) 'скот' и 'имущество' (SJP₁ ср.: SJP₂), в.-луж., н.-луж. dobytk – лишь 'имущество' (Мука I, 178) укр. диал. добиток 'крупный рогатый скот' (КДА № 144; – при добуток 'приобретение' – Гринч.), блр. дабы́так 'добыча' и под. (БРС), рус. диал. добы́так 'добытое добро' (Даль I, 1107)²⁰. Ср. и рум. dobitoc 'домашний скот' (DLRLC I, 141), молд. добиток 'то же' (Скурт 117 – как заимствование из славянского; ср. и: Rosetti. ILR III, 64, 96). – Эт.: обычно возводится к *dobyti (< *dobyti + -ъкъ) 'имущество' ... → 'скот' (ЭССЯ 5, 49; БЕР; и др.).

зaboravы: защо заборáвы (‘забыл’) нашъ нищетъ..., да заборáвишь нашата съмръть и|да| сё заборавы тогива (Тихонр. 97, 174, 194); Троян.: скоро се заборáвы до | бринята..., не забв-

ráвъи братé..., не заборáвей рабы своé (с. 217, 155, 198); Копр.: да сё заборавы..., сàми събъ си заборáвать..., скóрь се заборавы... майсториàта и^и заборава॑р (с. 136, 140, 151, 156); Любл.: да се заборáви... сéбъ си заборáвъть..., не заборáвъ... да заборáвимъ любо́въ..., заборáвилъ щото се (с. 487, 493, 544, 547, 548); Свищ.: заборáвъте го..., ни дей ни забра́ве..., забра́вихте ... забра́веніе..., забра́венъето... (с. 87, 91, 256, 178, 301, 307). Уже в средневековых памятниках: заборавити 'obliviscí' (Даничић I, 300; валашские грамоты XIV–XV вв.: заборáвил да узме – Бернштейн, 189; также – в XIV–XVI вв. [Вост. 129]; ср. и: Mkl. Lex. 205; при отсутствии в: Срезн., где лишь – заборавыни, со ссылкой на Вост.; отсутствует и в: Сл. р. яз. XI–XVII вв.). Далее в современных южнославянских языках: болг. заборавя́м (ся) 'забывать' (Геров 2, 36), чаще забравя (БТР 179; РСБКЕ I, 355; РБЕ 5, 154 и др.), диал. забувáрям (Соф. – БД II, 79), заборéвам (Родопы – БД II, 161), заборáви, забовари (зап.; также – в соседних районах на территории Сербии: БДА. Божков, № 77; ср. также: БЕР 67); макед. заборави 'забыть', 'оставить' (=не взять') (РМЖ I, 187); с.-хорв. заборавити се 'то же' (РСА 5, 513; РСХКJ 2, 66; RHSJ v. 89, 710), диал. заборавит, забара́вит 'то же' (Косово, см.: Skok I, 189; там же – boraviti 'жить, пребывать'). В иных зонах лексема как будто неизвестна. – Эт.: некоторые исследователи связывают лексему с глаголом *byti (: причастие *въченъ; исходной формой считают *bovariti [>boraviti] < и.-е. *bhēu-, *bhōu-, *bhū- 'быть' – подробнее: ЭССЯ 2, 195; там же – разбор иных версий).

капонáть: щéть да | въскрнать | освáженїи който мéратъ и | капонáть (=‘звешивают’)| и | теглять неправо (Тихонр. 217); Троян. – ; Любл.: ... който мéратъ и къпонáть (с. 492); Свищ. – 21.

По данным средневековых памятников письменности: квона-къпона 'бокал, чаша', 'весы' (XIII в., также: коупона [XIV в.], къпонити 'взвешивать, оценивать' (XIV в. – Сл. р. яз. XI–XVII вв., в. 8, 132); ср. в языке румынских документов XV–XVI вв.: къмпънє 'весы' и 'журавль у колодца', также антропоним ку́мпънъ – Dic̄t., 61).

Очень ограниченно зафиксировано слово в современных южнославянских языках; ср.: болг. кълъны, капаны 'весы', также – кóпань, кълань 'коромысло весов' (Геров 2, 445, 348,

396), капону́ (диал.) 'то же' (РРОДД 90); макед. капан 'весы' (PMJ I, 319); ср. и русск. диал. капан 'хлебная мера' (Даль I, 212; однако, может быть, формы с корневым -а- – омонимы, см. ниже). Важен также учет в.-романских лексем: рум. симпănă 'журавль у колодца', 'весы', 'ватерпас', 'судьба' и др., симпăni 'взвешивать', 'удерживать равновесие' и под. (DLRLC I, 602), молд. кумлэнэ 'весы' (Скурт). – Эт.: неясно; обычно связывают лексему с лат. сатрапа 'вид весов', 'коло-кол' (Berneker I, 600; Фасмер II, 421; БЕР; Скурт; впрочем, рум. симпănă – не прямо из латинского, а через къпана – в соответствии с данным исторической фонетики); русск. капан, вероятно, восточного происхождения, ср. (?) чагат капан 'большие весы' (Фасмер 2, 183; там же – против связи с лат. сатрапа; ср. семантику капь – 2, 189).

III. Лексемы, которые фиксируются, начиная с эпохи дамаскинов нbt и вплоть до настоящего времени.

–гази: й|когå үгáзи (=дошел, добрел) досрđб ръката ... не | могох'ме да | пръгáзим (=‘перейти’), защо бъше голъма (Тихонр. 73, 77); Троян.: оугази досрđб ръката ... да пръгáзим (с. 48, 53); Копр.: үгази́ досрđб ръката ... да пръгáзим (с. 163, 168); Любл., Свищ. – ; в дамаскине начала XIX в.: свите десет ги згазъеть (=‘потопчет’) (Селищев. Полог 436).

Отсутствует в классических памятниках (см.: SSJS; Sadik-A. и др.: далее – Срезн.: газити = казити – иное); ср. однако: газъ 'vadum' (Даничић I, 202), также заимствование в восточнороманские языки: зъга(с) 'брод' (XV–XVI вв. – Dic. 267). Слова с корнем *gaz- представлены во всех ю.-славянских языках. Ср.: болг. газъ 'ходить по воде или по чему-либо, в котором можно потонуть', 'переходить вброд', 'топтать, ходить' и под. (Геров I, 207), газя 'то же' (РБЕ 3, 53; БТР 88; РСБКЕ 1, 171), диал. газъ, газа 'то же' (Севл., Видин., Ихт., Плев. – БЕР I, 224); мак.гази 'ступать, идти', 'угнетать, нарушать' и др. (PMJ I, 91), диал. газало, газ, газалиште 'брод, мелкое место на реке' (Григ., 48); с.-хорв. газ 'брод', газити, газати 'идти, брести' и под. (PCXKJ I, 459; RHSJ III. 118), с.-хорв.-кайк. gaziti(se) 'идти по воде', 'давить ногами', 'осквернять, притеснить' и др. (Finka. RHKKJ III, 586), хорв. gaziti 'давить ногами' (о. Вргада – Jurišić 58, ср. о. Сусак – Ѓазит, Хвар – gazit); словен. газ, гáza 'тропа в снегу', гáziti se 'идти по снегу, болоту' (с ним не связано – gaziti se=gaditi

se), также гáža 'след дичи в снегу', гážnja 'брод' (Plet. I, 208; ср. и: Bezljaj I, 141). Ср. в неславянских языках: рум. zágaz 'паром', 'водохранилище', 'плотина', 'препятствие', zágazui 'построить плотину' и др. (DLRLC IV, 724; ср. и: DExpl.), молд. зэгэз 'плотина', 'препятствие' (Скурт 154), венг. gáz 'Furt', gázolnji (Knizeza 188), gázol 'топтать ногами', 'идти (в том числе и переносно)' и др. (MNyTESz 1, 1039). Из северославянских языков – как будто только белор. диал. газ 'брод' (р-н Лепель – Яшкін 43). – Эт.: по ЭССЯ (6, 113–114) – из слав. *gazъ < и.-е. *gʰéh₂- 'идти'; иные версии, часто без деталей – БЕР I, 224; Berneker I, 299, Младенов 96; Skok I, 557; Bezljaj и др.; изю.-слав. – венг. gázol, в.-роман. zágaz и др.).

Укажем и примеры заимствованных элементов.
нефел'ныи и под.: Ѽзъ нефел'ныи (-‘ничтожный’), члкъ...заради мба нефел'нина (-‘ничтожество’), ... нефел'ниго члка... нефел'нна кёлїа... на | єдного нефел'ниго мъжа ... и като єдна къща кра́сна|| без| покровъ, ничто нефёла (=‘негодная’) ни | за ѩо ... сич'ките нефелити... ω нефе ||литче (=‘негодник’) и | непочтённиче (Тихонр. 61–63, 93, 123, 182, 203, 210); Троян.: моа нефелнина ... нефельный чл(овѣ)къ ... нефе'лного чл(овѣ)ка... нефелка кюліа ... нефелномо чл(овѣ)къ ... не фела ни защо... (с. 32–34, 75, 199); Копр.: нефел'на кёлїа ... єдного нефел'ниго мъжа ... нефела нїзашо... ω нефелит'че ... сич'ките нефелити езици (с. 6, 38, 105, 122, 131); Любл. – только: нефелит'че ... сич'ките нефелити езици (с. 480, 468); Свищ. – . В указанной форме и в приведенных значениях – как будто только в современном болгарском языке и диалектах: нефелам = нех[в]éлам 'хворать', 'быть негодным', нéхвель 'боль, болезнь' и под. (Геров 3, 268, там же однокоренные), с пометой "арх[аическое]" – нефелен, нефел, нефелит и (нар.) нехвёл и под. 'больной, немощный', 'нестоящий, негодный', нефелам 'быть негодным' и под. РРОДД 293); ср. и фелам, хелам и др. (Младенов 356); слова с данным корнем есть и в современных словарях: нефела (обл.) 'нешто, което не бива, не е редно да става', нефелам, нехёлам (нар.) 'быть больным, не годным для работы' и под. (БТР 462; РСБКЕ), широко – в диалектах: нефелин, нефелам 'больной, быть больным' (Самок. – БД III, 251; ИИБЕ IV, 315), нёлен, нефелен 'нехороший' (Ихт. – БД III, 117), ниу́лит, н'у́лит 'испорченный' (Свищ. – там же, 306), нефела 'плохой' (Соф. – БД II, 93), нефелам 'быть плохим', нефелит

'больной, плохой', нефёло 'плохое, больное', 'страшное' (Родопы – БД II, 220; ср.: ИИБЕ IV, 89), нèльну 'плохо, испорчено' и др. (Троян. – БД IV, 215) и под. – Эт.: возводится к н.-греч. *ὤφελος* 'неполезный, бесполезный' (РРОДД 286; может быть, как калька н.-греч. *λύσ-φελος* 'то же', 'вредный': Dimitrakos 687, 5302); ср., с другой стороны, близкую семантику в тур. nafile, не связанном генетически с указанными выше словами: нафиле (РРОДД), арум. nafile (Papahagi 726), см. и: nafilä (Радлов 3, 661).

кара́зъ: ни | ти да йма́шь ... | и | ка́ра́зъ (= 'вражду') съсь нéкого ... йма́шь ка́ра́зъ на | нéко | го хсrtiанина... ѿ | ка́ра́зъ ... щéшь да | навéшь на ка́ра́зъ да нé | дрь | жи́шь ... си́ йма́ль ка́ра́зъ... сдрце-то си | гнéбъ | ка́ра́зъ (= 'вражду, злобу') да нé | држимé ... дето-дрьжъ намы | ка́ра́зъ съко́гы... и на завиди́нє и на | ка́ра́зъ ... та | е ка́ра́зъ на бá (Тихонр. 49, 51, 226, 243, 246, 324); Троян.: еди́нь на дръгаго, нí | ка́ра́зъ (с. 199, при: нéмаме враждъ – Тихонр. 182), ... йма́меме нéчто ка́ра́зъ ... да нéмаме ка́ра́зъ (с. 164, при: йма́меме нéчто враждъ ... да | нéмаме | враждъ – Тихонр. 154), зави́сть и ка́ра́зъ (с. 232, при: вражда – Тихонр. 275); Любл.: дръжъ ка́ра́зъ ... на ка́ра́зъ (= *Чулáсъ*) ... ка́ра́зъ на б(ог)a ... ка́ра́зъ на д(8)ши́те наши (с. 530, 531; ср. также ка́ра́зъ да нé држимé – с. 546); Свищ.: дръжъ нам карéз съко-ги ... на ка́ра́зъ (с. 286; ср. и: хвáлеше боювé и ка́ра́зъ – [с. 78], при: хвáлъ | ше | се нави́сть и | вражда, с. 258; также: ни дръжъ-ме ка́ра́зъ – с. 114, при: и | не | дръжать злобы – Тихонр. 62).

Ранее, чем в КЯНО, как будто не фиксируется. Далее: болг. ка́реz = гарез 'злоба' и под. (Геров I, 210; 2, 352), ка́реz болг. ка́реz = гарез 'злоба' и под. (Геров I, 210; 2, 352), ка́реz (устар.) 'яд, (диал.) 'омраза, злоба' и др. (РРОДД 193), ка́реz (устар.) 'яд, злоба' и др. (БТР 281; РСБКЕ I, 587); ср. и диал. ка́реz, гарез 'то же' и производные – закаре́зя 'намразявам', отгаре́сувам 'отмы́шавам' и под. (Самок., Пирд., Соф., Родопы, Странджа и др. – БЕР 2, 246); мак. гарез 'злоба' (разг.) (РМЖ I, 94; ср.: гарезлиja); с.-хорв. гарез 'вражда' и под. (РСА 3, 191 – 7; ка́реj – 9, 290); арум. сágeze 'вражда, злоба', алб. garaz 'ссора, зави́сть' (Papahagi 274; Fjalor 136). – Эт.: из тур. garez 'цель, намерение', 'ненависть, злоба' <ар. garad (БЕР; ср. и: Младенов 97, 232; РРОДД), далее: гáреш (Севорян 3, 80; ср. и: Радлов 2, 177, 208, 1096, 1594, 1637).
ковладет: та | штйдать да | ковладётъ (= 'клеветать') ... бéха тамъ | дъхоове, ковладнii, и кврварскii (Тихонр. 250). Несовпаде-

ние лингвотекстологической структуры Тихонр., Копр., Любл., Свищ. не позволяет изучать лексемы с данным корнем в аутентичных контекстах. Можно лишь сделать заключение о наличии слов в указанных памятниках письменности. Ср.: или лýжá или кувлаčia (= 'клеветник') или блúдник (Свищ. 269, ср. ковладисвам – с. 70; см. также в ркп. XIX в. – ковладия 'клевета' – по: БЕР 2, 512). Ранее не фиксируется. Далее – в болгарском: ковлàда 'клевета' и ковлàден, ковлàдица, ковладж(s)я 'клеветать' и др. (Геров 2, 380; Младенов 244), ковлàдя (обл.) 'клеветать' (БТР 300; РСБКЕ I, 614), диал. кувльдъ 'клевета' и глагол кувльдъ (Троян. – БД IV, 208), ковлàда, ковлади 'то же', наковладя, наковлаждам (се) и под. (БЕР). – Эт.: Л. Милетич (Свищ., стр. 70) считает, что слово – из турецкого; иначе: Ст. Младенов, видевший в слове тот же корень, что и в ков-a (и связь с тур.-ар. kavul – Младенов; см. и kovlamatik, kavulmak 'злословить' – Младенов. БТР 1041). Составители БЕР предлагают также связь с ковъ (2, 512); в последнем случае база сопоставления расширяется за счет привлечения данных древних памятников (см.: Sadnik-A. 47, № 375; Mikl. Lex. 326; Вост. 174; Срезн. I, 1243; ЭССЯ 12, с. 14 и др.; однако в этих памятниках нет упоминания о ковлада); этимологически не связывается ковлада и под. и коврадя (подробнее: Младенов; БЕР 2, 542; Palaeobulg. 1978, № 2, с. 76 и сл.; см. и: ЭССЯ 12, с. 14).

* * *

1. Рассмотренные выше примеры демонстрируют – на всем протяжении существования болгарского ЛЯ – ряд типов соотношения "преемственность/континуированность" и эволюции в сфере лексики (и отчасти – семантики). Например: фиксация тех или иных лексем в ЛЯ, начиная с древнейших памятников письменности до настоящего времени (или же утраты их в современном болгарском языке – ЛЯ, диалекты); появление тех или иных лексем в языке средневековых памятников письменности, в том числе – в КЯНО, и сохранение в современном болгарском языке (ЛЯ или только диалекты) и др.

2. Данные примеры позволяют предположить уникальность истории практически каждой единицы СлС КЯНО.

Степень индивидуализации "временной траектории" отдельных лексем эксплицируется тем очевиднее, чем больше параметров учитывается исследователем, например, не только (1) хронология и стратификация фиксаций (охватывающие период существования лексико-семантической единицы в языке), но и (2) характеристика по параметру "исконное — заимствованное", (3) интенсивность семантической и словообразовательной эволюции, (4) больший или меньший акцент на сопоставлении материала КЯНО с более древними и современными данными (болгарские и инославянские факты, включенность в "пространство сопоставления" и фактов неславянских языков) и т. д.

3. Очевидно, что в дальнейшем, при изучении лексико-семантических единиц, фреквентность которых в текстах КЯНО достаточно высока, неизбежно возникновение дополнительных трудностей. Во-первых, несомненно, усложнится задача выявления всех словоупотреблений тех или иных лексем в круге отобранных памятников; во-вторых, более трудоемкой станет процедура последовательного (стремящегося к исчерпанности) сопоставления всех аутентичных контекстов, где отмечена данная лексема, и установление набора возможных лексических дублетов и вариантов.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Содержание терминов "болгарский ЛЯ" и "ЛЯ в Болгарии", по-видимому, неидентично.

2. О неоднозначном употреблении термина "дамаскин" и определении его содержания на современном этапе изучения КЯНО см.: Демина Е. И. Тихонравовский дамаскин. Болгарский памятник XVII в. I. С., 1968, с. 9, 10, 37–40. Ср., в частности: "Дамаскины — это рукописные сборники поучительных слов, житий, апокрифов, проповедей, распространявшихся в Болгарии с конца XVI по начало XIX вв., в котором в полном, расширенном или редуцированном виде представлен какой-либо из характерных типов исторически сложившегося устойчивого состава статей, содержащих, в частности, произведения Дамаскина Студита" (Указ. соч., с. 40).

4. Демина Е. И. Указ. соч., т. 3, с. 33.

5. К этим причинам относятся собственное развитие народного языка (=диалектов), сохранение традиционной нормы, иноязычные влияния и т. д.

6. Демина Е. И. Указ. соч., т. 3, с. 35.

7. Там же.

8. Там же. С. 47.

9. Специфика семантического уровня рассматривается ниже лишь в самых общих чертах, в связи с изучением лексических единиц, представленных в КЯНО.

10. О понятиях "лексические дублеты" (=разнокоренные слова с одинаковым значением) и "лексические варианты" (=однокоренные слова, различающиеся фонетически и морфологически) подробнее см. в: Цейтлин Р. М. Лексика старославянского языка. М., 1977, с. 52.

11. Демина Е. И. Указ. соч., т. 3, гл.

12. Для наглядности принятой процедуры описания специально выбраны лексемы, имеющие в обследованных текстах относительно малую фреквентность, и гапаксы, что позволяет перечислять здесь все словоупотребления изучаемых единиц.

13. Подробнее о дамаскинах этого типа см.: Демина Е. И. Указ. соч., 1, с. 42 и сл.

14. О лунном культе Артемиды-Дианы см.: Мифы народов мира, т. 1. М., 1980.

15. Совокупность текстов дамаскинов позволяет выявить и уточнить данное специфическое значение, ср. в Кост. (л. 249) конобъ великъ, ёже бѣ въ образъ волобъ ныни (Тихонр.: ёдинъ котель голбъмъ, ѩо бѣше шбразъ | мы като воль... л. 39); в то же время котель чаще означает 'большой медный сосуд' (см.: Демина 3, 211).

16. Лукина Г. Н. О названиях сосудов в языке памятников древнерусской письменности XI–XIV вв. // ОЛА. 1982. М., 1985, с. 121–122.

17. Однако в данном и подобных случаях значение лексемы неясно; по мнению Е. И. Деминой, оно определяется как 'некая ценная вещь (проданная, чтобы отметить день Св. Николая)'; в других дамаскинах в аутентичных контекстах, помимо данной лексемы, встречается и *наштрапа*. Употребление в данном фрагменте той или иной лексемы является признаком, по которому классифицируются дамаскины. См.: Демина Е. И. Классификация болгарских дамаскинов по редакции "Чуда о ковре"// "Ученые записки Ин-та славяноведения АН СССР". Т. XXXIII. М., 1962, с. 216 и сл.

18. Этимология слова, с приведением обширного материала тюрksких и иных языков, рассмотрена в: Севорян 2, с. 108–111 (бэлги).

19. Подробнее см.: MJ, XXXII–XXXIII, Скопье, 1982, с. 347.

20. О семантике представителей "добутькъ" см.: Коннова В. Ф. Об одной лексико-семантической группе в ОЛА // ОЛА. Материалы и исследования. М., 1968, с. 32 и сл.

21. На полях архаического Ханджанского дамаскина нарисованы весы и есть надпись: кашна (Любл. с. 492).

СОКРАЩЕНИЯ

БДА — Български диалектен атлас. I–IV. София, 1964–1978; **БДА. Иванов** — Иванов Й. Български диалектен атлас. I. София, 1972; **БДА. Божков** — Божков Р. Български диалектен атлас. София, 1986; **Бернштейн и др.** — Бернштейн С. Б. и др. — В: Славянское языкознание. IX съезд славистов. Докл. советской делегации. М., 1983; **Берн. Раз.** — Бернштейн С. Б. Разыскания в области болгарской исторической диалектологии. М., 1948; **БРС** — Белорусско-русский словарь. М., 1962; **Вост.** — Востоков; **Гринч.** = Гринченко; **Григ.** — Григ.

горян Э. А. Словарь местных географических терминов болгарского языка. Ереван, 1975; **Даничић** – Даничић Д. Речник из књижевних старина српских. Биоград, 1863–1864; **ДМР** – Дикционар молдовенеск-русеиск, Кишинэу, 1961; **КДА** – Карпатский диалектологический атлас. М., 1967; **Клеп. СПТ** – Клепикова Г. П. Славянская пастушеская терминология. М., 1974; **Клеп. 1982** – Клепикова Г. П. – В: ОЛА. 1982, М., 1985; **Кир.-мет. сб.** – Кирило-методиевски студии. 1, София, 1984; **Куркина** – Куркина Л. В. – В: Этимология. 1973. М., 1975; **Мейе. Общесл.** – Мейе А. Общеславянский язык. М., 1951; **Минчева – Минчева А.** Старобългарски кирилски откъслети. София, 1978; **Младенов БТР.** – Младенов С. Български тълковен речник. I–II. София, 1941; **Мука = Muka;** **Николова – Николова С.** Патеричните разкази в българската средновековна литература. София, 1980; **ОКДА – Общекарпатский диалектологический атлас** (архив – ИСБ РАН, Москва); **РБЕ** – Речник на български език. 1 – . София, 1977.; **РМЖ = Конески; РРОДД = Речник РОДД; РСБКЕ = РБЕ; РСХКJ = Речник српско-хрватског књижевног језика.** I – Београд, 19; **Севортиян – Севортиян Э. В.** Этимологический словарь тюркских языков. М., 1974, 1978, 1980; **Селищев. Полог – Селищев А. М.** Полог и его болгарское население. София, 1929; **Скуорт – Скуорт дикционар етимоложик ал лимбий молдовенеск.** Кишинэу, 1978; **Сл. р. яз. XI–XVII вв. -СлРЯ XI–XVII вв.; Срезн. = Срезневский; СРНГ = Филин;** **СУМ – Словник української мови.** I – . Київ, 1970 – ; **Топоров – Топоров В. Н.** Прусский язык. [I–V]. М., 1959; **Трубачев. Сл. яз. V съезд – Трубачев О. Н.** История славянских терминов родства и некоторых других терминов общественного строя. М., 1959; **Трубачев. Сл. яз. V съезд – Трубачев О. Н.** – В: Славянское языкознание. V междуд. съезд славистов. М., 1963; Шклифов Б. – В: БД VIII; **Яшкін – Яшкін І.** Беларускія геаграфічныя назвы. Мінск, 1971; AJPP – Małecski M., Nitsch K. Atlas językowy Polskiego Podkarpacia. Kraków, 1934; **ALR sn – Atlasul lingvistic român.** Serie nouă. I – . Bucureşti, 1956 – ; **Andriotis – Andriotis N.** Lexikon der Archaismen in neugriechischen Dialekten. Wien, 1974; **Bern. = Berneker; Chantraine – Chantraine P.** Dictionnaire étymologique de la langue greque. 1, 2. Paris, 1968; **Dicț.** – Dicționarul elementelor românești din documentele slavo-române. Bucureşti. 1981; **Dimitrakos – Δημητράκος Δ.** Μεγαλεύχον ὀλῆς ἐλληνικός γλωσσῆς. I – A Θήνας, 1949.; **DLR – Dicționarul limbii române.** 1 – . Bucureşti, 1913 – ; **DLRLC – Dicționarul limbii române literare și contemporane.** I–IV. Bucureşti, 1955–1957; **Fjalar – Fjalar i gjuhës shqipe.** Tiranë, 1954; **HSSJ – Рукопись "Словацкого исторического словаря"** (Братислава); **Isačenko – Isačenko A.** Slovensko-rusky prekladový slovník; **Jurišić – Jurišić B.** Rječnik govora o. Vrgade. II. Zagreb, 1973; **Kartowicz. SGP = Kartowicz; Knežević – Knežević A.** Die Turcizmen in der Sprache der Kroaten und Serben. Meisenheim, 1962; **Kniezsa – Kniezsa I.** A magyar nyelv szláv jövevényiszavai. Budapest, 1955; **Mik. Lex. = Miklosich. LP;** **Mik. TEL – Miklosich F.** Die türkischen Elemente in den südost- u. osteuropäischen Sprache. I–II. Wien, 1888–1890; **MNyTESz – A magyar nyelv történeti etimológiai szótára.** I–III. Budapest, 1967–1976; **Palaeobulg. – Palaeobulgá-**

rica. София; **Papahagi – Papahagi T.** Dicționarul dialectului aromân general și etimologic. București, 1963; **Plet = Pleteršnik; Polański – Lehr-Spławinski T., Polański K.** Słownik etymologiczny języka drzewian połabskich. I – . Wrocław, 1962.; **RHSJ = RJA; Rosetti. ILR – Rosetti A.** Istoria limbii române. I–III. București, 1964; **Sadnik-A. – Sadnik L., Aitzmüller R.** Handwörterbuch zu den altkirchen Slavischen Texten. Heidelberg, 1955; **SJP1 – Kartowicz J. et al.** Słownik języka polskiego. I–VIII. Warszawa, 1904–1927; **SJP2 – Słownik języka polskiego.** I – . Warszawa, 1958 – ; **SJSS [= Sl. st] – Slovník jazyka staroslovenského.** I – . Praha, 1958 – ; **SSJČ – Slovník spisovného jazyka českého.** I–VIII. Praha, 1989; **SSKJ – Slovar slovenskega knjižnega jezika.** I – . Ljubljana, 1970 – ; **Tentor – Tentor M. – B: Sloven. Akad. Razprave I.** Ljubljana, 1950; **Tiktin – Tiktin H.** Rumänisch-deutsches Wörterbuch. I–III. Bukarest, 1903–1925.

Остальные сокращения см. в издании Института русского языка РАН "Этимология", которые приняты и значительной частью исследователей.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Е. И. Демина. Предвозрожденческий период в истории болгарского литературного языка	5
Т. В. Попова. Способы образования общей падежной формы мн. числа существительных мужского рода в тексте Тихонравовского дамаскина XVII века	31
И. В. Платонова. Выражение синтаксических отношений имени существительного в новоболгарских дамаскинах XVII века (на материале "Слова об апостоле Фоме")	57
Е. А. Сорокина. Состояние нормы употребления членных форм имени существительного в книжном болгарском языке XVII века на народной основе .	74
М. П. Рускова. Статистический анализ членных форм в болгарских памятниках XVIII века.....	84
Г. К. Венедиктов. Вторичные имперфективы в новоболгарском литературном языке XVII века	100
Г. П. Клепикова. Из истории словарного состава книжного болгарского языка XVII века на народной основе.....	131

БОЛГАРСКИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК ПРЕДВОЗРОЖДЕНЧЕСКОГО ПЕРИОДА

Сборник статей

Утверждено к печати

Институтом славяноведения и балканистики РАН

Технический редактор З. М. Гирфанова

Сборник набран на композиторе Института

Подписано в печать 10.09.92. Формат бумаги 60 x 90 1/16.

Бумага офсетная. Усл. печ. л. 8,6. Уч.-изд. л. 8,2.

Тираж 300экз. Заказ 176. Цена договорная.

Отпечатано на ротапринте ВНИПИстатаинформа Госкомстата РФ

